

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

«ЭТОТ РОМАН ЗАТЯГИВАЕТ В ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ
НЕВЕРОЯТНЫХ СЮЖЕТНЫХ ПОВОРОТОВ».

BOOKBUB

ДЕВУШКА ИЗ УИДОУ-ХИЛЛЗ

INSPIRIA

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

«ЭТОТ РОМАН ЗАТЯГИВАЕТ В ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ
НЕВЕРоятных СЮЖЕТНЫХ ПОВОРОТОВ».

BOOKVUB

ДЕВУШКА ИЗ УИДОУ-ХИЛЛЗ

INSPIRIA

Меган Миранда
Девушка из Уидоу-Хиллз

Megan Miranda
THE GIRL FROM WIDOW HILLS
Copyright © 2020 by Megan Miranda
Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

Перевод с английского Юлии Каллистратовой
Художественное оформление Яны Паламарчук

© Каллистратова Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

Посвящается моей семье

Пролог

Я БЫЛА ДЕВОЧКОЙ, которая выжила.

Девочкой, которая продержалась. Девочкой, за которую молились – или делали вид, что молились, а сами благодарили бога, что не их ребенок пропал где-то там, в темноте.

А потом я стала чудом. Сенсацией. Историей – одной из тех, что нравятся всем.

История в самом деле была хороша: вдохновляющий пример человечности, надежды и силы духа. Счастливая развязка драмы, едва не обернувшейся трагедией, вызвала чуть ли не благоговение. Не важно, от искренней радости или просто от сильного потрясения – восторг был одинаковый.

На какое-то время я прославилась. У меня брали интервью, обо мне писали в газетах, даже вышла книга. Случай вновь привлек внимание репортеров через год, потом через пять лет, потом через десять.

Теперь я знала, каково это – когда твоя история перестает тебе принадлежать. Когда ты превращаешься в нечто, подогнанное под формат газетной полосы. В то, что хорошо продается.

Образ той девочки застыл во времени, обрета начало, середину и конец: жертва – стойкость – триумф.

Хорошая история. Хорошее чувство. Счастливый конец. Занавес.

Можно подумать, история закончилась, как только о ней забыли в новостях, перестали писать статьи и заговорили о чем-то другом. Как будто она не была лишь началом.

Одно время я понимала, чего так хотелось людям. Возврата к общей точке соприкосновения, когда кто-то говорил: «Та девочка из Уидоу-Хиллз, помните?»

Тому мгновению, когда переполнял ужас, надежда и облегчение – все сразу.

Хорошее чувство.

ТОЙ ДЕВОЧКОЙ Я НЕ БЫЛА уже давно.

Глава 1

Среда, 19:00

ПОСЫЛКА СТОЯЛА у самого крыльца на клочке земли, который никак не желал зарастать травой. Беззащитные перед стихиями картонные стенки, мое полное имя, потекший адрес. Коробка поместилась у меня на бедре, как ребенок.

«Я поняла, что ее нет, еще до того, как проснулась».

Первой строчкой в книге моей матери стали слова, якобы сказанные ею, когда приехала полиция. Фраза, месяцами повторявшаяся в каждом интервью и транслировавшаяся в миллионы гостиных по всей стране.

Прошло почти двадцать лет, но именно эти слова эхом вертелись у меня в голове, пока я поднималась с посылкой по деревянной лестнице. Тот дрогнувший голос. Знакомая интонация.

Я заперла за собой входную дверь и, пройдя под аркой в коридор, внесла посылку на кухню. Содержимое коробки сдвинулось, почти невесомое.

Когда я поставила посылку на стол, послышался глухой стук – много шума из ничего. Я сразу направилась к выдвигному ящику у раковины, стараясь не оттягивать момент дольше, чем он того заслуживал.

Канцелярский нож скрипнул по трехслойной ленте. Края коробки отсырели на мокрой земле, прилипшая крышка поддалась с трудом. Внутри – холодная темнота.

«Я поняла, что ее нет...»

В лучшем случае эти слова были банальностью, в худшем – неправдой, эффектной находкой, придуманной постфактум.

Может, мать в это и верила. Я-то почти нет, за исключением редких приливов сочувствия – как теперь, когда на меня смотрело печальное содержимое полупустой коробки. Прямо сейчас мне страшно хотелось поверить, что в какой-то миг между нами и правда возникла некая связь, что мать действительно почувствовала мое отсутствие: покалывание в затылке, ее зовущий голос в полутемном, вечно сыром коридоре; мое имя – «Арден?», отскочившее от стен, хотя она знала – наверняка знала, – что ответа не будет; чуть приоткрытая входная дверь – первый верный признак беды; и москитная сетка, захлопнувшаяся со стуком, когда мать босиком побежала по мокрой траве, в пижамных штанах и выцветшей футболке,

выкрикивая мое имя, пока у нее не пересохло в горле. Пока не сбежались соседи. Полиция. Репортеры.

«Чисто интуитивно».

Вторая строчка из ее книги. Она прямо-таки почувствовала, что меня нет.

Чего не скажешь обо мне. Матери не было в живых семь месяцев, прежде чем я узнала о ее смерти. Прежде чем поняла, что она не просто ушла в запой или скользнула в жизнь очередного хахалы, одновременно стряхнув с себя кожу предыдущего, уверенная, что я только рада не получать от нее никаких вестей.

Все это время меня не оставлял смутный страх, что, куда бы я ни уехала, сколько бы стен ни выстроила между нами, однажды мать появится, как привидение: я выйду на работу, а она тут как тут – на крыльце, маленькая, с чересчур широкой улыбкой и чересчур худыми руками. Притянет меня к себе и засмеется, словно вызванная из небытия.

Правда добиралась до меня семь месяцев из-за бумажной волокиты и свойства матери вечно оказываться на дне. Передозировка в округе, переполненном передозировками, в одном из глухих штатов, погребенном под расплзающейся эпидемией зависимости. При ней не нашли ни водительских прав, ни адреса. Она долго оставалась неопознанной. Пока однажды не всплыло имя.

Возможно, кто-то ее хватился – один из тех мужчин, которые все на одно лицо. Или отпечатки пальцев вдруг обнаружили в системе. Не знаю, да это и не имеет значения.

Так или иначе, имя стало известно: Лорел Мэйноу. После чего ей опять пришлось ждать. Пока кто-то не присмотрелся, не копнул глубже. Может быть, она когда-то попадала в больницу и записала меня как родственницу. А может, и вовсе не было никакой привязки, просто кого-то вдруг осенило: «А это, часом, не мать той девочки? Девочки из Уидоу-Хиллз?» Вспомнили историю, газетные заголовки. Зацепились за слабый след в официальных бумагах.

Когда в телефоне назвали имя, которым я давно не пользовалась, до меня все еще не доходило. Никакого предчувствия до того самого момента, когда мне сказали напрямик:

«Это Арден, дочь Лорел Мэйноу? Мисс Мэйноу, боюсь, у нас плохие новости».

Даже тогда я подумала о чем-то другом. Что мать арестовали и она просит освободить ее под залог. Готовая совсем к другой эмоции, я стиснула зубы, призвала всю свою решимость...

По их словам, она умерла семью месяцами раньше. О ритуальных формальностях позаботились на деньги округа, после того как умершая долго оставалась неопознанной.

Теперь моя мать – горстка личных вещей, которые требовалось забрать. Я представила, с каким облегчением ее вычеркнули из списка нераскрытых дел, наспех записав мой адрес на том, что от нее осталось, трижды запечатав все упаковочной лентой и отправив через полстраны.

В посылке лежал конверт с безличным перечнем содержимого: «одежда, полотняная сумка, телефон, украшение». На одежду тянул только зеленый свитер, сильно поношенный, с обтрепанными рукавами, который, как я поняла, был на ней надет. Мне не хотелось думать о состоянии всего остального, если, кроме этого свитера, прислать было нечего. Еще там лежала потерявшая форму сумка с размытым пятном, оставшимся от надписи или рисунка. Под сумкой – мобильный телефон. Я повертела его в руках: старая, поцарапанная раскладушка чуть ли не десятилетней давности.

На дне, в целлофановом пакете, лежал браслет. Я опустила его на ладонь, и с руки свесился амулет на когда-то позолоченной, теперь же окислившейся до зеленовато-черного цвета цепочке. Балетная туфелька с бантиком и крошечным блестящим камнем в середине.

Я задержала дыхание – амулет продолжал раскачиваться, как метроном, отсчитывая время, даже когда мир замер. Каким-то образом уцелевший кусочек нашего прошлого, который она так и не продала.

Даже мертвые способны удивлять.

В это мгновение, с браслетом в руке, я почувствовала, как что-то сильно сжалось в груди, преодолевая наш разрыв, сокращая пропасть между этим миром и следующим.

Браслет соскользнул с ладони и, извиваясь змейкой, упал на стол. Я сунула руку в коробку, шаря по дну в поисках чего-то еще.

Ничего больше не было.

Свет в комнате переместился, словно сдвинулись занавески. Или тень от деревьев за окном. Голова вдруг закружилась, в глазах потемнело. Я ухватилась за край стола, чтобы не упасть. Мне послышалось какое-то дуновение, будто комната резко опустела; я вдруг почувствовала ту пустоту, о которой говорила мать.

Из коробки пахло землей, затхлостью; со всех сторон меня обступили холодные, сырые стены. Я инстинктивно шагнула к двери.

Двадцать лет назад я была той девочкой, которую смыло во время ливня и унесло в трубы под землей. Несмотря ни на что, я выжила. Устояла перед

натиском течения, удерживая голову над водой до тех пор, пока безжалостный поток не схлынул и я не пробралась к дневному свету и не вцепилась в решетку – где меня в конце концов и нашли. На поиски ушло почти три дня, но в моей памяти ничего о том времени не сохранилось. То ли за давностью лет, то ли благодаря инстинкту самосохранения, сознание щадило меня до тех пор, пока я уже при всем желании не могла ничего вспомнить. Остался только страх. Страх замкнутых пространств, бесконечной тьмы, из которой нет выхода. Инстинкт вместо воспоминаний.

Мать всегда говорила, что мы из тех, кто выживает. Долгое время я ей верила.

Наверное, пахла сама коробка, всю ночь вбирившая в себя ароматы прохладного вечера и влажной земли. Частичка стихий, внесенная внутрь.

Но на мгновение я вспомнила, что не удавалось раньше. Или когда-либо вообще. Вспомнила темноту, холод и свою маленькую ручку, крепко вцепившуюся в ржавую решетку. Собственное, прерывистое в тишине дыхание и что-то еще, очень далекое. Какой-то слабый отзвук, эхо крика. Мое имя, несущееся по ветру в непостижимую тьму – на мили вокруг, под землю, где я надеялась, что меня найдут.

СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

17 октября 2000 года

Обращаемся к жителям за помощью в поисках шестилетней Арден Мэйноу, которая пропала либо вчера поздно вечером, либо сегодня рано утром. Каштановые волосы, карие глаза, рост чуть больше метра, вес около 17 килограммов. В последний раз ее видели спящей в своем доме на улице Уоррен, недалеко от центра Уидоу-Хиллз, на ней была голубая пижама. Просим всех, у кого есть какая-либо информация, срочно позвонить по номеру, указанному на экране.

Капитан Морган Ховард

Отделение полиции, Уидоу-Хиллз

Глава 2

Пятница, 03:00

Я ОПЯТЬ УСЛЫШАЛА свое имя, доносившееся откуда-то издалека, из темноты.

«Лив. Эй, Лив». Голос приближался. «Оливия». Картинка стала четче, голос мягче. Дважды моргнув, я различила перед собой живую изгородь, низко свисающие ветви и сквозь листья – потусторонний отсвет от соседнего дома.

Потом уже лицо Рика, белизну его майки, когда он, повернувшись боком, протискивался через кусты, разделявшие наши участки.

– Все хорошо, – сказал он, подойдя ближе и выставив вперед руки, словно боялся спугнуть. – Ты в порядке?

– Где я?

Я никак не могла прийти в себя. Холодный ветер, ночь, Рик, стоящий передо мной в футболке и серых спортивных штанах, морщинки вокруг его глаз, мозолистые руки, которыми он взял меня за локти – и отпустил. Я оступилась и тут же скорчилась от боли в ступне, пронзившей меня сквозь туман. Я была снаружи. Мы стояли во дворе, среди ночи...

Нет. Только не это. Не опять.

Рефлексы были еще слишком замедленны, и паника пока не наступала, но я понимала, что очнулась на улице, босиком и с пересохшим, саднящим горлом. Наскоро осмотрела себя: намокшие края пижамы, ладони в песке и грязи, острая боль в ступне.

– Не волнуйся, я помогу. – Положив руки мне на плечи, Рик развернул меня обратно к дому. Как отбившееся животное, которое нужно завести внутрь. – Ничего страшного. Мой сын тоже иногда ходил во сне. Правда, только по дому.

Я пыталась сосредоточиться на его губах, на словах, которые он произносил, но что-то от меня ускользало. Голос звучал издалека, все вокруг расплывалось. Я еще не до конца вернулась в реальность.

– Нет-нет, я не спала. – Собственные слова царапали мне горло. Во рту все горело, безумно хотелось пить. – Со мной такого больше не бывает, – добавила я, с усилием поднимаясь по ступенькам крыльца. Ноги покалывало, как после долгого онемения.

– Хм, – сказал он.

Я говорила правду. Затянувшиеся ночные кошмары – да, особенно в преддверии годовщин несчастного случая, когда все всплывало на поверхность. Когда любой стук в дверь, любой неизвестный звонок вызывал у меня спазмы в желудке. Однако хождение во сне не повторялось

с детства. Поначалу мне давали лекарства, а к тому времени, когда я перестала их принимать – раз пропустила, второй, потом забыла продлить рецепт, – эпизоды больше не возобновлялись. Отголоски прошлого, ничего больше. Как и все прочее, что осталось в прошлой жизни, у той девочки.

– Что же, по-видимому, еще бывает, – отозвался Рик.

Свет от крыльца отбрасывал на двор длинные тени. Рик надавил на дверную ручку – она не поддалась. Нажал еще раз и вздохнул.

– Как же ты ухитрилась-то? – Он посмотрел мне на руки, словно ожидая увидеть там ключ, прищурился при виде грязных ногтей, перевел взгляд на запачканные кровью ноги.

Мне захотелось объяснить ему, на что способно мое подсознание. Рассказать о моем инстинкте выживания. Только ночь вдруг решительно заявила о себе порывом холодного ветра, и моя кожа покрылась мурашками. В Северной Каролине даже в летние ночи не забываешь, что ты высоко в горах. Рик поежился, глядя в сторону, будто надеялся предугадать приближение следующего порыва.

– У тебя ключа не осталось? – спросила я, обнимая себя руками.

Изначально ему принадлежали оба участка, я у него этот дом и купила. Рик сам спроектировал его для сына, который вот уже несколько лет как уехал из города.

Лицо Рика напряглось, уголки губ опустились.

– Просил же тебя сменить замки.

– А я и собираюсь. У меня даже записано. Так что насчет ключа?

Он покачал головой.

– Я отдал тебе все, которые у меня были.

Теперь я сама подергала ручку, представляя другую версию себя. Ту, что, должно быть, закрыла изнутри замок, прежде чем захлопнуть дверь. Мышечная память. Безопасность прежде всего.

Я подошла к окну гостиной – доски крыльца заскрипели под ногами. Попыталась поднять раму... та не поддалась.

– Лив, – не отставал Рик, пока я вглядывалась в темное окно, прижав ладони к стеклу. Ни одна лампочка в доме не горела. – Будь добра, поменяй замки. Понимаешь, среди друзей моего сына есть разные люди...

– Рик. – Я повернулась к нему. Сосед никак не мог забыть, каким это место было в прошлом, задолго до моего приезда. До того, как здесь появились больница, новостройки, блестящий новенький асфальт, рестораны и толпы людей. – Если бы меня хотели ограбить, то не стали бы ждать так долго. – Он собрался возразить, но я его остановила. – Ладно, поменяю. Хотя сейчас это вряд ли поможет.

Он вздохнул, и дыхание превратилось в пар.

– Может, ты как-то иначе выбралась?

Я сошла за ним с крыльца и осторожно зашагала по высокой траве. Мы обогнули дом. До окна моей спальни снаружи не достать, к тому же оно явно заперто. Попробовали открыть заднюю дверь, потом окна кабинета и кухни – все, до чего смогли дотянуться.

Ничто не потревожено, все заперто наглухо. Рик поднял глаза на рифленое чердачное окно, выходящее на небольшой, чисто декоративный балкон, и нахмурился. Оно было приоткрыто.

– Ну, это уж слишком, – протянула я, с трудом подавив озноб.

Вторым этажом никто не пользовался, он пустовал, лишь в углу стояло деревянное кресло-качалка, чересчур громоздкое, чтобы стащить его вниз по лестнице. Такое впечатление, что его прямо там и сделали. В центре потолочной балки – единственном месте, где можно было выпрямиться, – висела одинокая лампочка.

Наверх вела узкая лестница, втиснутая за дверью в коридоре. Сам чердак был настолько тесным и темным, что там становилось не по себе. Оттуда доносились все звуки, которые издавал дом: шум воды в трубах, гул отопления, жужжание вытяжки. Я поднималась туда редко, разве что немного прибраться. И всякий раз неизменно начинала с того, что открывала это окно – облегчить задачу.

Я слышала, что если очутиться глубоко под водой и не знать, где поверхность, то можно сориентироваться, выпустив воздух и следуя за пузырьками к спасению. Открытое окно служило мне таким ориентиром. Если бы когда-нибудь понадобилось, поток воздуха подсказал мне, где выход.

Видимо, в последний раз я забыла его закрыть. Однако прыжок оттуда закончился бы более плачевно, чем испачканные руки и оцарапанная ступня.

Рик провел ногой по траве, и я заметила, что он тоже босой. Значит, услышал меня среди ночи и прибежал на помощь, даже не подумав обуться или прихватить куртку.

Сосед направился к заднему крыльцу, я поплелась за ним.

– Сын тут всегда прятал ключ... – Он наклонился и пошарил в трещине под лестницей. Вытащил что-то, покрытое грязью. Оперся о колено, выпрямился и положил мне на ладонь кусочек металла. – Надо же, все еще здесь.

Я вставила ключ в скважину и открыла дверь.

– Ура, – обрадовалась я.

Протянула ключ Рику, но тот его не взял.

– Ну пожалуйста, на всякий случай, – настаивала я. – Пусть у тебя будет запасной.

Продолжая хмуриться, Рик все же взял ключ и положил в карман. Ночью сосед выглядел каким-то другим. Обычно ходил в джинсах, фланелевой рубашке и туго зашнурованных рабочих ботинках, несмотря на то что давно уже не работал подрядчиком. В начале года ему исполнилось семьдесят. Серые волосы обрамляли лицо с глубокими морщинами – видно, что человек провел десятилетия на солнце, своими руками выстраивая жизнь. Он по-прежнему возился в сарае, постоянно предлагал вместе достроить мой верхний этаж. Сейчас он выглядел другим не только из-за непривычной одежды, он как-то вдруг состарился. Стал будто хрупким. Контраст был удручающим.

Рик вошел в дом первым, включил свет и обвел глазами кухню. В раковине стоял бокал из-под вина. Я почувствовала непреодолимое желание прибраться, доказать, что забочусь об этом месте. Что я его достойна. Несмотря на кажущуюся мягкость, Рик был пронизателен, его взгляд постоянно перемещался – к сводчатому входу, к темному коридору.

Именно к Рику я прибежала за помощью, когда однажды на крыльце обнаружила детеныша летучей мыши; когда увидела у самого порога змею; когда мне мерещились шорохи в кустах. Сосед сказал, что летучая мышь, вероятно, заблудилась, и прогнал ее метлой; заверил, что змея безвредна; велел мне топтать ногами, шуметь и всячески заявлять о своем присутствии, чтобы отпугнуть всю живность, которая рыщет по кустам. Разросшийся в последние пару лет город загнал диких зверей глубже в леса, но ушли не все. Кое-какие остались. Заявляли о себе. Отстаивали свои права.

Рик оглядывал дом, словно видел его в прошлом: с другими людьми и другой историей.

– Я тебя услышал, – сказал он, теребя золотое кольцо на безымянном пальце. – Услышал, как ты кричала.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить свой сон. Понять, что именно кричала. Звала кого-то или просто на помощь? Слова вертелись на языке, пока глаза скользили по поверхности кухонного стола. Посылка с вещами матери стояла теперь в шкафу, в спальне, куда я поставила ее два дня назад.

– Извини, что напугала, – сказала я.

– Да ничего.

Руки старика слабо дрожали, что случалось теперь все чаще и чаще. То ли начало болезни, то ли тяга выпить. Я не спрашивала. Как и он не спрашивал меня о руке, хотя часто задерживал взгляд на длинном шраме;

каждый раз пристально всматривался, прежде чем отвести глаза.

Дрожащими пальцами Рик вынул у меня из волос увядший лист, застрявший где-то над ухом. Вероятно, я подцепила его, когда пробиралась сквозь низко висящие ветки между нашими участками.

– Хорошо, что я тебя нашел.

Я покачала головой.

– Со мной такое раньше случалось. Ходила во сне. Но все давно прошло, – повторила я, как ребенок, который отказывается во что-то поверить.

Он кивнул. Часы на микроволновке показывали 03:16.

– Постарайся немного поспать, – посоветовал он, открывая дверь из кухни.

Вставать меньше чем через три часа. Бессмысленно ложиться.

– Ты тоже.

– Не забудь запереться, – крикнул Рик с заднего крыльца. Дверь захлопнулась, в ящике задребезжали столовые приборы. Шлепанья босых ног почти не было слышно, когда сосед спускался по ступенькам.

Теперь я сама осматривалась вокруг, проверяя, не побывал ли кто в доме. Задержала дыхание, прислушалась, хотя знала, что была одна.

Ведя пальцами по темной стене, я подошла к открытой двери в спальню. Щелкнула выключателем. Простыни выдернуты из-под матраса и смяты в ногах. По спине поползли мурашки. Знакомая сцена – все признаки ночного кошмара, хотя кошмаров не повторялось уже много лет. В детстве врачи приписывали эти эпизоды посттравматическому синдрому, вызванному ужасами трех дней, проведенных под землей.

Это все из-за посылки, решила я. Мое подсознание, спровоцированное воспоминанием о холоде и темноте – не важно, было ли такое на самом деле. После несчастного случая мне еще долго снился один и тот же кошмар: камни – везде, куда только могла дотянуться. Холодные и сырые. И бесконечная тьма.

Я просыпалась от жуткого ощущения, что меня обступают стены, откидывала простыни, дергала руками и ногами, отпихиваясь от чего-то несуществующего. На месте воспоминаний остался один страх.

В таких случаях мама делала горячий шоколад и давала таблетки, чтобы меня успокоить. Закрывала ночью дверь на крючок и вешала погремушку – чтобы проснуться и вовремя меня остановить.

Я повернулась и посмотрела назад, в коридор – свет из спальни падал на деревянный пол. По нему тянулся след из капель крови. Я не знала, были ли они там до того, как я вышла из дома, или появились теперь. След

обрывался у кухни. Она и комната, которую я использовала как кабинет, находились слева; а справа под аркой начиналась гостиная, ведущая прямо к входной двери. Больше крови нигде не было. Только в коридоре.

Я вошла в гостиную и села на диван, чтобы исследовать порез на ноге. Сначала подумала: заноза. Однако там что-то блеснуло. Что-то металлическое? Нет, стекло. Я вытащила осколок ногтями и, прищурившись, поднесла к свету, чтобы рассмотреть получше. Маленький и острый, неопределенного цвета из-за грязи и крови. Я оглядела комнату. Ваза на журнальном столике, зеркало над диваном, лампа на тумбочке. Ничего разбитого или не на месте.

Я обошла комнату за комнатой. Даже поднялась наверх, хотя разбиться там ничего не могло. По лестнице пришлось подниматься на ощупь, касаясь узких стен. Лунный свет косо пробивался сквозь открытые окна, и тень от кресла-качалки четко вырисовывалась на полу. Я дернула за цепочку, но свет не зажегся. Ощупала пространство над головой – патрон пустой. Была ли там вообще лампочка?

Я вздрогнула от порыва холодного ветра. Захлопнула оконные створки, набросив между ними крючок – без защитной сетки внутрь могла залететь птица.

От взгляда в ночь с этой высоты мне стало не по себе. Борясь с подкатившей паникой, я бросилась вниз продолжать поиски. Проверила полки, окна, пересчитала чашки в буфете, заглянула в мусорный бак. С каждой минутой мной все сильнее овладевало беспокойство.

Никаких следов ночных походов.

СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

18 октября 2000 года

Она совсем еще малышка. Ну, вы же видели фотографию. Большие карие глаза и копна волос.

Я заметила ее ночью из окна кухни – она стояла прямо посреди улицы. Еще до того, как пропала. Может быть, месяцем или двумя раньше. У меня тогда дочка болела, я пошла принести ей воды. Сначала перепугалась – снаружи кто-то стоит и тарашит. Потом включила свет на крыльце и узнала ее. Окликнула, но девочка не ответила. Я знала, чья это девочка, знала ее мать. Они живут не так далеко, наверное, и мили не будет. Вот только она стояла босиком, в темноте. От их дома до нашего надо перейти три или четыре улицы – слава богу, в такое время машины здесь почти не ездят.

Я к ней подошла, позвала по имени... Малышка как сквозь меня смотрела. Знаете, таким остекленевшим взглядом.

МЭРИ ЛОНГ

Жительница Уидоу-Хиллз

Глава 3

Пятница, 06:00

О СНЕ НЕ МОГЛО БЫТЬ и речи. Адреналин зашкаливал, я силилась понять, что же произошло, пока сознание бездействовало.

Со светом все казалось спокойнее. Осколок мог появиться откуда угодно. Мог вообще давно валяться где-то снаружи и из-за дождя всплыть на поверхность.

Замешательство и страх – последствия пробуждения черт знает где, без представления, как я туда попала. Биологическая реакция. Нельзя останавливаться, надо себя чем-то занять. Не давать мыслям возвращаться к содержимому посылки. Свитер. Телефон. Сумка. Браслет.

Я долго стояла под душем, сосредоточившись на неотложных рабочих делах: ежеквартальном отчете для больницы и упрямом бюджете, который неумолимо требовал сокращений. Мне предстояло компетентно высказаться по этому поводу. После двух лет работы я все еще старалась себя зарекомендовать.

Когда я одевалась, зазвонил будильник. Выключая его, заметила сообщение, которое пришло ночью, сразу после полуночи.

При виде имени Джоны Лоуэлла все внутри сжалось. Как и всегда. Даже сейчас.

«Думаю о тебе».

Ну конечно. Ни с того ни с сего, после нескольких месяцев молчания, дождавшись, пока я успешно сотру его из памяти. И, разумеется, среди ночи, чтобы я представила его у себя в гостиной: взъерошенные волосы, ноги на подлокотнике и стакан виски рядом с ноутбуком.

Последний раз он появлялся тремя месяцами раньше, в мае, написал мне: «Приедешь на выпускной?»

С Джоной всегда лучше быть начеку.

Тогда, в мае, я поддалась импульсу, скользнула в бесконечный разговор, нескончаемый флирт. Дала уговорить себя на встречу. Теперь-то я ученая.

На расстоянии легко забыть, почему у нас ничего не получалось.

Как бы то ни было, работу в городе Сентрал-Вэлли я получила именно благодаря Джоне. Он ехал сюда на время как консультант и предложил пристроить меня в аспирантуру по управлению в сфере здравоохранения, а себя – в качестве моего научного руководителя. Я согласилась, даже не выяснив, что это за место: новая больница в глубинке, необходимая местным жителям, но пока не утвердившаяся ни в своем статусе, ни в финансировании. Врачи и медсестры ехали сюда неохотно, не говоря уже о том, чтобы остаться.

Сентрал-Вэлли располагался на полпути от одного населенного пункта к другому, но не настолько близко, чтобы каждый день ездить сюда на работу. Колледж тоже находился намного дальше к востоку, так что сюда доезжали только лыжники, направлявшиеся в горы. Городишко выполнял роль пит-стопа, санитарной остановки между окраиной города побольше и удаленными домиками в горах.

Я ехала, уверенная, что влюблена в Джону. А осталась, по уши влюбившись в это место.

Сразу согласилась, когда мне предложили постоянную работу. Более высокая и ответственная должность, чем я могла бы получить в крупной больнице, хорошо смотрелась в резюме; к тому же я лично набрала сюда многих сотрудников.

Большинство врачей и медсестер были молоды. Те, кто еще не осел, не обзавелся семьей, кого ничто не удерживало на одном месте. Люди, открытые новым возможностям. Сентрал-Вэлли преобразился благодаря больнице, вокруг которой городок просто расцвел. Современный и блестящий, отстроенный на бывших аграрных землях, он вобрал в себя лучшее из обоих миров. Как и я, город был молодым.

Центр функционировал в замкнутом цикле, снабжая себя всем необходимым. Здесь стояли свежеекрашенные викторианские дома с отремонтированными верандами и современным ландшафтным дизайном. Ближе к окраине – жилые комплексы со стеклянными спортивными залами и по большей части пустующими детскими площадками. Поначалу аспирантура предоставила мне жилье как раз в одном из таких комплексов.

Здесь все было разительно не похоже на тот городок, откуда я приехала – в семи часах езды к западу. Уиду-Хиллз, штат Кентукки, – милое местечко с зелеными аллеями и типовыми домиками в ряд, где уже как минимум два поколения не появлялось ничего нового. Похоже, никто не хотел открывать свое дело в городе с таким названием^[1]. При этом тоскливость названия была совершенно необъяснима. До моего несчастного случая городок был вполне безопасным местом для жизни. По крайней мере, так писали в газетах.

Сентрал-Вэлли предлагал более активный образ жизни. Город привлекал определенный тип людей – тех, кто предпочитал открытые пространства, причем в любую погоду. Готовых пожертвовать удобством ради приключений, стабильностью ради любопытства.

Здесь же... «Здесь», как я говорила кандидатам на работу, можно кататься на лыжах, ходить в походы и спускаться по реке на резиновых лодках. «Здесь» всегда можно открыть что-то новое – в окрестностях и в

самом себе. «Здесь» можно стать тем, кем всегда мечтал стать.

Достаточно повторить много раз – и сама в это поверишь.

Каждый день по дороге на работу я проезжала мимо дома с табличкой «Продается». Каждый день подмечала там что-то новое: листья, которые меняли цвет и опадали, птичью кормушку, балкон перед окном второго этажа, дорожку из плитки на газоне.

Дом чем-то меня притягивал. Он отдаленно напоминал первый дом, где мы жили с мамой. До того как появились репортеры и деньги. До переезда в типичный пригород с белым забором из штакетника – первый шаг из целой череды шагов, которые перенесли нас на несколько штатов на север, в итоге вернув в никуда.

Когда мой временный контракт закончился, я осталась работать в больнице, но потеряла субсидию на жилье. И первым делом позвонила по номеру на той табличке.

Джона видел дом, когда я только въехала. Он фыркнул и заявил, что теперь я окончательно одичала. На мое возражение – мол, дом всего в нескольких минутах птичьего полета от центра, – Джона тут же ответил, что, употребив выражение «птичий полет», я лишь подтвердила его слова.

Раньше я тратила немало времени, гадая, что значили его слова. Никогда не могла понять, есть ли в них хоть какой-то смысл или он сотрясает воздух от нечего делать.

Я быстро оделась. Скользнула в кроссовки. Наскоро заколола волосы в пучок. Перед выходом вытерла кровь с деревянных половиц.

Сообщение Джоны я решила проигнорировать.

В трех кварталах от больницы, на пересечении дороги к моему дому с остальной цивилизацией, находился круглосуточный продуктовый магазин – одно из немногих мест, появившихся одновременно с городом. Он назывался «Бакалея и другое» – и трудно было представить себе более подходящее название. Здесь продавались готовые обеды и изолента, журналы и гвозди, аспирин и вино. Владельцы быстро поняли важность круглосуточного универсама для больничного персонала с ненормированным рабочим графиком.

В семь с небольшим утра машин перед магазином почти не было – не сравнить с послеполуденной толчеей.

Внутри тихо звучала классическая музыка. Из-за яркого освещения, в котором невозможно определить время суток, и нелогичного расположения товаров здесь создавалась иллюзия безвременности. Рядом со строительными материалами – вращающаяся стойка с чипсами. Сразу за

углом, в холодильниках, – фрукты и мороженое. У кассы – кофейный автомат. Продавец утренней смены сидел за прилавком, уставившись в телевизор, где без звука шел старый черно-белый вестерн. Парень чуть повернул голову, когда дверь неслышно закрылась у меня за спиной, закупорив нас внутри.

Я взяла у входа корзину и направилась прямо к скобяному отсеку. Хождение во сне, скорее всего, больше не повторится, а лишний замок все равно не помешает. Впрочем, важно не перестараться: в случае пожара несколько секунд, потраченных на возню с замком, могли стоить жизни. Как и включенная в бессознательном состоянии плита. Или если выйти, не просыпаясь, на дорогу. Попасть под машину. Заблудиться. Угодить куда-то.

Дверные крючки лежали под грудой всевозможных замков и защелок, но в конце концов один из них переместился ко мне в корзину. Едва свернув в проход, я столкнулась с женщиной.

– Ой...

– Простите, – сказала женщина. – Не заметила.

Наши корзины зацепились, и мы поставили их на землю, чтобы разъединить.

Белесые волосы, собранные сзади в хвост, резко очерченные скулы. Кто-то из больницы, но без форменной одежды я узнала ее не сразу. Мысленно прокрутила калейдоскоп лиц, снимая стетоскопы, нагрудные бирки, больничные халаты... Доктор Бриттон из «Скорой помощи»! Сидни.

– Эй, Сидни. Привет.

Она медленно выпрямилась, держа корзинку на руке, – на ее бледной коже образовалась вмятина под весом готового обеда для микроволновки и бутылки красного вина.

– Лив? Ох, я тебя даже не узнала. Я прямо после смены. – Она чуть подняла руку, и корзина закачалась. – Хотя не оправдываюсь.

Она глянула в мою корзину – пустую, если не считать дверного крючка, – и свободной рукой потерла глаза.

– Извини, побегу, а то свалюсь до того, как запищит микроволновка. А мне еще «Закон и порядок» досматривать.

– Приятного просмотра, – сказала я. Затем свернула в следующий проход и несколько секунд пыталась вспомнить, что за спиртное стояло у Рика в шкафу. Остановилась на бутылке рома похожей формы и оттенка – в качестве благодарности и извинения.

Прежде чем расплатиться, я задержалась перед автоматом с кофе.

– Любопытный набор, – произнес продавец. Веселый, приветливый парень неопределенного возраста, где-то между двадцатью пятью и сорока

годами, и с заразной улыбкой – даже в такую рань.

Он отсканировал крючок и выбил цену за кофе, который я себе только что налила.

– Такой уж у вас магазин, – отозвалась я. Тоже не стала оправдываться.

Продавец приснул, однако, заметив спиртное, перевел взгляд с бутылки на меня и обратно.

– Удостоверение личности?

Я вытащила карточку из бумажника; продавец, прищурившись, взял ее у меня из рук.

За моей спиной что-то упало. Я повернулась с улыбкой, ожидая увидеть Сидни, задевшую какую-нибудь коробку. Чего только не бывает от переутомления и недосыпа. Вместо коллеги за вращающейся стойкой с чипсами стоял мужчина в джинсах, рубашке с коротким рукавом и бейсболке.

Моя улыбка испарилась, плечи напряглись.

По тому, как он на меня смотрел, я сначала подумала, что это кто-то из знакомых. Но помешало какое-то предчувствие. Давно выработанный инстинкт. Сразу стало не по себе, когда человек резко отвернулся, вращая стойку с чипсами и ни на что не глядя. Знакомое чувство, которого я не испытывала уже давно, – за мной следят.

Все сходилось: в день годовщины несчастного случая десять лет назад журналисты тоже возникали откуда ни возьмись. В проходах супермаркетов, у входа в школу, у стены соседского дома. Они появлялись из-за каждого угла в городе, как в фильме ужасов.

Мне тогда было шестнадцать, я училась в старших классах. Помню интервью в новостях с учителем английского, который описывал меня как примерного ребенка, хорошую ученицу, немного тихую – по понятным причинам. Мать тогда выступила на ток-шоу – предложение, от которого, по ее словам, мы не могли отказаться, хотя я-то с ней не пошла. По телевизору даже показали наш новый дом. Размыли на нем цифры – можно подумать, это что-то меняло. И еще мою фотографию из школьного альбома.

Следующие полгода нас заваливало письмами от самых разных людей.

«Мы за тебя молились...»

«Ох, как же ты выросла...»

«Считаешь, что можно не отвечать тем, кто тебе помог, неблагодарная сука...»

Нам пришлось опять переехать – на этот раз в Огайо. Отчасти поэтому я и сменила имя. Чтобы начать все заново, уже взрослой. Поступить в

колледж другим человеком. Свободным от прошлого.

Теперь до двадцатой годовщины оставалось меньше двух месяцев. Неужели репортажи появятся, даже если меня не выследят? Неужели по прошествии стольких лет тот случай все еще кого-то интересовал?

– Всего хорошего, Оливия, – сказал продавец, протягивая мне удостоверение личности. Я сунула карточку обратно в бумажник и еще раз оглянулась. Мужчина исчез.

– Спасибо, – буркнула я и, не поднимая головы, направилась к раздвижным дверям.

И тут увидела его снаружи. Он поджидал меня, прислонившись к синей машине, припаркованной рядом с моей. Перед ним на капоте лежал развернутый сэндвич, купленный явно в другом магазине.

– Привет, – как бы между прочим сказал незнакомец, откусывая кусок. Явно не торопился.

На стоянке, кроме нас, – никого. Я открыла дверь машины, не выпуская ключей из рук, – сработал давнишний инстинкт.

Прожевав и проглотив, мужчина указал на меня сэндвичем.

– А я тебя знаю.

– Вряд ли, – отрезала я.

Всем своим видом он походил на журналиста. Дело было не в одежде или машине, они-то как раз были нетипичными, а в манере небрежно медлить, притворяясь, что вовсе меня не поджидал.

– Оливия, верно?

Я уже захлопнула дверцу, на ходу прорабатывая в уме пути к отступлению. Подсчитывала, сколько секунд у меня на то, чтобы завести машину и выехать со стоянки, прежде чем он последует за мной. Ни секунды на сомнения. Я родилась со здоровым инстинктом самосохранения и привыкла доверять своей интуиции.

Торопясь уехать, я на него едва взглянула. Даже если бы меня спросили, я не смогла бы описать его иначе, как белого мужчину среднего роста и средней комплекции. Правда ли он меня знал или услышал мое имя в магазине?

Что бы он ни искал, мне следовало молчать – уже научена. Ведь он так легко мог разрушить все, что я создала, мою добытую с таким трудом анонимность. Возвратить то, от чего пришлось бежать из Уидоу-Хиллз. Здесь мои шрамы не вызывали недоумения – «операция после несчастного случая», как я всем говорила и не врала. У меня было законное новое имя. Я придерживалась правды во всем: «Переехала сюда из Огайо учиться в колледже; потеряла связь с семьей; еще в юности мне перепали кое-какие

деньги».

Никакой лжи.

Люди склонны заполнять пробелы так, как им хочется. В мои обязанности не входило их поправлять.

СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

18 октября 2000 года

Да, видел ее однажды у нас на крыльце. Я в тот день заступал в шестичасовую смену и собирался выйти около пяти. Сначала собака залаяла – открываю дверь и вижу ее, темно еще было.

Я спрашиваю: «Милая? Где твоя мама?» Не мог припомнить имени.

А девчушка развернулась и ушла. Я даже не понял, что она ходила во сне.

Жаль, никому тогда не рассказал. Но кто ж знал.

Стюарт Госс

Житель Уидоу-Хиллз

Глава 4

Пятница, 08:00

У РАБОТЫ В БОЛЬНИЦЕ есть немало преимуществ. Легкий доступ к врачам и медсестрам, закулисный взгляд на то, как все работает, личные связи, помогающие записаться на прием в последнюю минуту.

Однако то, что выигрываешь в смысле доступности, теряешь в конфиденциальности. С тех пор как я устроилась в больницу Централ-Вэлли, я почти не посещала врачей. Ведь я видела их каждый день на работе. Мне пришлось бы поделиться своей историей болезни. Меня передергивало от одной мысли, что подробности из моего прошлого попадут в нашу систему и коллеги узнают, что в детстве мне зашивали руку, а когда я выросла, оперировали ее по новой, что рука толком не поднималась из-за рубцовой ткани, наросшей вокруг плеча. Узнают другие странности, которыми могут заинтересоваться.

После того как та история закончилась и занавес опустился, остались вещи, которые не вписывались в тщательно продуманный медицинский бланк: травма после операций; необычно затянувшийся процесс выздоровления; не отпускающее ощущение, что за мной постоянно наблюдают.

Сейчас мне нужно было всего лишь снотворное, чтобы крепче спать. Что-нибудь легкое. Безвредное.

С главного входа наша больница напоминала скорее роскошную загородную гостиницу с газонами и тропинками для прогулок, с удобными скамейками, где посетители и сотрудники могли отдохнуть. Я всегда оставляла машину на служебной стоянке и пользовалась черным входом, подальше от отделения «Скорой помощи». Мой коллега Беннетт обзывал меня гермофобом, но у меня были на то веские причины: только начав здесь работать, я подхватила жуткий вирус. В первую же зиму я слегла с бронхитом и так сильно кашляла, что повредила себе ребро. После чего у меня обнаружили стрептококк, потом опять что-то вирусное, потом непонятно отчего выступила сыпь.

В нижнем ящике стола у меня всегда лежал антисептик, и я держалась в метре от посетителей, чтобы не пожимать им руки. Беннетт говорил, что со мной люди чувствуют себя неловко. Зато я не болела.

«У тебя выработался иммунитет», – говорил он. Однако рисковать я не собиралась.

Обычно я поднималась по лестнице, сторонясь лифта – самого ненавистного мне достижения техники. Раздвижные двери, единственный выход, стальная коробка. Я обходила лифты за версту, по очевидным

причинам избегая замкнутых пространств.

Единственные признаки жизни в это время дня подавал сувенирный магазинчик. Из кафетерия дальше по коридору доносились запахи завтрака, но обычная утренняя суэта еще не началась. Открыв ключом дверь с лестничной клетки на третьем этаже, я вышла в пустой коридор. Наше крыло было закрыто для пациентов, сюда входили только сотрудники, набрав код на двери в одном конце коридора или отперев дверь с черного входа в другом. Предосторожность больше касалась не офисов, а больничной аптеки и ординаторской.

В такой ранний час большая часть административного персонала еще не подошла, хотя впечатление могло быть обманчивым. Сотрудники передвигались неслышно – все носили кроссовки на резиновой подошве или кроксы. Пришлось отказаться от каблуков, иначе мое приближение слышалось за версту и нервировало даже меня.

Мой кабинет находился посередине коридора, и тут же за углом – больничная аптека и ординаторская, стратегически расположенные друг напротив друга.

В другом конце коридора, за двойными дверями, ведущими в палаты пациентов, мелькали тени. Я остановилась у входа в ординаторскую и заглянула в маленькое прямоугольное окошко. Спिनной ко мне стояла шатенка с вьющимися волосами и смотрела в телефон. Ординаторская была открыта для медсестер всех отделений, но эту женщину я не узнала.

Я осторожно попятилась к аптеке. Затаив дыхание, опустила локоть на ручку двери, чувствуя, как она подается.

Охрана у нас была не самой строгой, и мне, как никому, полагалось об этом знать. Я входила в комитет, изначально утвердивший список приоритетов больницы, исходя из наших потребностей и возможностей. Лишних средств у нас никогда не водилось, так что организация системы безопасности стояла в самом конце списка. Сошлись на охране в реанимации и полиции в приемном покое. В остальной части режим остался более свободным, особенно после того, как на входах в закрытые зоны установили кодовые замки. Мало кто запирает дверь в аптеку, потому что на каждом ящике с лекарствами висел кодовый замок. Выявление и сокращение излишних расходов входило в мои обязанности.

Не включая свет, я принялась один за другим открывать ящики. Хотя в больничной аптеке велся строгий учет, бесплатные пробники от фармацевтических компаний сваливались просто так рядом с пробирками, бинтами и шприцами – оборудованием, не относящимся к лекарствам. Во всяком случае, я считала, что если лекарство не заперто, то оно не

представляет опасности. Должно же среди образцов найтись какое-нибудь снотворное. Что-нибудь, что заставит меня отрубиться и сохранит в таком состоянии, перезапустит мои внутренние часы и вернет мне ощущение стабильности.

В первом ящике лежали в основном наружные мази и кремы. Я открыла второй, перебирая коробки в поисках снотворного. Таблетки от изжоги, общие обезболивающие и противоаллергические средства. Названия было трудно разобрать в темноте, пришлось наклониться поближе, чтобы рассмотреть пачки в глубине ящика.

Дверь распахнулась без всякого предупреждения, заставив меня отскочить; рука больно стукнулась о шкаф.

Такая реакция меня выдала. Сердце бешено колотилось, ноги одеревенели. На пороге стоял Беннетт; он подождал, пока дверь захлопнется, и щелкнул выключателем. Мы оба моргнули, пытаюсь приноровиться к внезапно яркому свету.

– Что ты здесь делаешь, Лив?

Беннетт Шоу был моим самым близким другом в больнице. Хотя особого опыта длительных дружеских отношений у меня не было, я думала, что после двух с небольшим лет работы в одном и том же месте, регулярных обедов и полурегулярных ужинов нас, вероятно, можно было назвать друзьями. Годом раньше он даже приглашал меня к себе домой в Шарлотт на День благодарения, сказав, что у него большая семья и лишнего рта никто не заметит.

А еще Беннетт был человеком высоких нравственных принципов и строго следил за соблюдением правил. В медицине так быть и должно. Что-то упустить, забыть, опоздать – чревато последствиями. От этого зависит жизнь людей. Тогда как я могла позволить себе некоторую халатность, занимаясь материально-техническими аспектами работы больницы и заботясь о том, чтобы деньги текли в нужном направлении. Если я отставала, то нагоняла. Если отправляла неверную информацию, то могла извиниться и дослать правильную. В моей работе не существовало непоправимых ошибок.

В принципе, мне нравилось то, что Беннетт придерживается правил. Когда растешь в условиях полной непредсказуемости, организованность кажется благословением. Я знала, чего ожидать от него и что он ждет от меня.

– Надеюсь, у тебя есть оправдание. – Беннетт шагнул вперед. Его голос – нарочито глубокий и спокойный – не оставлял сомнений: коллега рассержен и лучше не вилать.

– Я плохо сплю, – сказала я, рассчитывая, что тот поймет.

Он лишь повысил голос:

– Мелатонин. Бокал вина. Горячая ванна. Что угодно, только чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Я покачала головой:

– Пробовала – не помогает. Вот и решила взять пробник.

Я изобразила наивность, но Беннетт не повелся. Он отступил в сторону и скрестил руки на груди в демонстративном ожидании. Я толкнула дверь.

– Тогда поговори с Келом, – сказал он.

– Каким еще Келом? – спросила я, но дверь между нами уже захлопнулась, оставив меня гадать, что же я натворила.

Я проторчала на совещаниях до самого обеда и всякий раз, проходя мимо, заглядывала в ординаторскую. Беннетта я не видела с тех пор, как он застукал меня в аптеке. Бесперывно прокручивала ту сцену в голове, и с каждым разом она казалась мне все ужаснее.

Меня мутило при мысли о том, что он подумает, что скажет, что сделает. Он был главным медбратом отделения, я – администратором больничного крыла, то есть мы имели сопоставимые должности в разных иерархических цепочках. В итоге мы часто сотрудничали, подчиняясь при этом разному начальству. Беннетт работал здесь уже четыре года, начав буквально через несколько месяцев после открытия больницы. Он участвовал в ее становлении практически с нуля и принимал ее судьбу близко к сердцу.

Он мог сообщить об инциденте. Более того, это входило в его обязанности.

Я села за стол и занялась поиском «Кела» в кадровой базе данных, пытаюсь выяснить, к кому меня отсылал Беннетт. В конце концов наткнулась на подходящее имя: доктор Келвин Ройс, специалист по расстройствам сна. Биография и персональные данные сопровождалась фотографией.

– Мама дорогая, – произнесла я вслух. Мне повезло, что я сначала увидела фото и могла морально подготовиться, прежде чем столкнусь с ним лицом к лицу.

Келвин Ройс был нереально красив.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – отозвалась я.

В кабинет вплыл стакан с кофе, за ним – рука.

– Я пришел с миром, – сказал Беннетт еще из-за двери.

Впервые за все утро я почувствовала облегчение. Коллега поставил

кофе передо мной на стол и плюхнулся на диван. Он сам помог мне перетащить сюда диван в обмен на свое неограниченное им пользование, объяснив это тем, что в тишине моего кабинета ему спокойнее, чем в ординаторской. Я редко запирала дверь, поэтому часто заставляла его здесь. Обычно он спал, свесив с подлокотника длинные ноги и прикрыв согнутой рукой глаза, пока его часы не начинали пищать, и он резко садился, как вампир в гробу.

Я развернула к нему экран – в знак раскаяния. Беннетт поднял одну бровь.

– Да у тебя и правда бессонница.

– Прости, – сказала я. – Не думала, что это такое уж страшное преступление.

Он провел ладонью по узкому лицу. Острые скулы, немного скошенный подбородок, русые волосы и карие глаза. Когда Беннетт был чисто выбрит, ему без документов не продавали спиртное. Даже пациенты порой жаловались и просили настоящего доктора, хотя ему было уже под тридцать.

Моего коллегу легко было представить себе ребенком. В нем проглядывала детскость, и он с этим смирился. Даже не пытался маскироваться костюмами и небритостью. Младший из пяти братьев и сестер, он привык к подобному отношению. Я об этом знала, хотя и не ездила к нему на прошедший День благодарения. Он охотно рассказывал о своей семье, в то время как я при каждом удобном случае пыталась отдалиться от ребенка, которым была когда-то.

На фотографиях в прессе двадцатилетней давности больше всего бросалась в глаза копна вьющихся каштановых волос, слишком большая для щупленькой девочки. Так что я еще в колледже осветлилась почти до блондинки и по утрам выпрямляла волосы феном. С каждым годом старалась все меньше походить на ту девочку и до сегодняшнего утра считала ее неузнаваемой. Верила, что наконец-то зажила своей настоящей жизнью.

– Да нет, это я перегнул, – сказал Беннетт. – Просто у нас уже были случаи пропажи лекарств, и я... – Он махнул рукой. – Прости, поспешил с выводами.

Похоже, с меня обвинение сняли.

– Я тебя понимаю.

– К тому же что-нибудь стоящее ты искала бы в запертых ящиках. А не среди всякой бесплатной хрени.

– Возьму на заметку. – Я ткнула в экран. – Ну а это? Ты шутишь?

Он хмыкнул.

– Доктор Кел. Кстати, он сам настаивает на таком обращении. Во всяком случае, в ординаторской его все так называют. Не смотри ему прямо в глаза, и все обойдется.

Какими бы ни были сексуальные предпочтения Беннетта, я его явно не интересовала. Он никогда не распространялся о своей личной жизни, как и многие в нашей больнице. Здесь каждый мог выбрать: выставлять свое прошлое напоказ или держать его при себе. Мы жили настоящим. Мы смотрели в будущее.

– Он что, в сговоре с дьяволом? Врач, да с такой внешностью? И почему я о нем раньше ничего не слышала? – спросила я.

– Потому что тебя не бывает в ординаторской. Поверь мне. Последние недели все только о нем и говорят. Работает у нас с прошлого месяца.

Вот почему я его не знала – он пока не засветился ни в одном отчете. А к новому сотруднику было легче попасть на прием.

– Ну так что, до вечера? – спросил Беннетт, вставая.

Обычно, работая по субботам, Беннетт пропускал пятничные посиделки. Если забегал с нами выпить, то долго не задерживался, говоря, что ему надо домой. Хотя по тому, как он все время проверял свой телефон, я подозревала у него более интересные планы. В ответ на мои подколки – «Свидание с красоткой? Вариант получше?» – он только улыбался, явно наслаждаясь своими тайнами – и моей досадой – как забавной игрой.

– Ты и правда собираешься провести с нами вечер? – спросила я.

– Просто мне сообщили, что моя бывшая в городе, так что не откажусь от поддержки.

Расчет был верный – волна любопытства, заставившая меня выпрямиться, его довольная улыбка при виде моей реакции – парень знал, что попал в точку.

– Твоя бывшая? – проговорила я, глядя в компьютер. – Ладно, приду, если смогу. – Эхо его обычного ответа. Только я не кривлялась. Я правда валилась с ног.

– Пожалуйста, не оставляй меня с Элизой одного! – взмолился он.

Элиза была у нас новенькая; в разговоре она доверительно наклонялась, прикасалась к руке и делала большие глаза, даже если сообщала что-то нейтральное вроде «напитки сегодня за полцены». Она мне сразу понравилась. Напомнила тех девчонок в старших классах и колледже, которые спрашивали друг друга: «Ну что, мы куда-нибудь идем? Что возьмем на обед?», тем самым автоматически делая себя – а заодно и меня – частью компании.

Она начала работать в больнице еще весной и в первую же неделю установила правило встречаться по пятницам – на что я безуспешно пыталась уговорить и Беннетта. То есть безуспешно до сегодняшнего дня.

Я глотнула кофе.

– Какая гадость... Ты все-таки шел меня наказывать?

Он взял стакан у меня из рук, снял крышку, сделал глоток и поморщился.

– Каюсь, кофе в ординаторской закончился, а я не умею его заваривать.

– Ты рискуешь вызвать бунт. Народ и не из-за такого увольняется.

Всего несколько месяцев до того, ко мне зашла женщина с усталым взглядом, которую я едва знала, и неожиданно заявила об уходе. На мой вопрос о причине она ответила, что ее «достал запах горелого».

«Хотя, похоже, никто этого больше не замечает», – пожаловалась она.

Я попросила показать, где именно. В конце концов, безопасность больницы попадала под мою юрисдикцию.

«Нет-нет, не здесь. Я про жилой блок говорю».

Она имела в виду квартирный комплекс, где поначалу жила я. При ее словах на меня пахнуло обожженным пластиком, горелыми крошками в тостере – и прошло.

Я ее поняла. В тех многоквартирных блоках всегда было неуютно. Роскошные удобства, но все стерильно и лишено индивидуальности. Квартиры занимали в основном врачи и медсестры, еще не решившие, оставаться ли им здесь, поэтому мы все старались подстроиться под сверхурочные рабочие часы и круглосуточные смены. Мы привыкли говорить шепотом, придерживать двери ногой, чтобы те не хлопали, при разговоре стоять близко.

Работая в сфере здравоохранения, мы, как никто, понимали, что наше здоровье, да и само выживание, напрямую зависит от того, смогут ли медицинские работники как следует отдохнуть между сменами. Однако тишина и постоянные изменения в расписании ломали суточный ритм. Кому-то удавалось приспособиться, кому-то нет.

«А вы не можете просто переехать?» – спросила я.

Женщина поморщилась, подразумевая, что уже слишком поздно. «Я сделала, что могла. Пора возвращаться». Она оглядывала мой кабинет, словно ее преследовал тот запах. Будто ждала, что он вот-вот появится.

Оно и к лучшему. На ее место взяли Элизу.

Но тот разговор напомнил мне о том, что все мы ходим по краю пропасти. Когда неотвязная мысль червем заползает внутрь и больше не отпускает. Вроде бы какая-то ерунда, которая засядет в голове, и ее уже не

стряхнуть. Пока она не проникнет во все. Пока все мысли не сведутся к этой одной мелочи – ее наличию или отсутствию – и ты не начнешь медленно сходиться с ума.

**ЗАПИСЬ ПРЯМОГО ЭФИРА С ГЭРИ САЙМОНОМ,
МЕТЕОРОЛОГОМ 9-ГО КАНАЛА, ОКРУГ КУК**

18 октября 2000 года

Мы стали свидетелями рокового стечения обстоятельств.

Земля перенасытилась влагой из-за рекордного количества осадков в сентябре. Ведь земля до определенной степени – как губка. В какой-то момент она просто не в состоянии больше впитывать.

В ночь с понедельника на вторник над нами очень медленно прошла гроза, так что нас заливало в течение нескольких часов. Между двумя и четырьмя часами ночи выпало более 50 миллиметров осадков. Может показаться не бог весть что, однако несущийся поток воды в 15 сантиметров способен унести машину. Как вы думаете, сколько воды достаточно, чтобы смыть маленького ребенка?

Глава 5

Пятница, 17:30

СЕКРЕТАРША КЕЛВИНА РОЙСА оставила мне голосовое сообщение: доктор задержится и примет меня после работы. Сначала она пыталась назначить прием через две недели, но я возразила, что дело «неотложное». Волшебное слово – особенно от коллеги по больнице.

К тому времени как я вышла из кабинета, административное крыло опустело до своего утреннего состояния.

Я поднялась по лестнице на два этажа и вышла на пятом, где находился кабинет доктора Кела. В коридоре было темно, полоска света выбивалась лишь из-под одной-единственной двери; во всех остальных кабинетах работа на сегодня, по-видимому, закончилась.

Я постучала, прежде чем повернуть ручку, заглянула внутрь. Секретарша собиралась, поглядывая на часы за спиной.

Мое появление заставило женщину подпрыгнуть.

– Ох, – выдохнула она, прижав руку к груди. – Оливия? – Ярко накрашенные губы расплылись в дежурную улыбку. – Мы вас ждали. Проходите, доктор у себя.

Она уже сложила вещи в стоявшую перед ней сумку, из которой теперь торчали каблуки.

– Спасибо, что нашли для меня окошко, – сказала я на ходу и толкнула дверь.

Доктор Кел сидел ко мне спиной, хотя явно слышал наши голоса – мы говорили совсем рядом. А может, и нет, потому что, когда он повернулся, нейтральное выражение лица мгновенно сменилось лучезарной улыбкой, как от приятного удивления. Кто знает – есть люди, которые уходят в работу с головой, забывая обо всем вокруг.

Он встал во весь свой немалый рост, жестом приглашая меня войти. В кабинете монотонно жужжал вентилятор и едва различимо играла классическая музыка.

Я улыбнулась про себя. Вот она, его фишка. Усыпляет тебя в своем кабинете – и ты здоров.

– Оливия Мейер, рад вас видеть! Похоже, у нас с вами есть общие друзья.

Не знала, что Беннетт с ним дружит. Или что доктор заранее обо мне расспрашивал. Я огляделась по сторонам, соображая, где сесть. Напротив его кресла стоял диванчик для двоих – других вариантов не было. Три подушки в сине-голубой гамме скрадывали угловатости дивана. Даже мебель продуманно клонила ко сну.

Доктор Кел устроился в кресле, подкатил его поближе и сложил руки поверх пачки бумаг на коленях.

– Ну что ж, – сказал он, – предлагаю начать с того, что привело вас ко мне.

Он откинул голову, не спуская с меня глаз. Я кашлянула, стараясь на него не смотреть, как в шутку советовал Беннетт. Дипломы на стене, грамоты, газетные статьи в рамках – шрифт такой мелкий, что невозможно прочесть. Я так и не поняла, развешивал ли он случаи из практики или выставлял напоказ собственные регалии.

Скорее последнее.

В его кабинете, как и в нем самом, все было просчитано. Судя по выжидающему выражению лица и повернутому вполборота телу, Келвин Ройс точно знал, как выглядит. Наверняка угол наклона головы и улыбка отретпетированы перед зеркалом. И спал он с отбеливателем для зубов или как минимум с маской на глазах. Доктор закинул ногу на ногу, обнажив игривый носок ядовито-зеленого цвета с собачьими косточками – видимо, для обезоруживающего эффекта. Подводит к разговору. Наводит мосты.

Я сделала вывод, что передо мной социопат. Всегда проще не поддаваться чьему-то обаянию, если раскусить человека с самого начала.

– Прошлой ночью я ходила во сне, – честно сказала я. То есть выдала настоящую причину своего прихода. «Неотложная проблема со сном», как я объяснила его секретарше.

Доктор Кел медленно наклонил голову, не меняя выражения лица. Даже не моргнув.

– Раньше с вами такое случалось?

– Только в детстве. Почти двадцать лет назад. Я думала, что давно это переросла. Или вылечилась. По крайней мере, эпизоды больше не повторялись.

Доктор опять кивнул.

– Вы проходили тогда какое-то лечение?

О том времени у меня сохранились очень смутные воспоминания. Толпы разных докторов. Осмотры и проверки; предоперационная и послеоперационная терапия, пока моя мать не решила, что от них больше вреда, чем пользы.

– Да, мне прописали лекарство, и снохождение прекратилось, – сказала я, давая понять, что разбираюсь в собственном состоянии и знаю, как себе помочь. От него требовалась лишь подпись.

– Значит, вам давали в детстве лекарство? – переспросил он, слегка наклонив голову, на этот раз в другую сторону. Так четче вырисовывалась

линия подбородка.

– Ну да, – сказала я.

– А какое? – Доктор приготовился записывать.

Я вспомнила стук таблеток в янтарном пузырьке. Запах горячего шоколада.

– Не помню точно.

Ручка замерла в воздухе. Сомнение в глазах – не сочиняю ли я на ходу?

– Странно, – протянул он.

Не хотелось рассказывать, что случай и в самом деле был странный. Несмотря на жуткую грозу, я умудрилась, не просыпаясь, выйти на улицу, где меня смыло бешеным потоком воды.

Вот почему я доверяла своим неосознанным порывам больше, чем рациональным мыслям. Потому как в глубине души знала, что во мне есть внутренняя сила. То, что заставило меня выжить. Та, которой я себя не помнила, смогла выдержать невыносимое испытание, пока в течение трех дней ее искали.

Именно поэтому я знала, что поступила правильно, сменив имя. Порвав с Джоной.

Именно поэтому я выбрала этот дом и до сих пор не сменила замки. Поэтому купила в магазине крючок. Поэтому сидела теперь здесь.

Чем меньше я пыталась разобраться в происходящем, тем яснее представляла себе, что делать.

– А сейчас вы что-либо принимаете? – Ручка замерла над желтым блокнотом. – Ведь снотворные зачастую являются причиной снохождения. Включая те, что отпускаются без рецепта.

– Нет. И боюсь, мне придется распрощаться с надеждой получить их от вас.

Доктор чуть улыбнулся.

– Расскажите поподробнее, что вы делали вечером, – попросил он. – Перед тем, как легли.

Обычный вечер. Столкнулась с Беннеттом на выходе из больницы, мы зашли перекусить в кафе на противоположной стороне улицы, прежде чем разойтись по домам.

– Да ничего особенного. – Я пожала плечами. – Поужинала с приятелем, дома доделала кое-какую работу, посмотрела телевизор, немного выпила и легла спать.

Вышло и правда скучновато.

– А что вы пили?

– Вино.

Даже слегка прогорклое, вино помогало мне расслабиться в конце дня.

– Алкоголь способствует хождению во сне.

– Что-то раньше не способствовал, – заметила я. – Да и выпила я каких-то полбокала.

Я никогда особо много не пила. На старшем курсе ходила на всякие тусовки с ребятами из колледжа, пока однажды не напилась до беспамятства и больше с ними не связывалась.

Мы тогда пришли в соседнее общежитие, и парень, который, насколько помню, мне нравился, затащил меня в кладовку под лестницей. Не знаю, сколько прошло времени, но все закончилось тем, что я выскочила оттуда разъяренная, а парень вывалился вслед за мной, согнувшись и держась за свой окровавленный нос.

Уже на следующий день историю знали все; соседи по общежитию поздравляли меня, объявляя всем и каждому, что, мол, к девчонке из 423-й лучше не приставать! Вот только сама я была не уверена, защищалась я или просто пыталась вырваться из темного замкнутого пространства.

Девчонку из 423-й по-настоящему не знал никто.

С тех пор я не давала застать себя врасплох, панически боясь впасть в состояние, когда тело не подчиняется сознанию. Психотерапевт, с которой я недолго общалась в старших классах, объясняла мою постоянную потребность считать шаги и выходы посттравматическими симптомами, которые наложились на животный инстинкт самосохранения. Защитный механизм, помогающий мне почувствовать себя хозяйкой положения.

Полбокала вина под телевизор – часть моего вечернего ритуала; вино, как правило, успевало испортиться до того, как заканчивалась бутылка. И вчерашний вечер не был исключением.

Доктор Кел слегка откинул голову, не сводя с меня изучающего взгляда.

– Расскажите-ка о себе, – попросил он.

– То есть? – опешила я.

Он покачал ногой в воздухе – вдруг я не заметила собачьи косточки. Выжидал, когда я сама заговорю, выдам что-то личное. Наконец не выдержал и решительно опустил ногу на пол.

– У вас напряженная жизнь?

– Да. – Не стала вдаваться в подробности, он же не психолог.

– Мне известно, какая здесь обстановка. – Его улыбка вышла несколько натянутой. – После окончания рабочего дня основная работа только начинается, верно?

– В каком-то смысле да.

До сих пор я особо не жаловалась. В подобных местах переработка

была обычным делом. Мы все работали сверхурочно, в больнице и дома, и общая усталость нас только сплачивала. Она распространялась даже на тех, кто, как я, занимался администрацией. Одни принимали пациентов, другие сидели на совещаниях; а после рабочей смены мы приводили в порядок бумаги, вели научные проекты или решали другие накопившиеся дела. Мы все так жили, и сознание этой общности поддерживало нас на плаву.

– Я замечаю, что с возрастом такой режим дается все труднее, – добавил доктор Кел, хотя, насколько я могла судить, ему было не сильно за тридцать, и выглядел он прекрасно. – Вам следует больше о себе заботиться. Выкраивать время для отдыха. Вести здоровый образ жизни. Правильно питаться. Заниматься спортом.

Я невольно усмехнулась, и доктор искренне заулыбался, очень довольный, что ему удалось до меня достучаться. Только я, по правде говоря, вообще не замечала ни накапливающейся усталости, ни недостатка витаминов или энергии, пока он не начал все это перечислять. Под его взглядом я вдруг осознала все то, чего я не делала ради собственного здоровья. Кофеин вместо кальция – потенциальные дырки в костях. Готовые обеды на скорую руку. Пакет с чипсами, схваченный в кафетерии вместо яблока. Постепенно накапливающийся стресс, мой взбунтовавшийся организм. Элементарные вещи.

И все-таки.

– Я надеялась на нечто более конкретное и достижимое, – сказала я. Вместо мантры «изменись сам – измени свою жизнь».

Доктор Кел вздохнул и откинулся, усаживаясь поудобнее в кресле.

– Обычно я предпочитаю обследовать пациента перед тем, как что-то прописывать. Тем более что вы не помните толком подробностей своего заболевания. Мы могли бы поднять записи с прошлым диагнозом, но даже тогда...

Я так решительно замотала головой, что он умолк.

– Слишком много времени прошло, – запротестовала я. Двадцать лет с тех пор, как я ходила во сне, и десять – с последнего общения с психотерапевтом.

Доктор выдержал паузу.

– И тем не менее, – сказал он, – одними таблетками делу не поможешь. Мы должны докопаться до причин расстройства. Определить возможные факторы стресса, изменить привычки. Попробовать сначала обойтись без лекарств, у которых могут обнаружиться нежелательные последствия. Убедиться, что у вас действительно снохождение, а не эпилепсия, например. – Он бегло просмотрел бумаги у себя на коленях, как бы ища в

них ответы на мои недосказанности.

– Я во сне вышла из дома, – выпалила я. – Меня обнаружил сосед.

Доктор вскинул голову: глаза широко раскрыты, челюсть напряжена. Первый признак эмоции. Даже воодушевления. Можно подсмотреть, что скрывается под непроницаемой маской.

– Вы живете одна? – спросил он.

Вопрос выходил за рамки того, чем я была готова поделиться с социопатом.

– А это имеет отношение к делу?

– Важно предупредить людей рядом с вами. – Он щелкнул ручкой, раз, другой. – Мне хотелось бы исследовать ваш сон.

– Вы хотите наблюдать за мной во время сна?

– Не я один.

– Час от часу не легче.

– Очень смешно, – сказал он, не смеясь.

– Видите ли, у меня на это нет времени, – решила я перевести разговор. – Уверена, что вы понимаете.

Не хватало еще стать подопытным кроликом. Я не собиралась помогать начинающему доктору самоутверждаться за мой счет на новом месте.

Он опять подался вперед, переплел пальцы и опустил их на колени.

– Ну хорошо. Предлагаю встретиться еще раз в начале следующей недели.

Потом доктор Кел встал, прошел мимо меня, приоткрыл дверь. Сидящая за столом секретарша подняла голову; она ждала, когда мы закончим, чтобы наконец уйти домой.

– Джесси? – позвал он. – Назначьте Оливии прием на следующей неделе.

Получив такой недвусмысленный намек, я поднялась.

– А пока мне что делать?

– А пока попрошу вас задокументировать ваш распорядок. Когда вы ложитесь, когда просыпаетесь. Любые отклонения и что вы делали до того. Запишите время. Не волнуйтесь, – добавил доктор, – мы доберемся до сути.

Он положил руку мне на плечо, заглянул в глаза, подбадривающе улыбнулся.

Вблизи я заметила у него под подбородком порез. Крошку на воротничке. Отсчет пошел, пока я улыбалась в ответ.

**ЗАПИСЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА С САЛЛИ ХОЛМС
И ГОСТЕМ ПРОГРАММЫ, ИНЖЕНЕРОМ-СТРОИТЕЛЕМ ЛУ**

ДЖОРДАНОМ

19 октября 2000 года

САЛЛИ ХОЛМС: Расскажите нам о системе водоотведения, про которую все говорят.

ЛУ ДЖОРДАН: Ну, значит, вся вода в дренажных системах округа стекает к югу. Если девочку, как мы полагаем, затянуло через сломанную решетку северного водоприемника в центре города, то оттуда к югу идут четыре развилки, разделяющие поток воды.

СХ: Насколько я понимаю, именно около того водоприемника нашли ее кроссовку. Если она действительно попала в трубу, там есть хоть какой-то воздух?

ЛД: Во время ливня – нет. Трубы, как правило, заполняются под завязку. Все сплошь вода, никакого воздуха. Но у труб в нескольких местах предусмотрены люки. Их двадцать три, если быть точным. Вода могла подняться достаточно высоко и вытолкнуть ребенка близко к поверхности.

СХ: То есть вы хотите сказать, что девочка могла бы добраться до одного из люков?

ЛД: [Пауза] Такая возможность не исключена. Только что толку? Все водоприемники наглухо закрыты железными решетками. И когда поток стал бы сходиться, она потом все равно опустилась бы вместе с уровнем воды.

СХ: А ведь на нас надвигается новая гроза.

ЛД: Да, ночью опять польет.

СХ: Есть ли хоть какая-то надежда, что девочка еще жива?

ЛД: Не могу сказать наверняка. Я всего лишь инженер.

СХ: Тогда как инженер, который разрабатывает такие системы, что бы вы сейчас посоветовали? Выкачали бы из них воду?

ЛД: До следующего дождя не успеем. Что до меня, я бы искал. И молил бы Бога, чтобы ее нашли до наступления ночи.

Глава 6

Пятница, 19:30

ЭЛИЗА И БЕННЕТТ были уже в баре, хотя поначалу я увидела только Элизу. Она чуть ли не лежала на стойке, призывно махая бармену, который уже спешил с улыбкой в ее сторону.

Элиза всегда оказывала на людей такой эффект. Даже на Беннетта. Несмотря на то что он называл ее слишком жизнерадостной, слишком шумной, слишком собой. Ее невозможно было смутить или выбить из колеи. Я знала, что Беннетта невольно радовало ее общество. Элиза вечно сражалась со своими темными, слегка вьющимися волосами, то откидывая их с лица, то заправляя за уши; впрочем, порой она собирала их в небрежный хвост на макушке. Она никогда не производила впечатления собранности, что придавало ей своеобразный шарм.

– Вот видишь, – сказала Элиза, обращаясь к Беннетту. – Говорила же тебе. Она всегда приходит.

Беннетт поджал губы и отвернулся, явно смутившись, что его застали за разговором обо мне. Формально Элиза была его подчиненной, и он старался поддерживать с ней некую видимость профессиональных отношений.

– Я просто поинтересовался, – пробурчал он, поднимая наполовину выпитый стакан пива. – Что такого? Ты опаздывала.

Элиза поднялась, мимолетно обняла меня, чмокнула воздух у щеки, как обычно делала при встрече вне работы, – будто мы давно не виделись. Касание руки, мимолетний аромат ее кокосового шампуня. Беннетт хмыкнул. В первый раз, когда он заскочил с нами выпить, она приветствовала его точно так же. Тогда приятель посмотрел на меня, как сейчас, с той же полуулыбкой, наклонился и повторил ее приветствие, смеясь мне на ухо: «Мы так теперь здороваемся?» Шутка, понятная только нам.

Иногда я видела в Элизе несостоявшуюся версию себя. Возможно, дело было в волосах – так выглядели бы мои собственные волосы, если их отрастить и не осветлять. Или в том, как она шла по жизни, видя в каждом союзника, друга; как легко и непринужденно сходилась с людьми. При взгляде на Элизу на меня порой накатывала ностальгия по чему-то недостижимому.

– Задержалась у доктора, – сказала я Беннетту, пока Элиза залезала на стул. – Посмотрела ему в глаза и забылась.

Он прыснул, отпивая из стакана, закашлялся.

– Я тебя предупредал.

Потом спросил, уже серьезно:

– Ну и как?

Я заняла свободный стул рядом. В баре собралось больше народу, чем обычно.

– Ничего особенного, – ответила я, зная, что уже заслужила его прощение.

Элиза переводила взгляд с меня на Беннетта и обратно, пытаясь понять, о чем речь. Я сама терпеть не могла, когда оказывалась по другую сторону шутки, когда всем вокруг смешно, а ты не догоняешь.

– Мне нужен был новый рецепт, – объяснила я, махнув рукой.

– А-а, – кивнула она, мало что понимая, но уже теряя интерес.

– Спасибо. – Я потянулась за одним из трех наполненных до краев стаканов, стоящих на барной стойке. Дружба – это когда тебе заказывают пиво, как только ты появляешься в дверях.

– Кстати, сегодня кто-то про тебя спрашивал, – сказала Элиза. Беннетт непонимающе посмотрел на нее, та замотала головой. – Еще до того, как ты пришел. Эй, Тревор, – крикнула она, жестом подзывая бармена. – Кто тут интересовался Лив?

Тревор обслуживал клиента, но жестом попросил его подождать и направился к нам. Сонный взгляд, оливковая кожа, темные волосы и татуировка с соколом на руке – выхолощенный образ типичного бармена. Зато к Элизе он был явно равнодушен. Бросался к ней по первому зову, неизменно расплываясь в улыбке.

– Какой-то взрослый мужик. С проседью, – ответил бармен.

– Симпатичный? – кокетливо спросила Элиза.

Он усмехнулся.

– На любителя.

– Таких Оливия и предпочитает, – пробурчал Беннетт.

Элиза широко распахнула глаза, а Тревор даже потупился, срочно занявшись мокрым пятном на стойке.

– Извиняюсь, конечно. – Мой коллега выставил вперед ладони, ничуть при этом не раскаиваясь.

Когда мы с Джоной начали работать в больнице, наши отношения ни для кого не были секретом, хотя все притворялись, что ни о чем не догадывались. Беннетт был единственным, кому я сообщила, что мы расстались.

Мы тогда стояли в очереди на завтрак и двигали подносы. Беннетт на секунду замер и закатил глаза. «Наконец-то у нее мозги встали на место», – изрек он, беря банан. Довольно паршиво вот так обнаружить, что человек,

которого считаешь близким другом, все время принимает тебя за дуру.

Теперь я пропустила его реплику мимо ушей.

– Чего он хотел? – спросила у Тренора.

Бармен облокотился на стойку и заговорщически понизил голос, тем самым давая понять, что он на моей стороне, а не на Беннетта.

– Он не сказал. Спросил только, здесь ли Оливия Мейер.

Я слегка оторопела. Мне и в голову не приходило, что бармен знает мою фамилию. С другой стороны, он ведь попросил у меня удостоверение личности, когда я заказывала в первый раз. Да и расплачивалась я обычно кредиткой.

– Я ему сказал, что ты не появлялась, – продолжал бармен. – Он ответил, что хочет с тобой встретиться. – Тревор пожал плечами, оглядывая толпу. – Больше я его не видел.

Черт бы побрал этого Джону! Я проверила телефон – никаких новых сообщений. Наверняка вспомнил про меня, потому что собирался приехать. Вот и решил заодно повидаться. Скорее всего, встреча в больнице по поводу его научного проекта или того хуже – обсуждение нового контракта. Он, разумеется, знал, где застать меня в пятницу после работы.

– Ты была в курсе, что он приезжает? – спросил Беннетт.

– Нет, – процедила я сквозь зубы.

– Кто? – вмешалась Элиза, наклоняясь поближе.

– Да ее бывший. Профессор, – манерно проговорил Беннетт. Чтобы я живо представила себе, как он называл Джону за моей спиной.

– Пожалуй, мне пора, – сказала я.

Я потянулась за сумочкой, однако Беннетт схватил меня за запястье.

– Лив, пожалуйста, ты ведь только что пришла. – Он отпустил мою руку. – Прости, – добавил почти беззвучно, чтобы увидела только я.

– Я страшно устала, – сказала я. Очередная правда.

– Надо же, – проговорила Элиза, одновременно пытаюсь убрать волосы в хвост. – У меня и мысли не возникло, что это твой бывший парень.

Она тогда еще у нас не работала. Никогда с ним не встречалась и уж точно не слышала о нем от меня.

– Да он и на бывшего парня-то не тянет, – отмахнулась я.

Что как бы и было частью проблемы. Джону вполне устраивали наши неопределенные отношения, пока я не набралась решимости и не порвала с ним. Я не ставила ему ультиматум. Мне просто надоело.

У него вечно находились отговорки.

«Мне не следует...»

«Что подумают люди...»

«Что скажут в аспирантуре...»

«Я должен заботиться о репутации...»

При этом он без проблем продолжал со мной встречаться. Причем все знали. И насколько мне было известно, в аспирантуре на это никак не реагировали. А что касается его репутации, то она, по-моему, ничуть не страдала от того, что он спал с аспиранткой. Чего нельзя было сказать о моей...

Возможно, Беннетт, сам того не понимая, попал в точку. Мне нравились мужчины постарше. Меня тянуло к тем, кто уже не пытался замаскировать свои комплексы идиотской бравадой. К тем, кто мог сказать: «Вот что мне нравится. Вот чего я от тебя жду. Вот что предлагаю взамен». С уверенностью, которая означала, что они уже знали и принимали себя такими, какие есть.

Наверное, Джону привлекало во мне как раз обратное.

Пиво почему-то потеряло вкус, стало каким-то водянистым.

– Ладно, вот это допиваю и иду спать.

Мой приятель облегченно оглядел бар.

– К слову о бывших, – сказал он, показывая на вход.

Он всегда так извинялся, делая маленькие уступки. Сообщая о себе какую-нибудь новую подробность, прекрасно сознавая, что давно пора было ею поделиться.

Я проследила за его взглядом. В дверях стояла длинноногая девушка в повседневном черном платье, по плечам струились светлые волосы. Она выглядела потрясающе. Я обалдела.

– Ни фиги себе, – выдохнула Элиза, ткнув Беннетта в плечо. Тот не шелохнулся. Иногда, как сейчас, подруга промахивалась со своей непосредственностью.

– Почему я ничего о ней не знаю? – спросила я.

– Потому, – медленно начал он, – что ты никогда не спрашивала.

Должно быть, я заметно подскочила на месте, потому что он тут же поднял руки, как бы отказываясь от своих слов.

– Это было еще до тебя, Лив. Она работала в «Скорой» меньше года, ушла за месяц или два до твоего прихода. Мы встречались всего каких-то полгода.

Однако несколько лет спустя он все еще называл ее «своей бывшей» и для встречи с ней нуждался в подкреплении. Нехилые, видимо, были полгода.

– Как ее зовут? – спросила Элиза, не спуская глаз с девушки на другом конце бара.

Беннетт перевел взгляд с меня на Элизу и ответил:

– Кира.

Вот где моя ошибка. Мне следовало спросить раньше. Или хотя бы теперь. Наверное, мы никогда не обсуждали наши прошлые отношения из-за Джоны. Я избегала деликатной темы – ведь предполагалось, что это секрет.

Я считала, что достаточно знала о жизни Беннетта: не женат, пятый и младший ребенок в семье, вырос на юге Шарлотта, откуда уехал, по его словам, чтобы не быть в тени братьев и сестер. И еще что вне работы он преображался.

Все то, что лежало на поверхности. Ничего личного вроде: «Она тебя бросила? Ты по ней скучаешь? Ты сегодня с нами ради нее?»

Опасные вопросы. Если не хочешь, чтобы совали нос в твое прошлое, держись подальше от чужого.

– Она здесь надолго? – спросила я.

Беннетт помотал головой, не спуская с девушки глаз.

– Приехала навестить бывших соседок по комнате. Выходит замуж, хочет попросить их быть подружками невесты.

И тут я услышала в его голосе боль. Поняла, что она для него значила.

Я почувствовала себя нагромождением изъязнов, как перед этим в кабинете доктора Кела. Ясно, почему Беннетт мной не интересовался. Ясно как день.

Он расстался с ней буквально перед моим поступлением. О них наверняка ходили слухи – я хорошо знала атмосферу в больнице. Приятного мало. Должно быть, Беннетт тяготел к новым лицам, для которых он не был частью пары, кому не пришлось бы выбирать сторону. Тут-то я и подвернулась – дружба по расчету.

Он поерзал на стуле, его колени коснулись моих.

– Лучше пойти поздороваться – или сделать вид, что не заметил?

– Лучше пойти поздороваться, – ответила я.

Отхлебнула слишком много, проглотила слишком быстро, пиво встало мне поперек горла.

Беннетт чуть улыбнулся, взял свое пиво и пошел, даже не оглянувшись. Кира заулыбалась ему и приобняла одной рукой. Ее друзья расступились, и он шагнул в их круг. И больше оттуда не вышел. Начал болтать, смеяться. Прекрасно изображая радость, если она и вправду причинила ему боль.

Я повернулась к Элизе, которая что-то нашептывала Тревору, перегнувшись через стойку. Он смеялся и мотал головой. Потом взял ее руку и, продолжая улыбаться, написал ей что-то на ладони.

За спиной хохотали. Заиграла музыка, я перестала слышать собственные мысли. Рядом кто-то курил или только что вошел снаружи, и от него несло куревом.

– Я, пожалуй, пойду, – почти прокричала я, наклоняясь к Элизе.

Та посмотрела на меня долгим взглядом, нахмурилась.

– Что-то не так?

– Неважно себя чувствую.

Я оставила на стойке наличные, с лихвой покрывавшие мою выпивку.

Все было не так. Свет, звук, ставшее вдруг кислым пиво. Мне не терпелось уйти, происходящее застало меня врасплох. Элиза посмотрела на Тревора, потом на меня, не зная, как ей поступить.

– Да оставайся. Просто мне лучше пойти домой.

– Завтра созвонимся?

Разобрать ее слова можно было только по губам. Она едва коснулась моего запястья, но прикосновение обожгло, и мне пришлось сдержаться, чтобы резко не отдернуть руку.

Я поставила машину на газоне, так как на стоянке места не было. Стоянка и прилегающие улицы хорошо освещались. Когда же на развилке я свернула от центра, меня окружила темнота, и стал проступать старый город. Кривые улицы со стертым и потрескавшимся асфальтом; давно заброшенная заправочная станция, полностью заросшая травой, из которой торчала, как зомби, единственная колонка – классическая сцена апокалипсиса.

Я осторожно свернула на свою улицу, петляющую через лес и не освещенную ничем, кроме слабого света домов, стоящих довольно далеко от дороги. Из-за каждого поворота мог выскочить олень.

Въезд к моему дому трудно различить в темноте, разве что по силуэту двух почтовых ящиков – моего и Рика. Повернув, я заметила сквозь деревья свет в доме соседа. У меня на крыльце свет не горел. То ли я впопыхах забыла его включить, то ли лампочка в конце концов перегорела, о чем Рик предупреждал уже давно. Он все время твердил, что надо заменять лампочки и батарейки в детекторе дыма, не дожидаясь, пока они сами перегорят или сядут. Въехав во двор и выключив фары, я пожалела, что его не послушалась.

Семнадцать шагов до крыльца. Слабый свет из-за живой изгороди. Я включила фонарик на телефоне и осветила им перед собой. Поднимаясь по ступенькам, услышала в кустах какую-то возню.

Три шага до двери. Я затопала ногами, как учил Рик, чтобы заявить о

себе. Дать понять животным, что я не трусиха, не добыча, что меня стоит бояться.

Ключ повернулся в замке, дверь за мной захлопнулась. Я щелкнула выключателем на крыльце, чтобы испугать ночных зверей вокруг, но лампочка не зажглась. Тогда я бросилась включать свет во всем доме, пока не услышала монотонное жужжание электричества над головой.

Из-за попытки справиться с нахлынувшим одиночеством. Тихого звучания дома после шума в баре. Того, что Беннетта по-прежнему цепляла бывшая подруга, с которой он, наверное, сейчас веселился, у Элизы назревал роман с Тревором, доктор Кел с его внешностью был не иначе как маньяком, а Рик не снимал обручального кольца, хотя давно жил один.

Из-за того, что мне было плохо, я чувствовала себя оторванной от всех, мечущейся в темноте.

Я подошла к холодильнику, вылила остатки вина в бокал. Потом взяла телефон и отправила сообщение Джоне: «Я о тебе тоже думаю». Потому что так оно и было, а это что-нибудь да значило.

Звук рингтона вырвал меня из сна. Я машинально потянулась к тумбочке и неожиданно ударились обо что-то твердое.

Глаза начинали привыкать к слабому свету, по телу пробежал озноб. Все еще ничего не соображая, я вдруг ясно различила шорох листьев над головой и стрекот сверчков. Слабый свет от дома Рика.

Опять тот же звук. Пропущенный звонок на телефоне. Наверное, я уронила его где-то здесь, в темноте.

Сделав несколько шагов в направлении звука, я оперлась о дерево. Жесткая кора, покрытая чем-то липким и вязким. Я поднесла к лицу испачканные ладони, потеряла пальцы – они слипались.

Телефон вдруг зазвонил. Защищаясь от колючих веток, я шагнула в кусты и споткнулась. Упала на колени, меня пронзила жгучая боль. Попыталась встать, опершись на какую-то корягу, но почувствовала под рукой что-то мягкое.

Змея – пронеслось в голове. Я резко отпрянула, прежде чем успела что-то сообразить.

Однако тень на земле не шелохнулась. Телефон продолжал трезвонить. Я поднялась, шагнула ближе. Ткнула босой ногой в темный силуэт, на этот раз почувствовав знакомую шероховатость джинсов.

Вокруг все замерло.

Внезапная мысль захлестнула сознание. Я раздвинула ветки, всмотрелась: очертания тела, рук, головы.

Человек!

Из горла вырвался крик. Я отшатнулась. Закрыла глаза, пытаюсь успокоиться.

Иногда при пробуждении сон и явь переплетаются. Одно эхом отзывается в другом. Так что человек мог мне просто померещиться: сейчас отойду назад, вернусь в дом, залезу в кровать, и утром не останется ничего, кроме неясного ощущения обреченности. Неприятный осадок в памяти, от которого передернет по пути к машине.

Однако ветер не оставлял сомнений. Его симфония на траве у моих ног не могла быть игрой воображения.

Глаза распахнулись от ужаса, их жгло на ночном ветру.

Сколько времени я здесь простояла? Когда это произошло?

Я опять посмотрела на руки, и без того зная, что они в крови.

Позади меня чернела распахнутая дверь дома. Однако я рванула в противоположную сторону. Через распростертое на земле тело. Сквозь живую изгородь. На бегу цепляясь за кусты. К дому Рика.

Потому что, когда год назад я прибежала к нему, испугавшись змеи, сосед сначала выскочил с ружьем и только потом объявил ее безвредной. После хотел даже отдать ружье мне – мол, сам в случае чего вовремя до него не добежит, к тому же у него есть другое. Я не взяла, все равно не умею им пользоваться.

Дом Рика олицетворял безопасность. Сосед всегда знал, что делать.

И даже сейчас: он все понял, едва открыв дверь. В то время как я, оглядываясь, пыталась объяснить, что случилось.

– Там человек... в кустах...

Я протянула к нему ладони – ярко-красные при свете из открытой двери. Рик окинул меня быстрым взглядом, задержав его на руках.

– Помоги мне, – беззвучно сказала я, и сосед наконец сообразил, что кровь не моя.

Он втянул меня за рукав в дом и запер дверь; внутри было очень жарко, зато я чувствовала себя в безопасности.

Рик не пошел ни за ружьем, ни за телефоном. Долго стоял, прильнув к окну и всматриваясь в темноту; трясущиеся пальцы прижимались к стеклу, запотевшему от его дыхания. Перепачканная и дрожащая, я ждала, пока он скажет, что делать.

Наконец Рик повернулся и посмотрел на меня невидящим взглядом. Будто сквозь меня. А потом проговорил каким-то чужим голосом:

– Иди вымой руки.

**СТЕНОГРАММА ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ПОЛОМ
ПАРСОНОМ, ДИРЕКТОРОМ КЛИНИКИ СНА, ЛОНГБРАНЧ**

19 октября 2000 года

У детей такое часто бывает. Причем у большинства проходит с возрастом. Родителям, которые знают или подозревают, что их ребенок ходит во сне, следует принять меры предосторожности.

Повесьте на двери звоночек или что-то такое, от чего ребенок сможет проснуться. Уберите из комнаты лишнюю мебель и бьющиеся предметы, чтобы дети случайно не поранились.

То, что произошло с этой девочкой, – несчастный случай. Трагедия. И, к сожалению, такое неизбежно, несмотря на все старания уберечь наших детей.

Как правило, эпизоды снохождения не сопровождаются никакими инцидентами. Обычно дети в таком состоянии всего лишь повторяют привычные для них действия. Однако важно понимать, что бывают и другие расстройства, куда более проблематичные и опасные, чем само по себе хождение во сне.

Если ваш ребенок, не просыпаясь, бегают, дерется и вообще ведет себя неадекватно... это не снохождение. Это признаки расстройств другого рода.

И тогда есть все основания для беспокойства. Потому что в таком случае дети могут представлять опасность для себя и других.

Глава 7

Суббота, 02:00

РИК ВЫШЕЛ, не захватив с собой ничего, кроме фонаря. Ни ножа, ни ружья. Только бросил мне через плечо: «Иди уже».

Я нетвердой походкой отправилась в ванную, куда заходила лишь однажды. Стены в желтоватых, потускневших от влажности обоях, стук капель из душа за занавеской.

Я сразу отметила про себя все выходы: дверь, через которую я только что вошла, другая, приоткрытая, в спальню, дальше за кроватью – окно. Кровать почему-то заправлена. Бессонница, подумала я, вспомнив слабый свет, исходящий от этого дома в любое время суток, даже в глухую ночь.

В слепящем свете ванной кровь выглядела чуть ли не фарсом. Буффонадой. Кран пришлось открыть локтем. Пальцы дрожали, хотя я пустила горячую воду. Отдернула руки, только когда обожглась – даже кожа покраснела.

При виде льющейся воды в памяти всплыла лежащая на земле тень. Я представила себе очертания тела. Тишину вокруг. То, что увидит Рик.

Луч фонаря по земле. Приближающиеся шаги...

Я закрыла глаза. Может, ошиблась? В темноте было толком ничего не разобрать. Вдруг это просто какой-то пьяный, который упал и поранился до крови?

Когда вода стала прохладней, я намылила руки по самые локти, вычистила грязь из-под ногтей. Никаких следов крови не осталось, только приторный, почти удушливый запах лаванды.

Я осмотрела себя. Повертела руки: малозаметная царапина у запястья. Верх от пижамы чистый, штаны грязные, одна штанина порвана у колена. Только сейчас почувствовав растекающееся по ноге онемение, присела на край ванны, закатала штанину. Из глубокой раны на коленке текла кровь.

Оторвав немного туалетной бумаги, я прижала ее к ране, потом открыла шкаф под раковиной – посмотреть, нет ли бинта. Пузырек с лекарством, кусачки для ногтей, полотенца стопкой. Маленькое ведерко для мусора, за которым в самом углу что-то засунуто. Что-то черное и металлическое...

Я взгляделась получше, отодвигая ведерко, и отпрянула. Холодный предмет выпал из рук с глухим стуком, и я почувствовала, как подскочил пульс.

Пистолет.

Спрятанный пистолет. Не ружье, запертое в сейфе в другом конце коридора. А тут, под рукой, в двух шагах от спальни. В трех шагах от гостиной.

Я услышала шаги Рика на крыльце, размеренные и твердые. За мусорным ведерком лежала черная изолента. Я зубами оторвала кусок, обмотала коленку и опустила штанину.

Вроде хорошо. Все хорошо.

Открылась и закрылась входная дверь, шаги на минуту замерли на пороге. Возможно, опасность миновала. Тот человек пришел в себя, Рик помог ему подняться, дойти до машины...

Машины я не заметила. Или не посмотрела?

Я помнила свет от дома Рика, темноту собственного дома. Распахнутую дверь. Машины не помнила...

Шаги у ванной, стук в дверь.

– Лив? Ты там как?

– Секунду, – отозвалась я. Осторожно, не дыша, прикрыла шкафчик.

– Лив, мне придется позвонить в полицию.

Молчание.

– Ага, – произнесла я, обращаясь к собственному отражению в зеркале. Не в «Скорую», а в полицию. Значит, тот человек мертв.

Все сразу замедлилось. Дыхание, мысли, движения.

Удаляющиеся от двери шаги. Перед глазами замигали картинки: телефон, тело на земле, кровь. Покалывание в кончиках пальцев. Кислый привкус во рту – стены начали смыкаться, и капли из душа за спиной зазвучали громче, отчетливее. У меня перехватило дыхание.

Я рванула на себя дверь, на ходу глотая воздух.

Рик говорил по телефону в кухне, пока я ждала в гостиной. Разговаривая, ходил из угла в угол.

– Да, труп мужчины на границе участка. Да, мертв. Нет, не знаю. Не уверен. Не знаю.

После разговора он еще какое-то время задержался на кухне. Потом вышел в гостиную, не глядя в мою сторону. Прищуренный взгляд прикован к выходящему на улицу окну, край одного глаза нервно подрагивал.

– Долго же сюда добирается помощь, – вздохнул он. – Далекое, видите ли, для полиции.

– Рик, ты видел? Ты его знаешь?

Он повернулся в мою сторону и медленно моргнул.

– Никогда раньше не видел, насколько могу судить. Хотя там кровящи... – Он отвел глаза. Посмотрел на тумбочку под телевизором, где стояло спиртное. Повернулся, оглядел меня с головы до ног. – Ты сядь, Лив. Посиди и передохни.

Я нетвердо шагнула к дивану, хромая из-за боли и импровизированной повязки.

– Что с тобой?

– Коленку поранила, – ответила я, присаживаясь на край дивана. – Наверное, о корень.

Он нахмурился, разглядывая порванную штанину.

– Ты споткнулась. – Рик произнес это как факт, а не как вопрос.

– Ну да, – подтвердила я, и он кивнул. Я поняла, что он на всякий случай проговаривает мою версию. – Рик, я споткнулась о... тело.

Я не могла произнести имени. Того, кого боялась предположить. Не смела даже подумать.

– Ладно, – сказал Рик. – Вот и они, – добавил еще до того, как свет фар упал на занавески. – Остайся здесь, я им сам покажу.

Во дворе мертвец, а кто еще бродит вокруг моего дома? Должен же тот телефон кому-то принадлежать. Мысли неминуемо возвращались к Джоне, к моему сообщению – «Я о тебе тоже думаю» – и его ответу, пришедшему буквально через пару секунд: «И что же ты думаешь?»

В этом весь Джона: вечно выискивающий подоплеку, докапывающийся до самой сути. Требующий ответов от других, только не от себя. Как естественное продолжение семинара, распространяющееся на наши отношения – с той разницей, что мы были не в классе.

На самом деле я думала о том, что напрасно ответила на его сообщение. Наконец-то я видела Джону насквозь – не как профессора Лоуэлла, который обратил на меня внимание, а как сорокалетнего мужчину, навечно застрявшего в подростковом состоянии.

Неужели он поехал сюда, не дождавшись ответа, а я легла и провалилась в сон – в дурман из вина, адреналина и усталости? Или все-таки сама написала ему, прося приехать? Может, я ответила ему во сне?

Тот случай на старшем курсе в колледже, когда я напилась до беспамятства, пожалуй, походил больше всего на хождение во сне. Я знала, что что-то произошло, видела тому доказательства, слышала, как другие об этом говорят, однако сама ничего не помнила. Очередное недоступное мне воспоминание.

Ночь и ливень, водоотводная труба. Холодная земля и затхлая вода.

Вчера я выпила один лишь бокал, и тем не менее слова доктора Кела звучали в голове как обвинение.

Снаружи донеслись голоса, и звук шагов заставил меня выпрямиться. Не зная, куда девать руки, сложила их на коленях, с силой сомкнув пальцы, которые тут же занемели.

За Риком в комнату вошла девушка.

– Лив, это Нина, – сказал он. Я сначала даже не поняла, кто она такая. Какая-то его знакомая, которая нам может помочь?

Нина шагнула в комнату, внимательно осматриваясь, – пониже меня, одетая в черную ветровку и серые форменные брюки, которые никак не вязались с ее сапогами. У нее были смуглая кожа и затянутые в хвост черные волосы.

Лицо девушки ничего не выражало.

– Нина Ригби, – представилась она. – Из полиции. Мистер Эймс сказал, что тело нашли вы.

Лицо гладкое, словно фарфоровое, – маленький курносый носик, мягко очерченные скулы, круглый подбородок; казалось, оно могло целиком поместиться у меня на ладони. Непроницаемое даже теперь, когда разговор шел о трупе в нескольких шагах от нас.

Ее карие глаза остановились на мне, и я решила, что лицо не фарфоровое, а каменное.

– Да. Уже известно, кто это? – спросила я, чувствуя, как слова царапают горло, и опасаясь, что ей слышен стук моего сердца. Старалась дышать медленно, отсчитывая секунды на каждый вдох и выдох.

Прежде чем ответить, Нина присела ко мне на диван, почти не промяв его.

– Пока нет. Но я хотела бы взять у вас показания прямо сейчас, по свежим следам. Давайте вы расскажете мне, что произошло. Как вы его нашли.

Я помедлила секунду, решая, что сказать; я привыкла говорить недомолвками. Недоговаривая, я становилась человеком с другим прошлым или вообще без него. Я подсознательно придерживалась правды, не вдаваясь в подробности. Отрывочные сведения в ответ на каждый вопрос. «Услышала звуки. Наткнулась на что-то. Да, дотрагивалась. Точно не помню. Нет, не знаю».

– А что именно вы услышали? – спросила Нина, заостря внимание на деталях.

– Телефон.

Правда. Я оттого и проснулась. Пусть думает, что сигнал разносился по двору.

– Кто это, по-вашему, звонил?

Я представила, как Джона читает мое сообщение – у себя за столом, в потертых джинсах, со стаканом виски в руке...

– Не знаю... Звук шел со стороны дома Рика, и...

– Лив за мной присматривает, Нина. Проверяет иногда, – вмешался Рик.

Опять правда. В последнее время я все чаще замечала, что у него дрожат руки, и беспокоилась. Не знала, может ли он водить. Поэтому прихватывала для него кое-какую еду из магазина, а еще иногда стучалась к нему, если не видела целый день.

Нина Ригби пристально посмотрела на Рика, как если бы читала между строк: то есть я вышла из дома, думая, что Рику нужна помощь? Неожиданный поворот, но вполне правдоподобный. Разве сам Рик не поверил бы такому?

К сожалению, сосед знал, что накануне я ходила во сне. И теперь меня покрывал.

– Вы поняли, что человек мертв? – спросила она.

– Нет... Я до него дотронулась. – В воспоминании – руки вытянуты вперед, я отбиваюсь от того, чего уже нет. – Я его ткнула... было так темно и странно, что кто-то лежит в кустах. Весь в крови. – Вязкая, липкая, когда я оперлась о дерево. – Я до дерева тоже дотрагивалась.

Взгляд Нины скользнул мне на руки. Запах мыла чувствовался за версту.

– Вымыла руки. Боялась тут все испачкать.

Опять правда. Нина едва заметно кивнула.

– А пульс вы у него щупали?

– Не помню. Вроде нет. Я сразу побежала.

– Куда?

– Сюда.

– А почему сюда?

Открытая в темноту дверь за спиной. Инстинкт, толкающий меня вперед...

– С человеком что-то случилось. Я испугалась.

– К нам тут звери наведываются, – сказал Рик. – Мы не раз их видели. И слышали.

Нина резко повернулась – первый прорыв в ее непроницаемости.

– Это были не звери, мистер Эймс.

В тишине комнаты стал слышен треск рации, отдаленный гул голосов снаружи, захлопнувшаяся дверца машины. Нина шумно вдохнула и повернулась ко мне.

– Расскажите поподробнее о том, как вы его нашли.

Я не поняла вопроса. Разве я ей только что не рассказала?

– Шаг за шагом, от вашего дома, – добавила она, вставая. – Мистер Эймс, у вас пока возьмут показания. Мисс Мейер, давайте немного пройдемся, и вы покажете, где находились, когда зазвонил телефон. Нам

важно определить, подходил ли человек сначала близко к дому или был уже мертв, когда вы услышали сигнал.

Я заставила себя встать, сморщившись от боли в коленке.

На лбу Нины обозначилась складка.

– Что с вами?

– Ушиблась, – ответила я.

– Она споткнулась, – вставил Рик, и мы обе посмотрели в его сторону.

– Упала и ударилась, скорее всего о корни. Ничего страшного, – добавила я.

Пройти напрямую нам не дали.

– Им сначала надо оцепить место преступления, – объяснила Нина.

Она включила фонарик, и мы стали спускаться к улице, чтобы оттуда сразу же свернуть к моему дому.

Пройдя пару шагов и видя, как я хромаю, Нина остановилась.

– Подъедем на машине, – сказала она. – Тем более тут темно.

Она подвела меня к машине без опознавательных знаков, открыла передо мной переднюю дверцу, потом обошла с другой стороны и села за руль.

Вблизи Нина Ригби еще больше поражала своими противоречиями. Курносый нос и опущенные уголки рта придавали ей одновременно отрешенный и суровый вид. Насколько я могла судить, она не была накрашена, но когда она взялась за руль, я заметила, что ее ногти покрыты нежно-розовым лаком.

На улице никаких машин – непонятно, как сюда попал тот человек. Наши с Риком почтовые ящики стояли рядом, и от них в разные стороны расходились подъездные дорожки.

Как только мы свернули к моему дому, резкий свет прожекторов выхватил из темноты место, где я набрела на труп. В белом жутковатом сиянии вились комары.

Около дома – только моя машина.

Нина выключила мотор, фары погасли – теперь лишь прожекторы с места происшествия отбрасывали зловещий отсвет на кусты между участками. Ломаные тени людей тянулись в нашу сторону.

– Ваш дом совсем не освещен, – сказала Нина.

– Да, надо бы заменить лампочку на крыльце.

Нина вышла, хлопнув дверцей машины, и, пока я вылезала, успела дойти до крыльца. Она стояла, уставившись прямо перед собой, но не потому, что ждала меня. Ее взгляд упирался в открытую дверь, притягивающую своей темнотой. Щелкнул фонарь, осветив крыльцо и

ступеньки.

– Это вы оставили дверь открытой?

– Похоже на то, – ответила я.

Нина стала подниматься, а я облокотилась на перила, чтобы сильно не сгибать колено. Моя спутница тут же повернулась.

– Вы уверены, что можете идти?

– Да-да. Просто не хочу напрягать ногу.

На самом деле я была на пределе, почти падала без сил, что наверняка слышалось в моем голосе. Нина остановилась чуть в стороне от двери – возможно, ждала, пока я подойду. И вдруг резко толкнула дверь ногой, до конца распахнув ее и направив внутрь фонарь. Ее плечи напряглись, и на мгновение мне представилось то, что могло поджидать в темноте.

Пошарив рукой по стене, я нащупала выключатель, и в гостиной зажегся тусклый свет. Я глубоко вдохнула и задержала дыхание. Диван с подушками, все на месте. Никаких признаков чужого присутствия. Только холодно из-за открытой двери.

– Ничего, если я быстро осмотрю дом? – спросила Нина.

Я кивнула – наверное, она проводила меня на случай, если тут кто-то прячется. Хотела убедиться в моей безопасности.

Нина медленно зашла внутрь. Все еще босиком и в грязи, я ходила за ней по комнатам, чувствуя, как на холодном полу леденеют пальцы. Моя спутница включила свет в коридоре. Затем на кухне – из крана над раковиной капала вода. Затем в кабинете, захламленном и почти не используемом.

Единственным местом, куда она не заглянула, был чердак, – не заметила лестницу за дверью, напоминающей дверцу шкафа.

Войдя в спальню, Нина остановилась и щелкнула выключателем.

– Телефон вы отсюда слышали? Из спальни?

Здесь было еще холоднее, я почувствовала сквозняк до того, как увидела его источник: окно за кроватью приоткрыто, тонкие шторы кольшутся. Нина подошла к окну и отодвинула шторы, не обращая внимания на незаправленную кровать и телефон на тумбочке.

Не помнила, чтобы я открывала окно. Впрочем, я даже не помнила, что вышла из дома. Может, мне опять приснился тот кошмар, когда меня обступают стены, и я искала выход.

Нина наклонилась ближе к окну, прислушалась.

– Их слышно, – сказала она себе под нос.

Теперь и я их слышала – голоса полицейских с места происшествия, которые доносил до нас ветер. Могла слышать и звонок.

Неожиданно на моем телефоне высветилось сообщение.

– Поздновато для переписки, – нахмурилась Нина.

В этот момент телефон зазвонил. Девушка взяла его с тумбочки и протянула мне – фотография на экране не оставляла сомнений, что звонили с мобильного Джоны.

Я не двинулась с места, звонок повторился. Что, если один из полицейских снаружи проверял последний набранный номер? Неужели мне придется услышать страшную новость вот так, на глазах у Нины?

– Вы собираетесь отвечать? – спросила она, чуть ли не впихивая телефон мне в руку. Я опустила на край кровати, и кожа на коленке больно натянулась.

Я дважды промахнулась, прежде чем нажала куда нужно и поднесла телефон к уху.

– Алло? – Я затаила дыхание, каждый удар сердца отдавался в голове.

– Лив, знаю, что сейчас поздно, ты, наверное, спишь, но я должен тебе сказать...

Я резко выдохнула.

– Джона? – Я подняла глаза на хмуро уставившуюся на меня Нину. – Где ты?

– Об этом я и хотел сказать, если ты дашь мне такую возможность. – Слова звучали невнятно, спотыкались друг о друга. – Сажу в офисе, пытаюсь разобраться в собственном расписании. Смотрю, как извернуться, чтобы у нас получилось.

– Что получилось?

– Ну мы – ты и я. Признаю, я повел себя глупо, не стоило тебя отпускать...

– Джона, не надо. И вообще я зря это сделала. Не могу сейчас говорить.

Дрожащими пальцами я нажала на отбой. Подняла глаза на окно. Там, в кустах, лежал не Джона. Все происходящее не имело ко мне никакого отношения. Я вполне могла услышать телефон сквозь сон и выйти во двор.

В эту минуту я приняла решение. Совершенно правдоподобная история: услышала телефон, проснулась, увидела человека, побежала.

Самые правдивые истории, как правило, и самые простые.

Нина по-прежнему не спускала с меня глаз.

– Что вы зря сделали? – спросила она.

– Ответила вчера своему бывшему парню.

Женщина кивнула и зашагала по комнате, методично обходя предметы один за другим. Открытое окно. Кровать. Дверь в коридор. Она повернулась ко мне, оглядывая мою рваную пижаму, обнажившуюся

коленку. Я последовала за ее взглядом – дыра и сочившаяся из-под отошедшей повязки кровь.

– Вас надо отвезти в больницу, – заявила она. – Обследовать рану.

Я не поняла, был ли у меня выбор, предлагала Нина или приказывала. Я не знала, как нужно себя вести, когда у тебя во дворе обнаруживается труп. Но возражать не стала.

При правильном осмотре мой дом мог поведать о многом, а я не собиралась давать ей повод для новых подозрений.

Мне хотелось, чтобы нас обеих тут больше не было, хотелось убежать от всего так далеко, как только возможно.

ОТРЫВКИ ИЗ ИНТЕРВЬЮ, СОБРАННЫХ В АРХИВАХ ПОИСКОВОГО ШТАБА

19 октября 2000 года

ПАМЕЛА КРОУЧ: Они не делают все возможное. Это очевидно. Мы понимаем разницу между операцией по спасению и работами по извлечению.

ЧАРЛИ МЕНДОЗА: Кто ж кроме нас сможет ее найти? На нас надеется мать той девочки. А девочка все еще неизвестно где.

УИЛЬЯМ ХАРРИС: Тут чистая математика. Соберите людей и поделите территорию на участки. Людей у нас уже достаточно. К нам съезжаются отовсюду.

АНИТА ЛАФАЙЕТТ: Кажется, даже водолазы приезжают.

ЧАРЛИ: Я слышал, что собираются бурить в разных местах, где возможно скопление воздуха.

ПАМЕЛА: Говорят, народу к нам прибывает все больше. Добровольцы из других штатов.

АНИТА: Колледжи передают нам свои портативные полевые прожекторы. Мы продолжаем искать. Мы будем искать ее, пока не найдем.

УИЛЬЯМ: У них теперь инфракрасные бинокли. Прислали из охотничьего клуба, от группы обеспокоенных граждан. Как я и говорю, тут чистая математика. Соберите достаточно людей, остальное – вопрос времени.

Глава 8

Суббота, 04:00

ВНОЧНУЮ СМЕНУ больница казалась непривычной – больше охраны, малознакомый персонал. Нина Ригби провела меня через вход для «Скорой помощи», не подозревая, что я здесь работаю.

Больничные бланк я заполнила по минимуму. Номер медицинского полиса, имя, дату рождения – стандартные данные. Ничего, что могло бы вызвать у сотрудника больницы желание поковыряться в моем медицинском прошлом. Я осторожничала, понимая, к чему может привести излишняя откровенность. Кто знает, какая информация передается между разными инстанциями при смене имени. Так что чем меньше упоминать, тем лучше.

Порез на ноге – остальное их не касалось.

При этом я прекрасно понимала, что могло бы выясниться и иметь непосредственное отношение к делу здесь, в больничной системе: мой вчерашний визит к доктору Келвину Ройсу. Даже без всяких подробностей уже сам факт посещения мог что-то означать.

Я надеялась, что никто ничего не заметил и не станет об этом упоминать – во всяком случае, в присутствии полиции.

В переполненной приемной было на удивление много больных детей. Среди них – сильно хрипевший мальчик, которого, к счастью, вызвали первым. Эскорт из полицейских, похоже, автоматически сдвигал меня в начало очереди. После того как я заполнила бланк, Нина Ригби подошла к регистрационному окошку, предъявила свой жетон и что-то сказала дежурной. Та на секунду задержала на мне взгляд, после чего ждать нам пришлось совсем недолго. Я смутно помнила медсестру, мерившую у меня пульс и давление. Вероятно, та когда-то подменяла коллегу из дневной смены.

Хорошо, что на мне свободные пижамные брюки: можно просто закатать штанину выше колена, чтобы промыть и обследовать рану.

Медсестра ласково улыбнулась, и я не поняла, узнала она меня или нет. Потом вышла и оставила нас с Ниной в отсеке за занавеской – я села на кровать, а моя спутница заняла единственный стул у стены.

Нина Ригби молчала, отчего становилось не по себе. Чтобы отвлечься, я стала высматривать врача в щель между занавесками, стараясь не думать о событиях, из-за которых сюда попала.

Внезапно зажужжавший телефон Нины заставил нас обеих вздрогнуть, после чего она на какое-то время отвлеклась на сообщения. Догадаться о чем-либо по ее лицу было невозможно.

– Тело обнаружено на участке мистера Эймса, – сказала она. – Сейчас это первичное место преступления, хотя его могут расширить, когда исследуют при дневном свете. Вы не против, если они зайдут и проверят ваш двор?

Она проговорила все это, глядя в телефон, и, не получив немедленного ответа, резко подняла глаза.

– Конечно, – кивнула я.

Она опять уткнулась в телефон, затем опустила его в сумку.

– Как давно вы знакомы с мистером Эймсом? – спросила Нина. Не поняв, относился ли вопрос к ее обмену сообщениями или она задала его из любопытства, я на всякий случай решила не рисковать. Если у Рика уже взяли показания, желательно, чтобы наши истории совпали.

– Я купила у него дом год с лишним назад. Рик обо мне заботится, и я стараюсь отвечать ему тем же. По-моему, у него в городе нет родных.

– Да, – подтвердила она, – их не осталось.

Интересно, какова ее роль в расследовании. Рик представил ее как Нину, и та не уточнила своей должности. При всем начальственном виде она казалась слишком молодой для руководящего поста. Достоинство маленького городка. Я тоже рано смогла получить довольно ответственную должность в больнице.

– А вы давно Рика знаете?

Прежде чем ответить, Нина закинула ногу на ногу.

– Я здесь выросла. Знала его сына.

Я открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут занавеска резко отъехала в сторону, и появилась врач. Она рассеянно поздоровалась, мельком взглянула на Нину, на мою ногу и уткнулась в свои бумаги.

– Вам повезло: рана, похоже, чисто поверхностная. Плохо то, что подобные раны на суставах обычно приходится зашивать, чтобы все правильно срасталось. Кроме того, меня несколько беспокоит ваше давление. – Врач подошла ближе, натягивая перчатки. – Давайте-ка посмотрим.

– Доктор Бриттон? – спросила я, не сомневаясь, что это она. Сидни, с ее гладко зачесанными светлыми волосами и острыми скулами, в белом халате и очках, сдвинутых на макушку. Неужели только вчера я видела ее в «Бакалее», сонную и измотанную после работы, с вином и обедом на одного? А теперь она стояла передо мной подтянутая, с ясным взглядом, в упор меня не узнавая.

Она пару раз моргнула, пытаясь увязать меня с обстановкой.

– Лив?

– Вы знакомы? – встрепенулась Нина, привстав со стула.

– Я здесь работаю, – ответила я, и на лбу у Нины обозначились едва заметные складки. – Не врачом... – Показала на потолок. – Наверху, в администрации.

Девушка пристально посмотрела на меня, видимо, заподозрив, что я не всем с ней поделилась.

– Нина Ригби, – представилась она доктору. – Следователь из полицейского управления.

Следователь. Озноб по коже. Это меняло дело. Меня продолжали допрашивать? Меня подозревали? Как оказывающей содействие мне не следовало задавать вопросы. Я боялась неосторожных движений, из-за которых могли всплыть нежелательные факты.

– Сидни Бриттон, – представилась врач.

Она осторожно перевела взгляд со следователя на меня, только теперь заметив мои грязные ноги, наспех сунутые в шлепанцы, порванную пижаму. Приставшие ко мне отголоски безумной ночи.

– Что случилось? – спросила Сидни изменившимся голосом – не как врач, а как знакомая.

– Да вот, упала, повредила коленку.

– Вернее, – вмешалась следователь Ригби, – Оливия споткнулась о мертвое тело у себя во дворе. Чем, возможно, и объясняется повышенное давление.

Сидни дернула головой, до нее начали доходить слова следователя. Она медленно повернулась ко мне.

– О тело? Тогда понятно, что ты перепугалась.

В ее голосе не было волнения, – не знаю, заметила ли это следователь. Каждая из нас так или иначе сталкивалась с телами. Сидни наверняка считала, что и я к этому времени уже к ним привыкла. Для нее травмы и смерть давно стали обыденностью, даже я воспринимала их больше как строчки в таблицах, ежедневную статистику.

Только не у себя во дворе. Не возле дома. Не среди ночи, когда не имеешь понятия, как ты оказалась на улице. Наверняка и у Сидни подскочило бы давление, если бы она спросонья наткнулась на труп.

Сидни глубоко вздохнула и положила руку в перчатке мне на колено.

Следователь Ригби подалась вперед.

– Может, эта рана получена от удара? – спросила она.

Рука доктора замерла, и женщины обменялись долгим взглядом. Я вдруг поняла, почему следователь все еще здесь, – она хочет разобраться в том, что произошло. Правда ли я споткнулась. Не утаила ли каких-нибудь

подробностей. Даже не допрашивая меня формально, она продолжала собирать информацию. Проверять мои показания – все ли в них сходится.

В воздухе повис незаданный вопрос: не умалчиваю ли я о чем-то еще? О какой-нибудь перепалке, которая закончилась убийством?

Сидни повернулась и резко задвинула занавеску, закрывая нас от медсестры, стоявшей неподалеку. Хотя та все равно могла нас слышать.

– Ты лучше сама расскажи, Лив, – предложила Сидни, мягко надавливая пальцами на мою коленку. – Как это случилось?

Мы все сознавали, что за этим могло стоять. Грязь на пижаме. Кровь. Страх.

– Я понятия не имела, что там человек. Пошла на звук телефона и неожиданно споткнулась... об него.

Меня передернуло. Сидни задержала на мне взгляд, прежде чем обернуться к следователю.

– Да, похоже на удар обо что-то неровное и твердое. Возможно, корень или камень?

Я закивала:

– Что-то такое. Было темно. Все случилось быстро...

Доктор наскоро меня обследовала – незапачканный верх пижамы, неприкрытую кожу рук и шеи. Сначала я проверила себя в ванной Рика, потом это сделала следователь Ригби в моей спальне. Никаких других повреждений. Ничто не указывало на иное развитие событий.

Следователь опять села на стул и принялась что-то печатать в телефоне, пока Сидни готовилась зашивать рану. Сделав обезболивающий укол, она промыла коленку и наложила швы. Ее движения заволаживали, пальцы действовали быстро и четко. Закончив, Сидни резко сняла перчатки, и в комнате раздался хлопок.

– Ну вот. Теперь тебе надо будет прийти дней через десять, снять швы. Рана распухла и выглядит страшнее, чем на самом деле. Пропишем тебе противовоспалительное. И что-нибудь успокоительное, согласна?

– Не помешало бы.

– У тебя есть аллергия или другие нежелательные реакции на лекарства?

– Никаких, – заверила я.

Однажды, еще в юности, меня перед операцией чем-то напичкали. Так потом я в течение нескольких часов была без сознания, пока к моей кровати не подошла медсестра со словами: «С добрым утром, Арден». Я не знала, считается ли это побочной реакцией, но сейчас меня такая перспектива только радовала. Принять таблетку и отключиться.

– Ты в доме одна? – спросила Сидни, глядя на бланк, который я заполняла.

Вопрос меня озадачил – прямо как на приеме у доктора Кела. Не услышав ответа, Сидни перестала писать и подняла глаза.

– Я тебе выписываю таблетки с сильным седативным эффектом. Будет лучше, если за тобой кто-нибудь присмотрит.

Я собиралась ответить, что за мной присмотрит сосед, но в эту секунду занавеска распахнулась, и из-за нее появилась Элиза с широко открытыми глазами.

– Ну ты даешь, Лив! – воскликнула она. – Что случилось?

Ни грамма косметики, волосы собраны в хвост на макушке. Просторная футболка, легинсы, кроссовки. Никаких признаков Треворра.

– Ты что здесь делаешь? – спросила я.

Хотя уже догадалась по тому, как на меня смотрела медсестра в приемной во время регистрации. Или та, что измеряла мне давление. Та, что стояла к нам спиной, когда Сидни задернула занавеску. Не секрет, насколько молниеносно в подобных заведениях распространяется информация.

– Ты мне не позвонила, – сказала Элиза.

Она вопросительно взглянула на следователя, протянула руку.

– Элиза. Работаю здесь медсестрой.

– Нина Ригби, следователь. Я сегодня на дежурстве, – пожалала та протянутую руку.

Рука Элизы нелепо застыла в воздухе, глаза остановились на мне.

– В чем дело? Что с тобой?

– Со мной ничего, – ответила я. – Наткнулась на труп и упала.

Уголок ее рта дернулся в улыбке – то ли от того, как я произнесла эти слова, то ли от комичности самой ситуации.

– Давай отвезу тебя домой. – Элиза повернулась к следователю. – Доверьте ее мне.

Следователь Ригби натянуто улыбнулась. Сидни хмыкнула, глядя на Элизу.

– Я как раз закончила. – Врач повернулась ко мне. – Думаю, что смогу быстро уладить волокиту с выпиской, никому ведь не захочется плохо выглядеть в твоих глазах. – Она похлопала ладонью по краю кровати, прежде чем выйти. – Рада, что ты теперь не одна.

Ригби встала и протянула мне визитку.

– Возле вашего дома какое-то время будет продолжаться расследование. По крайней мере, сегодня команда пробудет там большую часть дня. И к

вам, скорее всего, наведаются вновь. Заполнить кое-какие бумаги.

– Хорошо.

Я чувствовала облегчение от того, что она уходит. Похоже, требуемое получила. Показания подтвердились.

У выхода следователь остановилась.

– У меня уже есть ваши показания, но желательно, чтобы вы, придя домой, попробовали сами все записать. Вдруг вспомните что-то еще. Вы свидетель, а у подробностей есть свойство... забываться.

Задержав на мне взгляд, Ригби шагнула в проем между занавесками.

Элиза поморщилась.

– Жуть какая, – сказала она. – Нагнала на всех страху. Хотя с виду по ней не скажешь.

– Она расследует потенциальное убийство. Им, вероятно, полагается так себя вести, – предположила я.

И все же Элиза права. В следователе Ригби было нечто такое, что отвлекало внимание на посторонние вещи. Я провела с ней несколько часов, гадая, что скрывается за ее фасадом, упустив при этом из виду ее истинные намерения. Этакая профессиональная тактика – дать людям себя недооценить, чтобы они расслабились и проболтались.

Я впустила эту женщину в дом, позволила ей все внимательно осмотреть. Она сидела рядом, когда врач давал заключение по поводу моей раны. Возможно, оно и к лучшему. Побывав у меня и в доме Рика, она лишь убедилась, что никаких преступлений там не совершалось.

Тем не менее я впустила следователя в дом, даже не догадываясь о том, что ей нужно. Впустила до того, как вошла сама. Такая халатность могла закончиться очень плохо. Впредь надо быть осторожнее.

– Пойду проверю, как обстоят дела с бумагами, – сказала Элиза. – Ты пока посиди, ладненько?

Суэта по ту сторону занавески отступила, как некая параллельная реальность. Мелькающие тени. Писк приборов в другом конце коридора. Назойливое брнчание телефона, которое вернуло меня в темноту.

Мысли путались. Сияясь понять смысл происходящего, я закрыла глаза, перебирая в памяти разрозненные фрагменты. Прежде чем они забудутся, как советовала Ригби.

Вот я набираю сообщение Джоне, держа бокал с вином. Тут же об этом жалею. Иду в спальню... В течение следующего часа я должна была переодеться, лечь в кровать, положить телефон рядом на тумбочку. Ничего такого я не помнила. Привычные повседневные действия. Я их себе представляла, но вряд ли отличила бы от любой другой ночи. Вместо них я

слышала телефонный звонок. Чувствовала удар о твердую землю. Видела перед собой силуэт, помнила грязь, кровь и...

– Лив? – Появившаяся в проеме между занавесками Элиза подбежала ко мне и взяла меня за запястье. – У тебя учащенное дыхание, пульс зашкаливает.

Она выглянула в холл, собираясь позвать врача, но я удержала ее за руку.

– Я не могу здесь больше находиться. Пожалуйста, отвези меня домой.

Огромные карие глаза подруги остановились на моем лице. Она кивнула и помогла мне встать.

– Ладно, идем отсюда.

Даже по ускоренной схеме на выписку и получение лекарств в больничной аптеке ушло больше часа.

По пути к машине Элиза зевнула. Небо на горизонте начинало светлеть. Я осторожно села на пассажирское сиденье в ее белый седан и бросила сумочку перед собой. На полу лежала небольшая дорожная сумка, в которой могла быть ее больничная одежда или вещи для других планов на ночь, которые я нарушила.

– Ты была у Треворра? – спросила я, когда Элиза села за руль.

– Я?! Нет, что ты. Я оттуда быстро свалила. Музыка, болтовня... И Беннетт после разговора со своей бывшей вернулся как в воду опущенный. Вот чудик. Не обижайся, я понимаю, что вы с ним друзья, но он тот еще зануда. – Элиза забарабанила пальцами по рулю. – Он тебе вчера позвонил?

Я вынула телефон – единственный звонок, от Джоны.

– Нет.

Все нормальные люди, как положено, спят.

– Ему очень не понравилось, что ты ушла, не попрощавшись. Я сказала, что ты себя плохо чувствовала, но это ж Беннетт... – Элиза пожалала плечами. – Думала, он тебе сам позвонит. – Она посмотрела в мою сторону, и я помотала головой. – Я написала ему сразу, как узнала, что ты в больнице, только текст не желал отправляться. Тогда позвонила, но напоролась на автоответчик. Так что оставила сообщение. Просто не знала, как его еще предупредить.

– Да ничего, Беннетт всегда такой.

Все по правилам: на время сна телефон заблокирован, если он не на ночном дежурстве. Периодически вообще отключен, чтобы не приучать людей к тому, что он постоянно на связи.

– Извини. – Элиза глубоко вздохнула. – Я слишком много болтаю, когда

нервничаю. Как ты себя чувствуешь? Тебе, конечно, плохо. Не в смысле коленки. Полиция, труп. Я бы уж давно психанула.

– Все обойдется, – пробормотала я, надеясь, что так оно и будет.

Элиза крепче вцепилась в руль.

– Он что, прямо так и... лежал на земле?

У меня мелькнула мысль, что подруга не совсем протрезвела. Сколько времени прошло с тех пор, как она ушла из бара? А выпила по меньшей мере два стакана еще при мне, и было непохоже, что она собиралась скоро уходить.

– Так и лежал.

– И ты набрела на него посреди ночи?

Темнота, звонок, тень...

– Я слышала телефон. – Не мешало еще раз прорепетировать свою речь. Привыкнуть к тому, как она звучит, чтобы самой поверить в то, что произошло во время моей отключки.

– Говорят, его полоснули канцелярским ножом, – сказала Элиза, понизив голос.

Воздух ворвался через вентиляцию, обдал ледяной волной. Суставы пальцев хрустнули у меня на коленях. До сих пор мне и в голову не приходило поинтересоваться, каким способом несчастному пустили кровь.

– Извини, я опять за свое, – спохватилась Элиза. – Опять разболталась.

– Нет-нет, ничего. Где ты это слышала?

– От медсестер. У нас групповой чат. Ну, знаешь, чтобы... передавать информацию следующей смене.

Она прикусила язык, чуть не признавшись в нарушении врачебной тайны, в том, что медсестры обмениваются сведениями о пациентах в соцсетях. Никакой разницы, с именами или без. Тонкая грань между законностью и моралью.

Мое-то имя уж точно упоминалось. Ведь ей сообщили, что я в больнице в сопровождении полиции. Возможно, формально это не относилось к конфиденциальной информации, поскольку напрямую не касалось моего анамнеза.

В то же время этажом ниже доставили в морг человека. Совершенно другой осмотр, раскрывающий происшествие с другой стороны.

Убийства в Централ-Вэлли случались редко. Это я проверила перед тем, как сюда переехать. Город был не таким сонным, как Уидоу-Хиллз, но смерти, которые мы регистрировали и которым вели учет, происходили в основном в результате болезней, несчастных случаев или от старости. Зимой их было больше из-за оледенелых дорог и сильных ветров в горах.

Однако и эти случаи, как правило, не сопровождалось полицейским расследованием.

– А что ты еще знаешь? – спросила я, когда мы свернули на мою улицу. – Известно уже, кто он?

При виде служебных машин, припаркованных вдоль дороги, Элиза убрала ногу с педали.

– Нет. Об этом никто не писал. Сообщили, что в морг привезли человека. И что ты тоже в больнице. – Она взглянула на меня. – Мне так страшно, Лив.

Еще одна правда:

– Мне тоже.

СТЕНОГРАММА ПРЯМОГО РЕПОРТАЖА

МЕСТНАЯ РАДИОСТАНЦИЯ, 9-Й КАНАЛ

19 октября 2000 года, 09:00

АЛАНА КОКС: Передаем слово Тиффани Лу, которая ведет репортаж из штаба добровольцев Уидоу-Хиллз, Кентукки. Тиффани, опишите нам, пожалуйста, обстановку.

ТИФФАНИ ЛУ: Доброе утро, Алана. В Уидоу-Хиллз пошел третий день поисков шестилетней Арден Мэйноу. То, что начиналось как добровольная помощь ресурсами и техникой, переросло в грандиозный проект в масштабе страны.

На вчерашней пресс-конференции капитан Морган Ховард поделился своими соображениями относительно прогресса поисковых операций. Он сказал, цитирую: «Мы найдем девочку. Это наша обязанность, и мы с ней справимся».

Когда же его спросили, как он оценивает вероятность найти девочку живой, капитан Ховард ответил уклончиво, но твердо. Цитирую: «Ребенок для нас – не статистика».

Алана, в последние дни мы опросили несколько местных жителей, которые сообщили нам, что сами организовали поиски в более доступных местах. А теперь приехали опытные спасатели, которые прочесывают территорию с помощью инфракрасного излучения в поисках тепловых сигнатур, которые могут принадлежать ребенку. И еще одна команда готовится спуститься в систему водоотводных труб в доступных местах.

Мы в гонке против времени, каждый час и каждый человек на счету. Несмотря на то, что уже три дня нет никаких известий или намеков на ее местонахождение, люди, занимающиеся поисками, непоколебимы.

Все мы в штабе добровольцев разделяем уверенность капитана Ховарда. Общий настрой такой, что никто не сдастся, пока ее не найдут.

АЛАНА КОКС: Спасибо, Тиффани. И спасибо всем, кто занят поисками, за ваши усилия. Что же касается всех остальных, мы можем только смотреть издали – и надеяться.

Глава 9

Суббота, 07:30

ЭЛИЗА ОБЫЧНО РАЗРЯЖАЛА обстановку и поднимала настроение, но на этот раз не помогло даже ее присутствие. Сначала нам бросилась в глаза желтая лента, ограждающая место преступления. Потом мы слышали голоса полицейских. Элиза помогала мне подняться по ступенькам крыльца – нога совсем онемела. Когда мы вошли, я почувствовала малознакомый приторный запах, как от чьих-то духов, и вспомнила о следователе. Что, если в мое отсутствие здесь побывал кто-то еще? Что, если Рик впустил их, открыв дверь запасным ключом? Наверняка это против правил, но местные жители – давние знакомые, которые могли и не считаться с протоколами. Ведь представил же Рик следователя просто по имени.

Внутри со вчерашнего дня горел свет, и все-таки дом казался чужим. Трещина на полу, которую я не замечала прежде. Дырка от гвоздя в стене. Порванная москитная сетка над раковиной.

Элиза развернула инструкцию к таблеткам.

– Принимать во время еды. – Она отложила бумажку. – Ты присядь, я соображу что-нибудь на завтрак.

Пока она доставала из холодильника яйца, я взяла со стола инструкцию и чуть не прыснула со смеху.

– Ты чего?

Снотворное. Болеутоляющее с эффектом снотворного.

– Удивительно, насколько проще получить рецепт, *когда у тебя что-то, видное невооруженным глазом*. Рана-то, в общем, пустяковая.

Я вытряхнула одну таблетку из янтарного пузырька, положила в рот и запила водой из-под крана.

– Ну, тут еще сыграли роль обстоятельства, Лив.

Я плюхнулась на стул, закинув больную ногу на табурет, как велела доктор Бриттон. Элиза разбила над миской яйцо и потянулась за следующим.

– А какой был самый страшный случай в твоей практике? – спросила я.

Подруга замерла.

– В больнице? У меня еще терпимо, я ж не в «Скорой» работаю. Там медсестры рассказывают такое... – Она замолчала, уставившись перед собой в одну точку. – Лучше об этих вещах не думать. Иначе не выдержишь.

– Прости, я решила, раз вы обмениваетесь сообщениями, может, полегчает, если излить душу.

– Знаешь, я представляла себе эту работу как-то иначе. Не знаю, чего ожидала, только после смены я стараюсь обо всем забыть.

– Понимаю.

Я припомнила Сидни с бутылкой вина, собиравшуюся посмотреть «Закон и порядок». Себя с бокалом. Каждый из нас справлялся как мог.

Элиза достала из холодильника молоко и масло.

– В семнадцать лет я угодила в аварию. Потом помню только боль. Выкарабкалась благодаря медсестрам – они не давали мне сойти с ума, поддерживали положительный настрой. Каждый день вспоминаю их лица. Мне захотелось стать такой, как они.

– Надо же, – тихо промолвила я.

Новые факты из чьей-то жизни всегда заставляли меня врасплох, как будто только у меня могло быть неизвестное прошлое. Боясь выдать о себе какие-то подробности, я никогда особенно не откровенничала, поэтому и со мной делились редко. Так я оберегала свою тайну.

Теперь же мне захотелось рассказать ей что-нибудь, поделиться какой-нибудь подробностью прошедшей ночи.

Элиза вдруг отшатнулась от плиты, глядя перед собой в окно.

– Лив, там кто-то бродит.

Я встала, стул царапнул пол.

– Полиция?

– Точно нет. Какой-то старик во фланелевой рубашке.

– А, – пульс замедлился, – это мой сосед Рик.

Элиза наверняка слышала о нем, хоть и никогда не видела. Я открыла заднюю дверь, подруга выглядывала из-за моего плеча. Рик шел по краю участка, направляясь явно не к моему дому. Было непонятно, куда он шел, тем более без своей обычной тележки.

– Рик? – окликнула я.

Он повернулся и зашагал к нам – от его привычного вида, клетчатой рубашки и ботинок, на душе сразу стало спокойнее.

– А, хорошо, что ты уже дома. Я вышел немного проветриться. – Посмотрел по сторонам, понизил голос. – Мне сказали, что можно ходить где угодно, кроме отгороженной части, но каждый раз, как я выхожу из дома, возникает чувство, что за мной следят.

Я понимающе кивнула, сразу вспомнив о ночи, проведенной в компании следователя Ригби. Казалось, она записывала и оценивала каждое мое слово и движение. Затем я подумала о пистолете под умывальником в ванной Рика. Вспомнила изоленту и другие вещи, которые он прятал. Свет у него в доме, застеленную кровать. Все, что могла заметить или

обнаружить полиция.

С другой стороны, он вышел во двор вместо меня, велел мне вымыть руки перед приходом полиции. Мне стало стыдно – ведь я сама втянула Рика в этот кошмар, прибежав к нему за помощью.

– Мы только вернулись. Это моя подруга Элиза.

– Привет, – поздоровался Рик, отступая назад. – Тогда не буду вам мешать. Дай знать, если что понадобится.

– Спасибо, непременно.

Старик повернулся было, но передумал.

– С Ниной все нормально прошло?

– С Ниной? – вмешалась Элиза. – Это та следователь?

Я знала, что Рик, как и я, дал показания. Мне хотелось его расспросить, проверить, все ли сошлось, узнать, сообщили ли ему какие-то подробности. Только не при Элизе. И не при полицейских, спящих вокруг дома.

– Да, – ответила я обоим сразу. – Все нормально. Она отвезла меня в больницу, – я показала на перевязанную коленку. – Пришлось зашивать.

– А, ну ладно, – сказал Рик. – Нину я знаю с детства. Хорошая девочка.

Он повернулся и пошел. Мы давно выросли, а Рик по-прежнему воспринимал нас как детей, далеких от его собственного прошлого.

– Заходи, если будет что-то нужно, – крикнула я ему вдогонку.

Закрела дверь, и в ящике по обыкновению зазвенели приборы. Мы стояли и смотрели в окно на уходящего Рика; он махнул на прощание рукой и пошел к себе, убедившись, что я в безопасности.

– Станный мужик, – сказала Элиза.

Наш откровенный разговор закончился, так и не начавшись.

– Да нет, это же Рик. Он за мной присматривает.

– Хм... Где у тебя венчик?

Я достала его из среднего ящика и протянула Элизе. Когда она отвернулась и начала взбивать яйца, мой взгляд задержался на ящике повыше.

В чате упомянули канцелярский нож. Небольшой, острый и практичный. Я пользовалась своим всего пару дней назад, когда открывала посылку с вещами матери. Задержав дыхание, я чуть выдвинула верхний ящик. Несколько ручек, ножницы, блокнот. Я покопалась в них дрожащими пальцами, хотя сразу увидела, что ножа там нет.

– Ой, тебе болтунья пойдет? – спохватилась Элиза.

Я отпустила ящик, чувствуя себя невесомой, как улетевший в небо шарик.

– Лив? – переспросила она. – Таблетка, что ль, подействовала?

– Прости. – Я тряхнула головой. – Да, болтунья – отлично.

Я слышала, как щелкнул газ, зажегся огонь, и зашипела сковородка.

Никогда не любила замкнутых пространств, чем меня отчасти и привлек этот дом – простором вокруг, множеством окон и выходов, смежными комнатами, плавно переходящими одна в другую. Теперь дом казался тесным, за мной велось наблюдение, и я не могла просто так уйти.

Канцелярского ножа на месте нет. При мысли о том, где он мог быть, внутри все переворачивалось.

Посылка пришла в среду, тогда же я ее и открыла. Достала вещи, забылась на секунду... должно быть, случайно сунула нож не в тот ящик. Или в коробку.

– Так, садись, – скомандовала Элиза, указывая венчиком на стул.

Скорей бы уж она ушла, чтобы я смогла проверить ящики. Перевернуть все вверх дном, пока не найду нож. Знала, что не успокоюсь, пока он не будет у меня в руках.

Элиза поставила передо мной тарелку, и я, к своему удивлению, набросилась на яичницу так, будто голодала несколько дней. После всего-то случившегося.

– Ты бы помедленнее ела...

Я отложила вилку и уставилась в одну точку.

Яичница на подносе. Рядом с кроватью – мама, руки скрещены на груди. У изножья кровати – врач. Стук вилки по тарелке и никак не наступающее насыщение, бездонная пропасть. «Арден, ешь помедленнее...»

Первые дни после спасения. Перед глазами замигали сцены – воспоминания, перемешанные с явью. Эти помутнения в сознании начались после того, как я открыла посылку. На следующее утро в больнице мне даже померещился смех матери – громкий и визгливый, который ожидаешь от девочки-подростка, а не от взрослой женщины.

В районе десятой годовщины несчастного случая со мной уже происходило нечто подобное. На меня накатывали воспоминания о событиях, которые я помнить просто не могла. То я спускалась с крыльца и видела девочку в ночнушке, шагающую рядом, причем все вокруг было в сепии, как на старой фотографии. Или, проезжая на школьном автобусе по засаженной деревьями аллее, видела отряд ищущих меня добровольцев. Или, засыпая, видела мать, выкрикивающую мое имя.

Не воспоминания, а фрагменты новостей, фотографии из газет и книги матери. Одна из истин, которые я тогда усвоила: рассказанная история принадлежит вовсе не тебе. Она принадлежит автору. Свидетелю.

Рассказчику.

И фраза «Та девочка из Уидоу-Хиллз, помните?» возвращала людей не к моим воспоминаниям, а к их собственным.

С тех пор много воды утекло. Моя травма засела так глубоко, что проявлялась лишь на уровне инстинктов: учащенный пульс, когда закрывались двери лифта; звон в ушах, когда в кинотеатре гас свет, а экран еще не зажигался; холодный пот, если кто-то загоразживал выход – и бессознательный порыв немедленно действовать.

Первый такой случай произошел в школьной раздевалке, сразу после десятой годовщины, когда одна девочка загородила собой единственную дверь. Скорее всего, что-то подобное нашло на меня и на вечеринке в колледже.

С того последнего эпизода минуло шесть лет. Посылка всколыхнула прошлое, которое теперь перемежалось с настоящим.

– Я вчера не ужинала, – сказала я.

– Да уж, тебе досталось. Такое количество адреналина не проходит бесследно. Только если будешь так заглатывать, тебя стошнит. Зря ты, что ли, лекарство приняла?

Элиза едва притронулась к завтраку, не отходила от окна и все время что-то высматривала. Будто само ее пребывание на месте событий делало их более осязаемыми и пугающими.

– Что здесь могло случиться прошлой ночью? – спросила я.

Элизина вилка перестала скрести по тарелке.

– Не знаю, тут такая глушь.

– Да ладно, глушь!

– Ну, то есть дом, конечно, классный, я тебе даже завидую. Я-то скорее всего проторчу в своей убогой квартирке лет до пятидесяти, пока не расплачусь с долгами. Но согласись, Лив, тут по ночам темнотища, которая привлекает определенных людей. В такой глуши можно торговать наркотой. Или, не знаю... привезти и выкинуть здесь труп – и никаких тебе свидетелей.

Элиза тряхнула головой, отгоняя неприятное видение.

Мою подругу можно было понять. Она жила в многоквартирном блоке, куда временно селили новых сотрудников, еще не решивших, оставаться ли здесь надолго. Более молодых привлекали тренажерный зал, бассейн, прачечная и другие удобства комплекса. Мы обе жили примерно на одинаковом расстоянии от работы, но здесь было намного меньше людей. У всех большие участки, отмеренные еще до обширной застройки. Мне в самом деле повезло с домом.

Кроме того, в моем представлении, вероятность случайных преступлений гораздо выше там, где больше народу. Где, куда ни шагни, упираешься в стены. Открытые пространства я, наоборот, связывала с безопасностью. Меня не пугали плохие люди или злые намерения. Я боялась очутиться в западне, когда никто не знал бы, где я. Поэтому я никогда не расставалась с телефоном и радовалась, что рядом Рик, который мог заметить мое отсутствие. Там, где жила Элиза, легче затеряться среди снующих туда-сюда людей.

Мы молча доели завтрак. Я собралась мыть посуду, но подруга взяла у меня тарелку и махнула в направлении спальни:

– Иди поспи. Я здесь еще побуду на всякий случай.

Хорошо, что мне не пришлось просить самой. Я уже чувствовала тяжесть в ногах и передвигалась с трудом.

Элиза проводила меня до спальни, положила ногу на подушку. В ее обращенных к окну зрачках я увидела какие-то движения.

– Им что, можно разгуливать у тебя по участку? – Уголки ее рта опустились.

– Тот человек лежал близко... сразу за моим участком.

Язык плохо слушался, начинала кружиться голова.

Значит, они все еще здесь. Совсем рядом. Судя по лицу Элизы, мне следовало забеспокоиться. Но я уже проваливалась в глубокий и тяжелый сон.

СТЕНОГРАММА ПРЯМОГО ЭФИРА ЭММЫ ЛАЙОНС

ИНТЕРВЬЮ С ЛОРЕЛ МЭЙНОР

19 октября 2000 года, 19:30

ЭММА ЛАЙОНС: Мы находимся перед штабом добровольцев, рядом со мной Лорел Мэйнон, мать Арден. Лорел, огромное спасибо, что уделили нам сегодня время. Мы хотели вас заверить: все наши зрители молятся за Арден.

ЛОРЕЛ МЭЙНОР: Спасибо. Мне это очень помогает.

ЭМ: Перед интервью вы рассказывали, какая у вас стойкая дочь.

ЛМ: Да, правда. Ей всего шесть лет, а она уже занимается балетом. Катается на велосипеде, бегает, она вечно в движении. Даже плавать умеет. Не сомневаюсь, что дочка выживет.

ЭМ: Мы тоже в это верим. Все, кто здесь собрался, кто прибыл издалека. Они потому и приехали. Мы слышали, что поначалу местные жители были недовольны качеством поисковых работ. Вы думаете, теперь,

когда поискам Арден уделяется столько внимания, их отношение изменилось?

ЛМ: Да, люди продолжают съезжаться, находят способы помочь. Это вселяет надежду. Я страшно всем благодарна.

ЭМ: Что еще вы хотели бы поведать зрителям о своей дочери?

ЛМ: Я хочу, чтобы она нашлась. Хочу отмотать время назад, проснуться раньше...

ЭМ: Одну минутку... Как?.. Повторите, пожалуйста.

ЛМ: Я хочу...

ЭМ: Нет, простите, не вы. Минутку. Как вы сказали? Боже.

ЛМ: Что, что происходит?

ЭМ: Прошу прощения. Нам только что сообщили: кто-то нашел Арден Мэйноу.

ЛМ: Что?!

ЭМ: Миссис Мэйноу, похоже, ваша дочь нашлась.

Глава 10

Суббота, 15:00

Я ПРОСНУЛАСЬ В ПОЛНОМ замешательстве.

Дверь в спальню открыта. Стук таблеток о стекло. Образ матери на кухне с янтарным пузырьком в руке. Картинка стала расплываться.

Теперь я в кровати, больная нога на подушке, руки вдоль тела. В той же позе, как заснула. Сколько я проспала: час, минуту? Потянулась к тумбочке – телефона нет. Брала ли я его с собой?

– Элиза? – позвала я, приподнимаясь на локтях. Горло саднит, голос хриплый.

В дверях возник силуэт, глаза отказывались фокусироваться.

– Смотрите, кто проснулся.

Я узнала голос раньше, чем разглядела лицо. Откинулась обратно на подушку, не зная, ужасаться ли оттого, что Беннетт застал меня в таком виде.

– Ты давно здесь?

– Примерно с час. Прости, что не приехал раньше, – смог найти замену только после обеда. – Беннетт прислонился к косяку. – Элиза поменялась с кем-то из ночной смены, так что я отправил ее отсыпаться.

Трудно сказать, делал ли Беннетт это из дружеских побуждений или исполнял свои обязанности. Как главный медбрат, он не только составлял графики дежурства и решал текущие рабочие вопросы, но и отчитывался о всяких нарушениях. Поэтому он никогда бы не дал уставшей медсестре выйти в смену.

Я чуть согнула ногу. Вертикально наложенные швы и немного спавшая опухоль позволяли кое-как двигаться.

– Сколько времени я спала?

– Сейчас начало четвертого. Ты спала как убитая. – Беннетт подмигнул, кивая на окно. – Я могу войти? – спросил он, видя, как я пытаюсь сесть в кровати.

– Да, только не надо мне помогать.

Сев прямо, я почувствовала себя лучше. И не только из-за ноги – было приятно сознавать, что с самого начала не ошиблась насчет снотворного. Надо будет попросить у Сидни побольше.

– Конечно, просто подстраховать.

Мой коллега подошел к краю кровати. Он бывал в доме много раз, но никогда не заглядывал в спальню.

– Беннетт, я не стану подавать на тебя в суд, если упаду.

Он делано улыбнулся. Азбука больничного протокола: не допустить

дальнейших увечий. Вставая, я оперлась о протянутую мне руку, другой он придержал меня за локоть. Так дальше продолжаться не могло.

– Что теперь? – спросил Беннетт, отступив назад и изучая меня с головы до ног. Он сморщил нос, помолодев при этом лет на пять. – Как насчет душа?

Я не переодевалась с прошлой ночи, грязь на пижаме затвердела. Мои странные видения при пробуждении, скорее всего, объяснились приставшим ко мне запахом страха и адреналина.

– Какой ты деловой, – сказала я, понимая, что тот осматривает меня как медик. Не шатает ли меня, не теряю ли я равновесие? Проверяет мою реакцию, смотрит зрачки. – Может, и пульс мой проверишь?

Теперь он улыбнулся по-настоящему.

– А ты позволишь?

– Нет.

– Я так и думал. Удачи. – Он махнул в сторону ванной. – Швы не намочи, – услышала я, закрывая за собой дверь.

– Знаю! – крикнула я, закатывая глаза.

Конечно, Беннетт не пустил бы меня одну, если бы считал, что мне нужна помощь. Можно положиться на его оценку, на его уверенность в том, что я справлюсь и все образуется. Что опасность миновала.

Так же он обращается с пациентами, побуждая их встать, немного походить, мягко, но уверенно подталкивая их к выздоровлению. Даже если те сопротивляются. Безличная, клиническая доброта.

Мне не терпелось убраться в доме, избавиться от последствий прошлой ночи. Только не при Беннетте. К тому же он бросился бы делать все сам.

Бурая вода из-под ног, листик, застрявший в волосах, – кружась и исчезая в сливе, с меня стекали остатки вчерашней ночи. Ногти я вычистила еще накануне у Рика.

Я натянула спортивные штаны и свободную футболку – поздно прихорашиваться. Из-за открытой двери комнаты до меня не доносилось никаких звуков.

– Беннетт? – позвала я, осторожно шагнув в коридор.

Присутствие в доме моего коллеги угадывалось безошибочно. Наводить порядок Беннетт бросался каждый раз, когда нервничал или не знал, чем заняться. Трудно сказать, что послужило поводом сегодня. Журналы, купленные в «Бакалее», сложены стопкой в хронологическом порядке. Диванные подушки взбиты и симметрично разложены на диване. Я бы не удивилась, если, пока я спала, он помыл окна и протер пыль.

Теперь же мой гость занимался крыльцом. Через приоткрытую дверь я

видела, как он, стоя на взятой из кухни табуретке, вкручивает лампочку.

Я хорошо изучила тот образ Беннетта, который он создавал для окружающих, и в какой-то степени даже узнавала себя в том, как он взаимодействовал с окружением, как сознательно подбирал слова и поступки. С ним я чувствовала себя привычно и комфортно.

Когда же в больнице – и в нашем дуэте – появилась Элиза, динамика наших отношений изменилась. Теперь дружба с ним виделась мне как бы со стороны, и я стала замечать то, что раньше от меня скрывалось. Прорваться сквозь оболочку Беннетта удавалось редко. Более открытую Элизу я понимала легче, поэтому с ней тоже можно было расслабиться.

Пока Беннетт сосредоточенно возился на крыльце, я могла наконец побыть одна. Я заглянула во все ящики на кухне. Когда я сюда въехала, Рик дал мне канцелярский нож, чтобы открывать коробки. Мне еще тогда бросилось в глаза пятно голубой краски на рукоятке. Как у детских игрушек – легко заметить, легко найти. Однако ножа не оказалось ни среди прихваток, ни среди рецептов и купонов, ни среди других кухонных принадлежностей.

Закрыв последний ящик, я услышала голос Беннетта:

– Если ты голодная, я прихватил кое-что по дороге. Не знал, будет ли тут что поесть.

На столешнице у холодильника стоял бумажный пакет из «Бакалеи», рядом на салфетке – стакан с недопитым апельсиновым соком.

– В доме полно еды, Беннетт.

Он бросил перегоревшую лампочку в мусорное ведро, достал весь пакет и аккуратно обернул его еще одним. После чего взял второй стакан и налил сок. Лучше меня знал, что нужно. Приятно, когда о тебе заботятся. Обычно все было наоборот: я разыскивала не вернувшуюся домой мать; обшаривала дом в поисках таблеток; пыталась придумать, где мне отсидеться и переждать ее перепады настроения от приступов повышенной заботы до паранойи.

С тех пор как я съехала, каждый телефонный звонок означал, что с ней что-то случилось. Я поняла вдруг, что не могла ее спасти. Никто не мог. Только себе мы в состоянии помочь.

– О, выглядишь лучше процентов на двести! – заявил Беннетт.

– Хуже было просто некуда.

Я поставила стакан. Холодный сок тек по пищеводу, пробуждая онемевший от сна организм.

– Старайся не напрягать ногу, – сказал Беннетт.

Мы перебрались в гостиную. Пульты на журнальном столике лежали в

рядок. Откуда-то появились подставки под стаканы, которыми мы только при нем и пользовались. В доме самого Беннетта царили такие чистота и порядок, что я сомневалась, что там вообще кто-то живет.

Снаружи до нас доносились голоса полицейских. Беннетт включил телевизор и оставил его негромко бубнить прогноз погоды, заглушая голоса.

– Ну так что, расскажешь о прошлой ночи?

– Сначала ты, – попросила я.

Звук его голоса действовал на меня успокаивающе. Наверное, я, как хамелеон, научилась подстраиваться под окружающую обстановку. Что-то вроде защитной реакции на чрезмерное внимание к моей персоне. Желание слиться с окружением, стать незаметной.

Беннетт поморщился.

– Тебя не было, когда я вернулся к барной стойке.

Элиза рассказала, как Беннетт отреагировал на мой внезапный уход. В голове пронеслись воспоминания о вчерашнем вечере. Элиза, флиртующая с Тревором, Беннетт со своей бывшей – его незажившие раны.

– Я же говорила, что неважно себя чувствую.

– Лив, почему ты не позвонила из больницы? Элиза оставила сообщение, но я не знал, что с тобой, до самого прихода на работу.

– Прости.

Беннетт помрачнел и отвел глаза.

– Ты же знаешь, что всегда можешь звонить. Если телефон отключен, оставь сообщение. Дай о себе знать. Не заставляй меня так волноваться.

Он достал телефон и проиграл голосовое сообщение Элизы. Ее пронзительный голос разнесся по комнате: «Что за фигня, Беннетт? До тебя хрен дозвонишься. С Лив что-то случилось, она сейчас в больнице. Чтоб ты знал».

Молчание.

– Что-то случилось, – повторил Беннетт, качая головой. – Это все, что я услышал сегодня утром. Больше ничего. От тебя ни слуху ни духу. Примчался в больницу – тебя уже выписали. А когда наконец дозвонился до Элизы, ты спала.

Даже не знаю, почему не додумалась ему позвонить. Как-то не привыкла на него рассчитывать. Опыта длительных взаимоотношений у меня не было. Раньше я дружила со случайными людьми, которые находились рядом. Такая дружба не выдерживала испытания временем и не продолжалась после школы, колледжа или аспирантуры. Я предпочитала держаться на удобном приятельском расстоянии и рассчитывать только на

себя.

– Наверное, не сообразила из-за шока, – пожала плечами я. – К тому же Элиза сказала, что ты в курсе.

Взгляд Беннетта задержался на моем телефоне, которому при наведении порядка отвели место на столе.

– А Джоне ты позвонила? – спросил он резко.

– Нет.

Досадно, конечно, что Беннетт приплел моего бывшего парня, но, если честно, Джоне-то я вчера написала.

– А то он обзвонился, бедолага.

Я вздохнула, откинулась на спинку дивана.

– Джона прислал полупьяное сообщение пару дней назад. Может, я и ответила из-за паршивого настроения после бара. Ну, когда вы все там... – Неопределенный жест. – Хотел попробовать еще раз – мол, вдруг у нас получится. Я дала понять, что ничего не хочу.

Вроде бы. Помню, он звонил при Ригби, помню свой ступор при виде его имени, когда осознала, что труп у меня во дворе – не он.

– Ясно, – лаконично отозвался Беннетт.

Он переключил канал с местных новостей на бейсбольный матч, и создалось впечатление, что ничего необычного и не произошло. Будто мы, как обычно, пили пиво и смотрели игру.

– Твоя бывшая – красавица.

– Ага. – Он продолжал смотреть в телевизор.

– Жаль, что у вас не сложилось.

Беннетт тряхнул головой.

– Мне – нет. Все время, что мы были вместе, она гладела по сторонам. Я как бы заполнял пустоту, пока не подвернется что-то получше. Когда я ей все высказал, она оскорбилась. – Он развернулся в мою сторону. – А потом быстро нашла то, что искала. Естественно, тут ничего не докажешь. Видите ли, это я ее оттолкнул из-за неуверенности в себе, а не наоборот. Замкнутый круг.

Я вздохнула, откинув голову на спинку дивана.

– Джона не желал разглашать наши отношения, пока я сама их не прекратила.

Я подняла стакан с апельсиновым соком, чтобы чокнуться за наши романтические неудачи.

– Если утешит, могу сказать, что я-то не сомневался. Все было ясно с первой минуты, как увидел вас вместе. В покер тебе лучше не играть, малыш.

– Чувствую себя полной дурой.

Я запала на Джону, потому что он мной заинтересовался, потому что ничего не знал обо мне за пределами аудитории. Мне льстила его улыбка в ответ на мои ответы, его удивленное лицо. Льстило полученное в тот вечер сообщение: «Весь день думал над вашим замечанием». Было приятно сознавать себя особенной.

– Что ж, мы растем. Я понял, что не хочу быть с кем-то, кто ходит на сторону, пусть даже в мыслях, – сказал Беннетт. – И еще, что поостерегусь встречаться с коллегой.

Он задержал дыхание, явно чего-то недоговаривая.

– Честно говоря, я думала, тебя не интересуют женщины.

Смех Беннетта прозвучал неожиданно громко.

– То есть любой, кто не кладет на тебя глаз, сразу гей?

– Ну да, – кивнула я, и он опять засмеялся. – Боюсь, я еще не отошла от снотворного.

Тоже мне «любой». Тот, кто проводил со мной кучу времени, хотя держал дистанцию. Кто хранил от меня какие-то тайны. Или мы просто слишком похожи?

– А мы с тобой коллеги? – поинтересовалась я, потому что плохо разбиралась в определениях.

– Вроде того, – ответил Беннетт, расплываясь в улыбке. – Для ясности: я не сижу и не жду, пока ты разберешься со своими тараканами. Вот это, – он жестом обозначил пространство между нами, – меня вполне устраивает.

– А тебе не кажется, что момент не очень подходящий для такого разговора? За окном совершено преступление, да и я напичкана лекарствами.

– По-моему, момент самый подходящий. Если я тебя не так понял, мы все свалим на таблетки.

Даже теперь я не чувствовала никакого напряжения. То ли на меня успокоительное так действовало, то ли Беннетт. Я плохо разбиралась в подобных делах. Он подался вперед, словно хотел поделиться секретом, и произнес: «Я чуть с ума не сошел». Его рука дрожала так, что я даже испугалась – накрыла ее, чтобы остановить дрожь. Я знала, как потрясение может повлиять на человека.

– Эй, все обошлось.

Он с силой сжал мою руку, потом отпустил.

– Слава богу.

На столике зазвонил мой телефон. Беннетт со стоном откинулся назад, закатывая глаза.

– Ответь ему наконец, чтобы он оставил нас в покое.

Я взяла телефон, просмотрела череду сообщений от Джоны. Никаких эмоций. Беннетт поднялся, глядя в окно. Я написала в ответ: «Мне не до тебя. Пожалуйста, больше не звони».

– Что там, по-твоему, произошло? – спросила я. Версию Элизы я уже слышала, но мнению Беннетта доверяла больше.

– Похоже, сейчас и узнаем, – ответил он.

Я вытянула шею, хотя и без того догадалась: к дому направлялась следователь Ригби.

СТЕНОГРАММА

МЕСТНАЯ РАДИОСТАНЦИЯ, 9-Й КАНАЛ

19 октября 2000 года, 19:17

Прерываем программу передач для экстренного сообщения. Арден Мэйноу, шестилетняя девочка, которая потерялась во время грозы в Уидоу-Хиллз штата Кентукки, была найдена.

Нам передали, что девочка жива, хотя пока не может выбраться. После трех дней поисков у штаба добровольцев разразились бурные овации.

Наши корреспонденты уже в пути, и скоро мы начнем репортаж прямо с места событий. Оставайтесь с нами.

Глава 11

Суббота, 16:30

БЕННЕТТ ВСТРЕТИЛ следователя Ригби на крыльце, представился и проводил внутрь. Я по-прежнему сидела на диване, положив ногу на журнальный столик. Ригби перевела взгляд с Беннетта на меня.

– Рада, что вас навещают, Оливия. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, – ответила я чистую правду.

Да, я попала в жуткую переделку. Но ужасные вещи происходят постоянно – я каждый день вижу их на работе.

Мне же на помощь пришли друзья. Большой прогресс по сравнению с прошлым.

Следователь заняла кресло у дивана. Беннетт отнес в кухню пустые стаканы, как бы оставляя нас одних.

– Вы вчера последовали моему совету? Записали, что помните? – начала Ригби. – Я бы хотела прояснить кое-какие моменты.

Я покачала головой.

– К сожалению, нет, сразу отрубилась из-за таблеток. Только сейчас проснулась.

Для пущей наглядности я тряхнула мокрыми волосами.

– Тогда вы позволите? – спросила она, поднимая с колен блокнот, под которым лежала папка.

– Конечно.

– Начнем вот с чего. Вы побежали к дому мистера Эймса, потому что знали, что он не спал?

Я дважды моргнула, пытаюсь собраться с мыслями. Обычно мне нравилась в людях прямолинейность, когда они сразу переходили к делу и говорили, что им от меня надо. Никаких недомолвок. Но в данном случае чувствовался подвох – не ляпнуть бы лишнего.

– Нет, я действовала не раздумывая.

Только бы она не стала вдаваться в подробности. Я сама не знала, почему меня понесло туда, а не домой, откуда я могла позвонить. Боялась того, что там увижу? Боялась саму себя?

– Что делал мистер Эймс, когда вы к нему прибежали?

Я не помнила. В мозгу мелькали несвязные образы: телефон, человек на земле, бег по кустам, раковина, пистолет. Промежуточные детали начинали забываться. К тому же я ожидала совершенно других вопросов: что слышала, что видела, что делала. Вопросов о себе, не о Рике. Я не

собиралась компрометировать человека, который рисковал ради меня.

– Рик – мой друг, – сказала я. – Я побежала к нему, потому что с ним чувствую себя в безопасности.

Следователь щелкнула ручкой, не спуская с меня глаз.

– Расскажите, что он сделал, когда вы к нему прибежали.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить.

– Вышел посмотреть. Не знаю, я была в ванной.

– То есть он вышел, прежде чем позвонить в полицию. У него были на то причины?

Да – я. Рик пытался понять, во что мы влипли.

– Мы оба не додумались позвонить. Я вообще ни о чем не думала. Мы не привыкли иметь дело с трупами.

– Ну, не сказала бы, – спокойно возразила следователь.

– Я работаю в администрации больницы, а не в морге, – парировала я.

На кухне гроыхнула посуда, моя собеседница мельком глянула в ту сторону.

– Вам что-нибудь известно о жене мистера Эймса?

– Знаю только, что она умерла и что он живет один.

Может, он ее тоже обнаружил и вызвал полицию? Может, жена умерла дома, а не в больнице?

– Вам известно, как она умерла?

Я покачала головой. Не хотелось говорить, что я никогда этим не интересовалась. Не люблю совать нос в чужие дела. Мы не расспрашивали о жизни друг друга, так удобнее и безопаснее.

Следователь глубоко вздохнула и заговорила, понизив голос:

– Я тогда еще в школе училась. Выстрел из пистолета. – Большим и указательным пальцами она изобразила пистолет. – Из одного из тех, что он держит в доме. Вы их наверняка видели у него в сейфе. По официальной версии, самоубийство, хотя я слышала и другое.

– Что именно?

Женщина передернула плечами.

– Я уже говорила, что знала его сына Джареда. Постарше меня на пару лет, мой брат с ним дружил. Мистер Эймс построил этот дом для сына и надеялся, что тот останется, можете себе представить? Мой брат считал его деспотом. Судя по всему, мистер Эймс не прочь покомандовать.

Пока она говорила, я думала о пистолете под раковиной. О сейфе, полном всякого оружия, о том ружье, которое старик пытался всучить мне для безопасности. Может, Элиза ошиблась: того человека застрелили, а не зарезали? Может, я от выстрела и проснулась?..

– Джаред вскоре после того уехал. Наверное, и оставался-то здесь только из-за матери. А потом... – Следователь покачала головой. – Я так думаю, что парень отца после этого видеть не мог. Не мог здесь дольше находиться. Мистер Эймс еще долго не продавал дом, все надеялся, что сын вернется. Джаред женат, у него ребенок. Скажите, Оливия, сын хоть раз навестил отца за все время, что вы здесь?

С этими словами девушка победно откинулась в кресле, давая мне время переварить услышанное. Она, собственно, и не нуждалась в ответе.

Когда-то я верила в хороших людей или, во всяком случае, в их добрые намерения. Они бросались на помощь. Сплачивались перед лицом беды. Когда жители Уидоу-Хиллз потребовали подкрепления, они его получили.

Я твердо в это верила вплоть до десятой годовщины происшествия, когда те же хорошие люди посчитали, что мы у них в долгу. Что счетчик продолжал набегать и что я за него не расплатилась. От моей веры не осталось ничего.

– Когда это случилось? – спросила я. До сегодняшнего дня я считала свой дом благополучным местом, построенным с любовью и лучшими намерениями.

– Лет десять тому назад, – ответила следователь. То есть все это время дом пустовал. – Никто не хотел селиться рядом с человеком, которого подозревали в убийстве жены, пусть даже и неофициально. – Она покачала головой. – Незачем ему держать столько оружия. В его-то возрасте.

Я промолчала, потому что не знала, что возразить. Вот только не побежала ли я прошлой ночью к соседу именно из-за ружья? Из-за иллюзии безопасности?

– В общем, советую вам быть поосторожнее, – продолжала следователь. – Не доверяйте всем подряд. Вас втянули в историю, в которой вы толком ничего не понимаете.

Рик ходил утром по моему участку. Расспрашивал о том, как прошла встреча с Ниной. Неужели выведывал, что мне известно, беспокоясь о моей реакции?

Но ведь он меня покрывал. Вместо того чтобы сказать, мол, видел, как Лив накануне ходила во сне. Он же так не сделал.

Следователь вынула из-под блокнота на коленях папку.

– Ну ладно, хочу вам кое-что показать. – Как будто она добилась цели. Посеяла во мне сомнения. Направила расследование в новое русло. – Он не местный – тот, кого вы нашли.

Я чувствовала, что Беннетт стоит в кухне за дверью. Ригби добилась своего: меня одолевали подозрения.

Вдруг кто-то пытался пробраться в дом и Рик заметил его первым?

Это объяснило бы, почему он не спал, почему не пошел за ружьем – уже знал, в чем дело.

Следователь достала фотографию и положила ее на журнальный столик. У меня перехватило дыхание от мысли, что сейчас я увижу труп.

Но с фотографии на меня смотрел живой человек. Седые коротко подстриженные волосы, глубоко посаженные глаза, нейтральное выражение лица. Белый фон, как на фото для документов.

Я вздрогнула. Глаза, смотрящие из-под козырька бейсбольной кепки. Губы, произносящие мое имя: «Оливия, верно?»

– Вы его знаете? – Ригби подалась вперед, вглядываясь в мое лицо.

– Нет, – сказала я. – То есть да. Не знаю, но видела.

– Когда?

– Вчера, перед «Бакалеей». Он окликнул меня по имени.

Я приняла его за назойливого журналиста. Что, если так оно и было? Опять все сходилось на мне. А если Рик видел, как тот за мной следил? Поторопился защититься, спустил курок?

– Он вас преследовал? – Голос выдавал ее волнение. – Что ему было нужно?

До чего же я боялась ворошить прошлое. К горлу подкатил страх – если сказать, что журналист, то спросят почему. Внутри образовалась пустота, мне стало жарко, мышцы напряглись: тело приготовилось сорваться с места.

– Понятия не имею. Я его больше не видела. Он как-то странно на меня смотрел, сказал, что знает. Я ответила, что вряд ли, и уехала. Больше ничего. – Инстинктивно я ограничилась описанием действий, оставив за кадром контекст. – Кто он?

Другие возможные объяснения: человек спрашивал дорогу или решил закадрить понравившуюся ему девушку.

– Шон Колман. Судя по номеру машины, из Кентукки. Мы еще не оповестили родственников, так что информация пока остается между нами.

На крыльце мигнула лампочка. Следователь, видимо, ничего не заметила.

– Что? – хотела было сказать я, но горло сжало, воздуха не хватало.

Ригби смотрела на меня в упор.

– Как вы сказали... его имя? – Мне надо было знать, что я не ослышалась. Что это не бред. Не очередной кошмар наяву.

– Шон Колман. Пятьдесят два года. Так вы его знаете?

Звон в ушах. Имя, связанное со мной навсегда. В каждой статье, в

каждом выпуске новостей. Само по себе слишком распространенное, но если поискать вместе «Шон Колман» и «Арден Мэйно», то не ошибешься. Он тянется к решетке, хватает меня за запястье. История, пересказанная тысячу раз.

Его фотография рядом с моей. Герой, смотрящий в сторону. Тогда он казался таким молодым...

Молитвы были услышаны. Это случилось во время интервью с матерью, когда каждая мать представляла себя на ее месте, а своего ребенка – на моем. Через пять лет интервью повторили в специальном выпуске, потом еще раз – в десятую годовщину. Именно оно вызвало бурю эмоций и больше всего запомнилось людям.

Однако существовало и другое видео. Его особо не запомнили. Не очень качественная запись, немного хаотичная, лиц толком не разглядеть. Тем не менее именно то, другое, видео запечатлело самый важный момент.

Момент, когда меня нашел Шон Колман.

Четыре смыкающиеся стены и никакого выхода.

Прошлое меня выследило. Реальное и неотвратимое.

– Да, знаю.

СТЕНОГРАММА ПРЯМОГО РЕПОРТАЖА

НАЦИОНАЛЬНОЕ ТЕЛЕВЕЩАНИЕ, КЕНТУККИ, 3-Й КАНАЛ

19 октября 2000 года, 19:43

ДОН МЮЛЛЕР: Приветствуем только что присоединившихся зрителей. Эмма Лайонс прибыла на место событий, и сейчас вы увидите довольно драматичные кадры. Эмма, поясните, что происходит?

ЭММА ЛАЙОНС: Дон, мы находимся за периметром ограждений, установленных спасательными службами. За мной на заднем плане – поляна, где разворачиваются события. Фред, будь добр, увеличь изображение... Дон, вам хорошо видно? Видите человека на земле?

ДМ: Да, да.

ЭЛ: Мужчина спиной к нам, в зеленой рубашке, – это человек, нашедший Арден Мэйно. Присмотритесь. У него на плече рука. Мы полагаем, что это ручка шестилетней Арден Мэйно, застрявшей у решетки. Она цепляется за рубашку. Она жива. Более того, похоже, она в сознании.

ДМ: Невероятно. Совершенно невероятно.

ЭЛ: Я сама с трудом верю, Дон. Это настоящее чудо.

ДМ: Как вообще обстановка, Эмма?

ЭЛ: Воздух буквально пропитан радостным волнением. Общее воодушевление. Конечно, ее еще предстоит оттуда достать.

ДМ: У вас есть какие-то сведения о ходе операции?

ЭЛ: Да. Спасатели действуют очень осторожно. Боятся рисковать. Решетка наглухо припаяна к отверстию в трубе. Как мы понимаем, нашедший девочку мужчина обвязал ее ремнем, чтобы она не упала. В первую очередь ей постараются обеспечить безопасность, после чего решат, как действовать дальше. Дело в том, что этого люка нет на карте водоотводной системы города, он остался еще от старого ливнеотвода, когда здесь работали шахты. Так что пока не очень ясно, как подобраться к малышке. Сейчас начнут бурить вокруг, чтобы посмотреть, что под землей.

ДМ: Эмма, скажите, а известно уже, кто ее спаситель?

ЭЛ: Официального подтверждения у нас пока нет, но некоторые из местных жителей говорят, что он из соседнего городка. Тридцатидвухлетний Шон Колман.

Глава 12

Суббота, 17:00

УПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ вызывали во мне животный страх. Сначала начинали дрожать пальцы, потом дрожь распространялась по всему телу, хотя этого никто и не замечал. Я испытывала физиологическую потребность держать свое прошлое на недостижимом расстоянии – оставить его у другого человека с другим именем.

Вряд ли Ригби, молодой следователь, слышала про тот случай. Его скорее помнило поколение наших родителей, с замиранием сердца следивших за событиями. Поэтому я начала с самого начала.

– Раньше меня звали Арден Оливия Мэйноу. В детстве со мной произошел несчастный случай: я потерялась и на несколько дней застряла в трубах под землей. За моими поисками следила чуть ли не вся страна. После школы я сменила имя, чтобы избавиться от журналистов. Меня не оставляли в покое.

Ригби переменилась в лице – к моему удивлению, она помнила.

– Девочка, которую смыло во время грозы... – Ее голос звучал почти восторженно. – Девочка, три дня не выпускавшая из рук решетку.

О хождении во сне она не упомянула, хотя вряд ли могла забыть такой факт.

– Ну не совсем так, – сказала я. В подобные чудеса верила моя мать. В приукрашенную впоследствии историю. – Меня действительно унесло ливневым потоком. А через три дня у той решетки меня нашел Шон Колман.

Ригби не шевелилась, по-моему, даже не дышала. Я буквально почувствовала, как с этими словами расследование плавно переместилось из дома Рика сюда.

Ведь очевидно, что дело во мне. Шон Колман наверняка направлялся ко мне. Или, по крайней мере, следил за мной.

Ригби сказала, что ей надо отойти, и пока она шла к двери, я судорожно соображала, как втиснуть двадцать лет усилий в одну бессмысленную просьбу.

– Есть ли хоть какая-то возможность... – начала я.

Девушка замерла в дверях, уже обдумывая следующий шаг, звонок, действие. Начинаясь цепная реакция, которую я хотела остановить любым способом. Попросить не втягивать меня в эту историю теперь, когда мой спаситель мертв. Я понимала, что такое невозможно. И все же спросила:

– А вдруг это совпадение?

К чести следователя надо сказать, что Ригби сделала вид, будто у меня

есть надежда. Хотя мы обе понимали, что шансов никаких.

– Выясним, – сказала она. – Могу лишь обещать, что буду держать вас в курсе. Если станет что-либо известно, вы узнаете об этом первая. И держитесь подальше от репортеров.

А то я не знала. Передо мной уже маячили заголовки. Неожиданный поворот: спаситель разыскивает девочку через двадцать лет. И умирает возле ее дома. Я так и представляла себе пальцы, спешащие по клавиатуре в погоне за слухами. Девочка из Уиду-Хиллз. История, отмотанная назад к десятой годовщине, затем к пятилетней и, наконец, к самим событиям.

«Часть вторая: Двадцать лет спустя». Герой становится жертвой. Жертва – свидетелем. Перетасованные роли. Как будто все мы – персонажи трагедии, растянувшейся на пару десятилетий.

Ригби ушла, а я стояла и смотрела на закрывшуюся за ней дверь. Рядом нарисовался Беннетт с телефоном в руках, как с компасом. Естественно, не поленился поискать в интернете. Моя детская фотография перевернулась, когда он опустил телефон.

Лицо друга было непроницаемым.

– Я никого не обманывала, Беннетт, лишь пыталась забыть. Люди говорили ужасные вещи, заваливали нас письмами. Я даже не помню того, что со мной случилось, а все от меня чего-то ждали. Я не могла угодить каждому. И не хотела.

– Тебя никто не осуждает, – сказал он, и все же дверь, которую мы едва приоткрыли, с треском захлопнулась. – Лив, я знаком с тобой два года. Считаю, что мы неплохо друг друга знали. Ты мне вообще не собиралась говорить?

Между нами пролегла пропасть.

– Мы не так уж и много друг о друге знали, – парировала я, и его лицо болезненно передернулось. Оказывается, по его лицу можно многое прочесть, если быть повнимательнее.

Может, я ошибалась все это время, и дело было не в Беннетте? Просто он о многом догадывался и понимал, что ко мне надо подходить деликатно? Но ведь и сам он особо не откровенничал.

– Я, например, до вчерашнего дня ничего не знала о твоей бывшей.

– Одно дело не рассказывать о подруге, которая тебя бросила, а другое – умолчать, что ты знаменитость, поменявшая имя. Совсем не одно и то же.

По правде говоря, мне и в голову не приходило рассказать ни ему, ни кому-либо еще о том, что я так старательно скрывала. С какой стати я вдруг стала бы этим делиться?

– Молчание – тоже ответ.

– Беннетт, я об этом не рассказывала никому.

Неужели он не понимает? Я вообще никому не доверяла. Для меня это был вопрос жизни и смерти.

– Никому? Ни бойфренду? Ни соседке по комнате?

Я потрясла головой. Никогда и ни с кем я не сходилась надолго. Поэтому и с Беннеттом на День благодарения не поехала. Вызвалась вместо этого на резервное дежурство в больнице на все каникулы. Предпочла импровизированный ужин вскладчину с коллегами у Сидни Бриттон и кусок пирога у Рика под футбол.

– Никому, – повторила я.

Беннетт нахмурился.

– Тебе не кажется, что это перебор?

Тоже мне новость! Только от себя не убежишь. Можно изменить имя, изменить адрес, но прошлого не изменишь. Оно неизменно идет за тобой по пятам, калечит твою судьбу, загоняет в рамки незаметного и затворнического существования.

– Ты не представляешь, что это за жизнь, – процедила я сквозь зубы. – После десятой годовщины стало настолько невыносимо, что нам пришлось переехать в середине учебного года из Кентукки в Огайо. – Несмотря на дрожь в пальцах, мой голос оставался ровным. – У матери вообще из-за этого крыша поехала. Я перебралась сюда, чтобы начать все сначала.

Как объяснить ему панику, засевшую во внутренностях; ночи, когда просыпаешься в холодном поту, с бешеным пульсом, со сбитыми простынями; когда пытаешься откуда-то вырваться, не зная, сможешь ли найти хоть какой-то выход?

– Ладно. – Беннетт закрыл глаза. – Я понял. Поговорим об этом в другой раз.

Но теперь мне самой захотелось чем-нибудь поделиться. Чем-то, чего приятель не нашел бы в интернете.

– У меня сохранился трофей. – Я отвела левую руку немного в сторону. – Дальше плечом не двинуть.

Его глаза скользнули по шраму. Разумеется, он его и раньше замечал.

– Я думал, ты попала в аварию.

– Типа того. Вывих. Раздроблена кость. Меня оперировали.

– Перелом и вывих? – Беннетт удивленно поднял брови. – Редкая травма для ребенка. Боль, должно быть, нестерпимая.

– Ничего не помню, – отмахнулась я. – И еще я не выношу замкнутых пространств.

– А я-то считал, что ты боишься бактерий.

– Замкнутых пространств больше.

Беннетт улыбнулся, глаза привычно заблестели, и мне сразу полегчало. Может быть, Оливия и Арден смогут сосуществовать и мой друг свыкнется с обеими?

Неожиданно его лицо омрачилось.

– Как ты могла не узнать того мужика перед магазином?

Он кивнул в сторону окна, туда, где накануне лежал человек. В его тоне слышалось недоверие. Как и полиция, Беннетт теперь пытался увязать факты.

Я покачала головой.

– Так ведь двадцать лет прошло.

Мой спаситель запомнился мне таким, как на фотографиях в газетах и во время того единственного интервью, после которого он отошел на задний план, став второстепенным персонажем нашумевшей истории. Какое-то сходство просматривалось: те же глубоко посаженные глаза, форма рта. Все же мне он запомнился молодым.

Если вдуматься, Шон Колман был не сильно старше нас, когда на него обрушилась известность. Попал в камеру почти сразу, как схватил меня за руку. В интервью производил впечатление застенчивого, слегка ошарашенного парня, говорил тихо, осторожно подбирая слова. Совсем не как тот, у магазина: «А я тебя знаю».

Беннетт медленно ходил по комнате, видимо, искал что-то новое в знакомой обстановке. Что-то от другой меня, которую он еще не встречал.

– Для чего тебе понадобился доктор Кел? – как бы между прочим спросил он, не глядя на меня, и атмосфера сразу изменилась.

– Я уже говорила, – сжав челюсти, я взвешивала каждое слово, – что плохо сплю.

Ясно, почему он спросил. Вытянутая кончиками пальцев информация была теперь зажата в кулаке. Девочка из Уидоу-Хиллз ходила во сне. Вот что делало историю особенно захватывающей: малышку смыло ночью, а она даже не поняла, что произошло.

Теперь Беннетт смотрел на меня в упор.

– Думаю, тебе не надо говорить, какие слухи поползут по больнице.

Еще бы. Элиза появилась в неотложке почти сразу, как меня туда привезли. Насколько быстро всем станут известны подробности происшествия?

– Существует закон о неразглашении, к тому же я и правда плохо сплю.

Хорошо, что Ригби ушла. К сожалению, теперь вот Беннетт углядел связь прошлого с настоящим.

– Я всего лишь предупреждаю. Кто-то мог увидеть, что ты заходила в его кабинет. Остальное – догадки и домыслы.

Похоже, мой коллега взвешивал в уме факты. Решал, перешла ли я черту.

– Ты серьезно? Это же твои домыслы.

Обвинение его явно задело. Беннетт шагнул ближе.

– Послушай, я не хотел... Прости, все как-то разом навалилось.

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

– Ты мне не веришь?

– Конечно, верю. Тем более что у тебя все на лице написано. Но следовательно... Ты не обращалась к адвокату?

Я отрицательно покачала головой. В какой-то момент в больнице меня явно прощупывали, и мои показания выдержали проверку. Теперь я помогала следствию, даже поделилась сведениями, которые так долго и тщательно скрывала. У Ригби не должно возникнуть подозрений.

– Я ничего такого не совершала.

– Знаю, но... У меня сестра – юрист. Ты могла бы спросить у нее совета.

– Беннетт...

– Чисто гипотетически. Она не станет вмешиваться. – Он помолчал. – Хуже не будет.

Неизвестно. Мне уже доводилось иметь дело с так называемыми помощниками, которые потом ждали чего-то взамен. Если инстинкт самосохранения был у меня врожденным, то недоверие я приобрела опытным путем.

– Пожалуйста, не надо.

– Как хочешь, – сдался Беннетт и достал телефон. – На всякий случай перешлю тебе ее номер, вдруг передумаешь. Она сейчас в декретном отпуске, но наверняка заходит в офис. Скажи, что это я дал тебе ее координаты.

– Хорошо. Спасибо.

Лицо Беннетта смягчилось, взгляд опять задержался на окне.

– Не нравится мне твое соседство с этим типом... как его, мистером Эймсом. После всех рассказов следователя.

Как будто мы могли отмотать назад и вернуться к разговору о Рике. Как будто он не наговорил мне всяких гадостей.

– Рик всегда был добр ко мне, Беннетт.

Он вздохнул.

– Ладно, не хочу оставлять тебя одну, но мне пора. Элиза обещала

забежать попозже.

– Как-нибудь справлюсь.

В няньке я не нуждалась. Снаружи торчали полицейские, они одновременно присматривали и за Риком и за мной.

Когда я пропала, по идиотскому стечению обстоятельств именно внимание прессы и телевидения спасло мне жизнь. За событиями следило столько людей, что поиски продолжались, хотя в душе мало кто верил, что в таком потоке можно выжить. И даже если бы я выжила, у меня не было практически никаких шансов вынырнуть где-то поблизости от люка, где я могла бы дышать. А уцепиться за решетку и быть замеченной – и того меньше. Каким чудом Шон Колман оказался в нужном месте? Вот чем эта история всех так цепляла.

К сожалению, на том дело не кончилось.

Людям хотелось большего. Им вечно нужно выжать из тебя все, зажать тебя в кулаке и не отпускать. Выразить тебя в одном предложении – чем короче, тем лучше. Чтобы сразу понять, кто ты и какая им от тебя польза.

Пока что меня оберегал интерес полиции, но нельзя было сказать, сколько это продлится и где проходит черта, отделяющая свидетелей от подозреваемых.

– Я оставил кое-какую еду в холодильнике, – произнес Беннетт. – Еще нашел пульт у тебя в диване. И резинки для волос – там их штук двадцать.

– Ха.

– И браслет, – Беннетт кивнул на керамическую вазочку. – Только его надо починить.

– Какой браслет?

Я практически не носила украшений, они мешали на работе. Элиза вроде их тоже особо не жаловала, разве что куда-то на выход.

– С балетной туфелькой на цепочке. Никогда не думал, что тебя интересует балет. Впрочем, сегодня у нас день открытий.

Я непонимающе замотала головой. Браслет лежал в коробке в спальне. Вместе с другими вещами матери.

– Не твой?

Беннетт взял браслет, изящный и деликатный; цепочка свесилась между его большим и указательным пальцем. Два звена разъединены.

– Мой. То есть мамин.

Балетом я занималась только в детстве. И вообще не воспринимала пятилетнюю девочку в розовой пачке серьезно.

Браслет скользнул ко мне на ладонь, я зажала его, чтобы не дрожала рука. Заметила порез на запястье. Представила себе браслет – на том же

месте.

– Ты его в гостиной нашел? – спросила я.

– Под диванной подушкой, – ответил Беннетт. – Короче, я пошел, а то не высплюсь перед завтрашней сменой. Ты точно сама справишься?

– Ага.

Мне не терпелось проверить коробку, понять, что происходит. Соседство с Риком больше не внушало мне чувства безопасности, хотя я и не призналась в этом Беннетту.

– Элиза собиралась заскочить перед ночной сменой. Ну и я не буду отключать телефон, так что звони.

Беннетт вытянул руку, как бы приглашая меня обнять. Мы обнялись – вышло натянуто и неуклюже. Мы оба явно притворялись. Арден Мэйнол была для него чужой.

Как, впрочем, и для меня.

Едва Беннетт ушел, я обмотала браслет вокруг запястья, примерив его к порезу. Вдруг вспомню что-то из своих ночных походов.

Может, я достала браслет из шкафа и надела его?

Я помнила, как цепочка вечно болталась у моего уха, пока мама заплетала мне косички. Она носила браслет постоянно, даже когда я больше толком не могла танцевать. После операции кость долго срасталась, ткань плохо заживала из-за вывиха, и рука потеряла пластичность. Тем не менее мать упорно продолжала записывать меня в балетный класс, пытаясь кому-то что-то доказать.

Шесть месяцев спустя мой шрам красовался в прессе, мать даже продала какие-то фотографии для публикации. Интересно, сколько я тогда стоила.

Я ненавидела внимание. В пятую годовщину, уже в состоянии сама за себя решать, я отказалась участвовать в этом цирке. В десятилетний юбилей не осталось сомнений, что мать выставяла меня как товар.

Арден Мэйнол напоминала персонаж из книги, которую я когда-то читала. «Опишите ее в трех словах: смелая, способная, стойкая». Роль, выученная наизусть, ставшая неотделимой от человека.

Только я больше не была той девочкой.

В старших классах у меня обнаружили способности к бегу. Победа зависела не столько от физической сноровки, сколько от силы воли. Мало кто с этим соглашался. На бегуна я явно не тянула, у меня не особо длинные ноги, и все же я разгонялась так, что никто не мог за мной угнаться. При этом обычно я даже в салочки проигрывала, меня вечно

салили первую. Зато у меня было скрытое преимущество: давно усвоенный урок, что выносливость – усилие воли, а не тела. На короткое время я превращалась в кого-то другого. И тот другой голос говорил мне «держись», как если бы от этого зависела моя жизнь.

Однако мою мать не заботило, что я перестала быть той девочкой, она упорно не снимала браслет. Никогда не понимала остервенения, с которым она цеплялась за тот образ.

После десятилетнего юбилея браслет мне больше не попадался на глаза. В то время из дома начали пропадать вещи: что-то мать продавала, что-то теряла. Я решила, что и браслета больше нет.

А теперь он здесь. Сначала в коробке, потом в гостиной. Может, я надела его и обронила – до того, как наткнулась на Шона Колмана?

Наконец-то я была одна. Ни Беннетта, ни Элизы, ни следователя Ригби, ни даже Рика. Только дом с его тайнами, которые мне предстояло открыть.

СТЕНОГРАММА ПРЯМОГО ЭФИРА ЭММЫ ЛАЙОНС

ИНТЕРВЬЮ С ШОНОМ КОЛМАНОМ

22 октября 2000 года

ЭММА ЛАЙОНС: Мистер Колман, расскажите, пожалуйста, как вы нашли девочку.

ШОН КОЛМАН: Да случайно. Чистое везение. Возвращался домой после очередных поисков, решил срезать путь к своему грузовику. Тогда все улицы в Уйдоу-Хиллз были забиты машинами. Вот я и шел напрямик. И вдруг увидел.

ЭЛ: Что именно вы увидели?

ШК: Увидел руку и сразу понял, что это она.

ЭЛ: И что вы сделали?

ШК: Позвал на помощь. Обхватил ее запястье и стал звать на помощь, но никто не слышал. Тогда я снял ремень и обвязал ей руку. Ну и продолжал звать на помощь, пока кто-то не услышал. Не хотел оставлять ее одну. Меня долго никто не слышал.

ЭЛ: А вы девочке что-нибудь говорили?

ШК: Ну да, я все время повторял: «Все хорошо. Все хорошо, Арден. Можешь открыть глаза».

Глава 13

Воскресенье, 06:30

ЕСЛИ ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ спать, то потом не заснешь ночью. Мой суточный ритм сбился из-за событий последних дней, и голова плохо соображала.

Накануне, после ухода Беннетта, я первым делом проверила посылку с вещами матери. Прихватила из кухни скамеечку и направилась напрямиком к шкафу, чтобы достать ее с верхней полки. Но коробка стояла на полу в другом углу комнаты.

Внутри все было на месте: свитер, полотняная сумка, телефон. Даже пакетик из-под браслета.

И никакого ножа.

Браслет валялся теперь на тумбочке у кровати; я смахнула его в ящик, который сразу же задвинула – с глаз долой.

Весь остальной дом казался одновременно привычным и чужим. Чувствовалась то ли организованность Беннетта, то ли любопытство Элизы. Кто-то явно трогал вещи. Чем дальше я искала, тем больше удивлялась: зачем кому-то понадобилось шарить в моих шкафах и ящиках? Или мне это просто мерещилось, а на самом деле все так и лежало?

Иногда нечто подобное происходило со мной на работе: одна и та же рутина, одни и те же лица в кафетерии. По прошествии месяца все эти лица сменялись новыми, но сам момент перемены наступал для меня незаметно.

Я отогнала мысль об оставшихся таблетках по рецепту доктора Бриттон. Пока я в доме одна, лучше так глубоко не проваливаться. Мало ли. У Рика какое-то темное прошлое, не говоря уже о трупе.

С восходом солнца все стало приходить в норму. Полиция закончила обследовать место преступления, машины разъехались. И лишь желтая лента еще трепыхалась в дальнем конце участка.

В кухне пахло вчерашним ужином. Я взяла пакет с мусором и пошла его выбрасывать. Контейнер стоял у стены, не видной с участка Рика. Огибая дом, я первый раз за эти дни не чувствовала, будто за мной следят.

Наклонив контейнер, чтобы закинуть туда пакет, я услышала звяканье. Поднялась на цыпочки и заглянула – на дне валялись осколки от лампочки.

Беннетт? Он вчера вроде выбросил ее в кухне, еще в отдельный пакет засунул. Других лампочек у меня не было, разве что на чердаке.

По спине поползли мурашки. Приоткрытые окна, осколок, застрявший в ноге...

Я выбросила мусор и, поспешив в дом, пробежала по коридору к двери, похожей на дверцу шкафа. Слава богу, на этот раз хоть светло. Тесный и

душный чердак. Косой свет из рифленого окна, причудливые узоры на дощатом полу.

В центре, под тем местом, где висел пустой патрон, в одной из щелей что-то блеснуло. Я присмотрелась – чуть подальше был еще кусочек стекла, тоже забившийся в щель между досками. За спиной, ближе к двери, незамеченное раньше пятнышко крови.

Я подняла глаза и попыталась представить, что здесь могло произойти. Выходит, прежде, чем Рик увидел меня в ту первую ночь, я поднималась сюда, разбила лампочку, наступила на стекло, потом подобрала и выкинула осколки.

Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Я рванула к лестнице. Для чего мне понадобилось ночью сюда подниматься? Неужели я открыла окно во сне?

По крайней мере, ясно, почему я оказалась во дворе: вышла выбросить осколки в контейнер. А после поняла, что заперла себя снаружи.

Ничего не помня, я придумывала более или менее правдоподобную историю по оставленным зацепкам. Ночь четверга казалась словно чем-то из другой жизни. Да и события пятницы я толком вспомнить не могла. Так же, как и двадцать лет назад: произошло нечто такое, что не укладывалось в голове; отрывки воспоминаний перепутались. Все осталось далеко позади, вместе с трупом на границе моего участка. Вместе с нагнавшим меня прошлым.

Сегодняшняя же реальность такова: Беннетт принес ужин на двоих, а потом внезапно ушел; Элиза так и не зашла по дороге на работу.

Все развивалось по тому же сценарию, что и десять лет назад.

Тогда по телевизору показали интервью десятилетней давности, после чего некоторые одноклассники и учителя стали активно со мной сближаться. Расспрашивали о событиях, ожидали от меня откровений, хотели быть частью истории, чтобы потом поделиться очередными слухами и новыми подробностями. Во мне видели трофей, который к тому же можно разобрать и изучить.

Но были и другие. Эти оскорбились, что их не посвятили в нечто важное. Кто-то отдалился сразу, кто-то постепенно... То же самое происходило и теперь. Внимание журналистов могло сделать мое и без того незавидное положение совершенно невыносимым.

Десять лет назад именно это внимание подтолкнуло маму к краю пропасти. В первые годы после происшествия она еще сохраняла какую-то видимость нормальной жизни. Хотя уже тогда не спала, вернее, не спала в обычное время. Проверяла меня каждый час, полчаса, каждые десять

минут. Не спускала с меня глаз, все боялась, что со мной опять что-то случится.

Пережитая драма нас сблизила, она же нас потом и разобщила.

Мнительность матери сменилась полной апатией. Она оказалась не готовой к журналистской мясорубке. Ее распяли за ту же историю, за которую сперва заплатили; ее разбирали по косточкам в статьях, интервью и репортажах. И мать заглашала все это тем, что было под рукой.

Вокруг нее крутились только те, кому было что-то нужно. Появился бывший бойфренд Ник Валдин, который еще до происшествия периодически пропадал и, судя по их разговорам, мог быть моим отцом. Я всегда надеялась, что это неправда. Когда я подписала чек на выплату его долгов, он исчез безвозвратно. После возникали новые хахали и приятели – все без исключения отморозки.

После ее участия в ток-шоу, посвященном десятилетнему юбилею моего спасения, внимание возобновилось с новой силой; нас донимали все, кому не лень. Начались звонки. Приходили письма – любого содержания. Голосовые сообщения на автоответчике от людей, желающих знать, на что пошли их деньги. Разумеется, всем не давал покоя вопрос о том, что стало со спасенной таким чудом девочкой. Оказалась ли она достойна пожертвований?

Народу требовались физические подтверждения, что их щедрость и надежда не пропали даром.

Моя роль еще раз изменилась. Я стала девочкой, избегающей внимания. Не дающей интервью. Неблагодарной зазнайкой, пытающейся ускользнуть. Школа превратилась в минное поле.

Матери тоже не нравились вопросы, которые ей задавали. Подозрения, с которыми воспринимались ее ответы. Нас обеих разбирали по косточкам.

Переехав в Огайо, перед поступлением в школу я официально оформила другое имя и фамилию, решив, что так смогу переродиться.

Арден Мэйноу к тому времени стала такой же загадкой для меня, как и для всех остальных.

К счастью, большинство пожертвований пошло на оплату моего обучения в колледже. В отличие от гонораров за интервью и книгу, к этим деньгам мать доступа не имела. На них я смогла получить образование и оплатить большую часть этого дома.

Не знаю, было ли переименование фонда на мое имя жестокостью или проявлением мужества с моей стороны. Только матери я больше не видела. Жаль, что она запомнилась мне именно такой: тощей, нервной, вечно кусающей ногти, озирающейся по сторонам. В нечто подобное могла

превратиться и я.

Возможно, в какой-то степени я тоже чувствовала, что должна отчитаться перед людьми, которые нам помогли. И была уверена, что поступила с деньгами правильно, потратив их на анонимность и новую жизнь.

Теперь над всем этим нависла угроза. Я легко могла скатиться туда, откуда так долго старалась выкарабкаться.

Я позвонила Элизе. Хватит уже того, что Беннетт узнал обо всем не от меня. Пусть я недостаточно долго и хорошо ее знала, она все же была частью моей жизни, рассказала мне о своей аварии и о том, почему решила стать медсестрой. Она должна узнать обо всем от меня, чтобы не обиделась, как Беннетт. А еще я хотела объяснить ей, почему так важно обо всем молчать.

Хоть бы Беннетт меня не опередил. Надо успеть первой, пока Элиза не сделала неправильных выводов.

После нескольких гудков включился автоответчик, и раздался ее знакомый бойкий голос: «Эй, это Элиза, подойти не могу! Оставьте сообщение!» Каждое Элизино предложение словно заканчивалось восклицательным знаком или многоточием, если ждала, что ты подхватишь и закончишь ее мысль.

– Привет, это Лив. Перезвони мне, когда сможешь.

Я посмотрела на часы. Поторопившись, я могла застать ее на работе.

По пути к машине я слышала за спиной шаги. Зажала ключи в кулаке, чтобы они торчали, как кастет: защитная реакция, выработанная еще в колледже. Опасность подстерегала на каждом углу – меня высматривали, за мной крались, выжидали, пока я останусь одна.

Резко повернувшись, я увидела Рика. Он успокаивающе вскинул руки:

– Лив, это я.

Он остановился, я мельком глянула на желтую ленту, запутавшуюся в кустах между нашими участками.

– Извини, – сказала я.

– Хотел узнать, как дела... У тебя все время кто-то был, потом я думал, что ты спала, и не заходил, чтобы не потревожить.

Значит, он за мной присматривал. Что он вообще может разглядеть из дома? Между нами деревья и кусты, но я видела свет в его окнах, когда он не спал. Рик переступил с ноги на ногу. Я не знала, беспокоится ли он о найденном на участке трупе или о том, что мне рассказала следователь.

– Мне надо ненадолго отъехать. Тебе что-нибудь захватить? – спросила я обыденно. Как я объяснила Ригби – мы заботились друг о друге.

– Да нет, Лив, не нужно. Я за тебя немного беспокоился. Они сказали...

Я вздрогнула.

– Что сказали?

– Ну, про твою коленку, что тебя зашивали. А я даже не спросил. – Он сглотнул. – Не подумал, что ты сильно поранилась.

Я махнула рукой:

– Ничего, просто споткнулась, когда к тебе бежала.

Было слышно, как на ветру трепыхается лента. Я старалась увязать знакомого мне Рика с тем, которого знала Ригби. Который знал, где запасной ключ. В его доме по ночам горел свет.

Я сжала зубы. Это все следовательские штучки – посеять у меня в голове сомнения, чтобы окончательно запутать. Нельзя этому поддаваться!

– Слушай, Рик, они не нашли машину того человека?

– Нет. Мне только показали его фото, больше ничего. Не сказали, ни кто он, ни что здесь делал. Думаю, они сами не знают, как он сюда попал, тут же полно всяких зверей, следов не разобрать. То ли с дороги подошел, то ли сзади.

Сзади. За нашими домами росли деревья, а дальше протекал ручей. Я туда всего один раз доходила. На другой стороне ручья начинался склон чужого участка.

– Ладно, Рик, обо мне не беспокойся. Позвони, если что-то понадобится.

– А тот, который вчера приходил, – внезапно спросил Рик, – он твой парень?

– Просто друг. – Незачем вдаваться в подробности.

– Я слышал, как они ругались с той, другой девушкой. На крыльце. Их было слышно аж на моем участке – я убирал бардак, который оставили полицейские.

Я вдруг вспомнила, как Рик шел вдоль деревьев по участку, когда здесь была Элиза. Вечно он рядом. Вот и сейчас заметил, что я вышла. В словах следователя о его навязчивой опеке могла быть и доля правды.

Я открыла дверцу машины.

– Они очень разные, – сказала я и представила, как Беннетт настаивает на том, чтобы Элиза шла отсыпаться перед сменой. Рабочий протокол прежде всего. – Но они хорошие люди. И хорошие друзья.

Господи, как же мне хотелось, чтобы это было правдой.

Уже въезжая на больничную стоянку, я поняла, что с Элизой разминулась. Обычно она ставила машину рядом с выездом – чтобы скорей сбежать, шутила она. Еще одна черта, которая мне в ней нравилась, – возможно, моя подруга тоже просчитывала пути к отступлению, но относилась к этому с юмором. Если бы я так усердно не пыталась все скрывать, может, и я бы в результате расслабилась.

На всякий случай дважды объехав стоянку, я припарковалась, еще раз набрала Элизин номер, опять услышала автоответчик. Скорее всего, после ночной смены она поехала напрямик домой, спать. По крайней мере, я надеялась, что именно поэтому ничего от нее не слышала.

Воскресное утро в «Бакалее» ничем не отличалось от любого другого утра. Несколько припаркованных автомобилей. Мимолетное дежавю: голубой капот и облокотившийся на него Шон Колман.

«А я тебя знаю».

Я поставила машину у входа в магазин и рассеянно прошла через автоматические двери. За прилавком все тот же парень, на экране все тот же вестерн. Перед прилавком – посетительница.

Доктор Сидни Бриттон – пятница повторялась.

– Доброе утро, – окликнула я, когда та повернулась к выходу.

– Лив! Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, не на работу собралась?

– Нет, просто зашла за кофе.

– Как нога?

– Гораздо лучше.

Коленка все еще не гнулась, и по лестнице я спускалась медленно, но больше из осторожности, чем по необходимости.

– Отлично. Ну, выздоравливай и приходи снимать швы на следующей неделе.

Она поправила на плече сумку, собираясь выйти. Из целлофанового пакета виднелась упаковка готового обеда, обо что-то звякнула бутылка.

– Сидни, – остановила я. – Помнишь, мы столкнулись здесь с тобой в пятницу?

Она непонимающе моргнула.

– Ну да.

– Тут был кроме нас кто-то еще?

Она натянуто улыбнулась.

– Я как-то больше не различаю заурядные смены, Лив.

Похоже, я застала ее за ежедневной рутинной: заторможенная после работы, она запивала вином подогретый в микроволновке обед. И так

каждый день.

– Харви мог лучше запомнить, – сказала Сидни, кивнула в сторону прилавка и покинула магазин.

Я подошла к кофейному автомату у прилавка.

– Харви?

Парень оторвался от экрана и посмотрел, как я наливаю кофе.

– Да?

– Я заходила пару дней назад. В пятницу. Хотела у вас кое-что спросить.

Он молчал.

– Вы еще сказали, что у меня в корзинке любопытный набор. И попросили предъявить удостоверение личности. – Парень медленно наклонил голову. – Вы не помните другого мужчину, который тогда был в магазине?

Харви изменился в лице.

– Полицейские меня о нем уже спрашивали. Я им ответил, что всех не упомнишь и что запись сохраняется не больше суток. – Он кивнул на камеру в углу над телевизором. – Смысла нет платить за хранение. Я слышал, он умер. Сожалею. Это ваш знакомый?

– Он пытался со мной заговорить, – сказала я. Мне нужно было знать, для чего сюда приезжал Шон Колман. Для чего появился здесь ни с того ни с сего через двадцать лет.

– Полиция проверила все чеки, – продолжал Харви, возвращая меня к действительности. – Только, по-моему, этот тип ничего не купил. Вроде бы просто бродил между рядов. Хотя трудно сказать, я тут каждый день в утреннюю смену, и каждый день одно и то же.

– Все равно спасибо, – сказала я, дрожащими пальцами расплачиваясь за кофе.

Я сидела в машине и пила кофе. Домой ехать не хотелось. Поискала новости на телефоне – посмотреть, насколько продвинулось следствие.

Здесь полиция уже побывала. После того как следователь Ригби узнала, что я видела Шона Колмана у «Бакалеи», они успели расспросить Харви. Спрашивали про запись, просматривали чеки. Интересно, что подумали о моем – дверной крючок и бутылка рома?

Дрожащими пальцами вбила в поисковик имя Шона и, не дыша, ждала результатов.

Ничего особенного. Профили в соцсетях, названия должностей – слишком распространенное имя. Я проверила в категории новостей, там тоже ничего, кроме рекордов какого-то школьника. Плечи чуть

расслабились, я спокойнее глотнула кофе.

На этот раз я вбила «Рик Эймс». Еще одно распространенное имя с кучей результатов. Добавила «Сентрал-Вэлли» – сразу вылез некролог его жены Мари. Никаких подробностей, только имена скорбящих – мужа Рика и сына Джареда – и дата похорон.

Пока пролистывала страницу, зазвонил телефон. Я подскочила, почти уронив его на колени. Беннетт. Видимо, проснулся и решил узнать, как мои дела. Раз он звонит, значит, все не так уж плохо.

– С добрым утром, – приветствовала я.

– Эй, Элиза с тобой? – Голос какой-то запыхавшийся.

– Нет, я одна, у магазина.

Молчание.

– Во сколько она вчера от тебя ушла?

– Ни во сколько, – ответила я. – Она вообще не заходила.

Беннетт тихо выругался.

– Она уволилась. Вернула пропуск, отправила мейл, чтоб ее. Не вышла в смену, никого не попросила заменить. Подставила коллег – у них и так народу не хватает. Даже не предупредила. И дозвониться до нее не могу.

– На нее это совсем не... – начала было я и запнулась: что я о ней, в сущности, знала? Мы вроде бы дружили, но познакомились-то всего несколько месяцев назад. Она стремительно ворвалась в мою жизнь; что ей мешало так же внезапно и пропасть?

– Что ты ей наговорил? – спросила я.

– Ты о чем?

– Я знаю, что вы поругались. Мой сосед вас слышал.

– Ну, наехал на нее из-за того сообщения. Никакой информации, заставила меня волноваться... Конечно, я просто сорвал на ней досаду, она, собственно, и не виновата.

Я прекрасно знала, как он умел найти больное место, ткнуть туда и еще поковырять.

– Беннетт, Элиза уволилась!

– Клянусь, ничего такого я не говорил! Ничего, чтобы увольняться на фиг.

Последние слова прозвучали не очень убедительно. Откуда нам знать, что может толкнуть другого человека на крайности?

– Она и на мои звонки не отвечает, – сказала я. – Пожалуй, заеду к ней. Мне по пути.

Неправда. Квартирный комплекс, где жила Элиза, находился в другой стороне, на окраине города, но я не могла вернуться домой и остаться

наедине со своими спутанными мыслями. И потом, я хотела лично рассказать обо всем подруге.

– Скажи ей... – Беннетт замялся, я услышала треск больничного интеркома. – Черт, передай ей, чтобы она мне перезвонила.

Белый седан Элизы я увидела сразу. Припарковавшись рядом, заметила внутри салона свет. Так аккумулятор сядет, если уже не сел. Я обошла машину и увидела, что дверца со стороны водителя прижата неплотно. Представила себе, как моя подруга вчера выскочила сама не своя, ничего не замечая. Я прижала дверь бедром, и свет внутри сразу погас.

Я ввела на домофоне номер Элизиной квартиры, но в ту же секунду из подъезда вышел мужчина и придержал дверь. Меня тут обычно принимали за свою – подходящий возраст, деловой вид. Или он смутно помнил, что я здесь жила раньше. Отпуская дверь, мужчина приветливо кивнул.

Квартира Элизы в самом конце коридора. Плетеный коврик, сухой венок из искусственных цветов и розовый стикер: «Посылка у вахтера». Я постучала, послушала, опять постучала.

– Элиза? Это Лив. Я на минутку!

Ничего. Прижала ухо к двери – тишина. Опять постучала.

– Мне звонил Беннетт, Элиза, открой.

Молчание.

– Элиза!

На этот раз дверь открылась. У соседа напротив. Налитые кровью глаза и спортивные шорты – выразительно.

– А потише нельзя?

– Вы Элизу не видели?

Парень мотнул головой и захлопнул дверь.

Я прислушалась, соображая. Ее машина здесь. В смену она не выходила. Неожиданно уволилась.

В душе нарастало беспокойство. Я вспомнила, как Элиза прибежала ради меня в больницу, как осталась сторожить, пока я спала...

– Где тебя черт носит, Элиза, – бормотала я себе под нос, озираясь и соображая, где подруга могла держать запасной ключ. Она наверняка прятала его где-то здесь, на случай если забудет свой, и вряд ли беспокоилась, что его кто-то найдет. Насколько я знала, она бы только фыркнула: «Подумаешь! Ты мою квартиру видала? Чего там красть-то?»

Под ковриком ключа не оказалось. Провела пальцами по косяку над дверью – ничего, кроме пыли. Посмотрела за венком – тоже пусто.

Постучав еще раз, нажала на дверную ручку. Та поддалась.

Я вошла внутрь и позвала:

– Элиза? Это я, Лив. – Прикрыла за собой дверь. – Я на минутку, только проверить, как ты.

Квартира выглядела странно. И дело было не в беспорядке – он царил у Элизы всегда. На диване в гостиной – брошенная открытая сумочка, часть содержимого вместе с телефоном валялись на полу, через распахнутую дверь спальни виднелась вывороченная из ящика одежда.

Я заглянула везде, хотя не сомневалась, что ее нет. Поняла это, как только вошла. Уже когда не застала ее на работе, когда ехала сюда, когда так настойчиво стучалась – все это время я интуитивно чувствовала: с Элизой что-то случилось.

ТЕЧЕНИЕ – БЛОГ МАЙЛЗА ТРУМАНА

3 октября 2010 года

Чудесное спасение, сплотившее страну

Трудно поверить, что прошло почти десять лет.

Тогда шестилетнюю Арден Мэйнол из Уидоу-Хиллз, Кентукки, которая во сне вышла ночью в грозу, смыло и унесло в водоотводную сеть города.

Окажись вы теперь в Уидоу-Хиллз, едва ли что напечнит о тех трехдневных поисках и спасательной операции. Раньше это был ничем не примечательный городок, пусть и с довольно своеобразным названием. А называли его так из-за трехгорья неподалеку, над которым в любую погоду собираются облака, – непрекращающийся дождь над тремя одинокими вершинами посреди ясного неба.

Десять лет назад Уидоу-Хиллз в считанные часы превратились из никому не известного захолустья в место на карте.

Власти города и штата не ожидали такой грозы. Вскоре появились местные карты со старой сетью водоотвода, неофициальными стоками. Куда могло занести спящую шестилетнюю девочку?

Жители требовали внимания, и они его получили. По сей день гордятся тем, что нашли свою землячку, о чем свидетельствует мемориальная доска на месте спасения Арден.

Никогда еще Уидоу-Хиллз не пользовался такой популярностью, как во время и сразу после поисков. Но когда спасательные команды, добровольцы и журналисты разъехались, город вновь погрузился в спячку.

По прошествии десяти лет городок ничем не отличается от того, каким он был до исчезновения девочки. Лорел и Арден Мэйнол вскоре уехали, но те, кто здесь вырос, ничего не забыли.

Помним и мы.

Что послужило причиной такого отклика целой нации? Почему такие случаи находят путь к сердцам людей?

Может быть, дело в самой завязке? Девочка, не просыпаясь, вдруг оказалась во власти стихий – у каких родителей не дрогнет сердце?

Или дело было в ее фотографии, которую показали в новостях: огромные карие глаза, немного загнанное выражение лица, слишком серьезное для шестилетнего ребенка?

Или всех тронула ее маленькая кроссовка, найденная у одного из люков?

Может, журналисты зацепились за необычное название Уидоу-Хиллз, посчитав, что оно привлечет внимание.

А может, мы просто истосковались по чувству надежды, по чему-то большему, чем мы сами.

Наверное, все вместе захватило и нашло отклик в каждом из нас.

Не важно, что послужило причиной. Важно, что эта история сплотила людей. Мы были готовы ликовать или горевать вместе. Единственное, что не вызывало сомнений: что бы ни случилось, мы вместе до самого конца.

Люди следили за всем происходящим, сопереживали безутешной матери, вместе с ней не смыкали глаз. Видели, как девочка нашлась, как ее вызволяли.

Стоит ли удивляться, что люди интересуются судьбой Арден Мэйноу теперь, когда она стала подростком? Судьбой той девочки, за которую они молились и на спасение которой надеялись?

Если вы тогда молились, помогали, переживали и радовались, то вам не надо объяснять: мы ощущали себя частью чего-то важного. Чего-то хорошего. Сегодня Арден Мэйноу продолжает жить благодаря усилиям многих людей. За десять лет это не утратило своего значения.

И не утратит его никогда.

Глава 14

Воскресенье, 12:00

ВГОЛОВЕ ВСЕ ПУТАЛОСЬ.

Недосып. Страх возвращаться домой. Ощущение, что из моей жизни теперь начнут исчезать люди. Конечно, не исключено, что я просто накручивала себя – смотрела сквозь призму убийства, случившегося рядом с моим домом, и расследования. Возможно, мне мерещилась опасность там, где ее не было.

Ладно, у Беннетта уж точно найдется всему рациональное объяснение.

Я позвонила ему из пустой квартиры Элизы, в панике сообщив, что ее нет, что машина на стоянке, а содержимое сумочки и телефон валяются на полу. Беннетт ровным голосом пытался меня успокоить: «За ней мог заехать тот Тревор из бара. Она могла поехать с ним, взять другую сумочку. Понятно, почему не отвечает на наши звонки, раз забыла в квартире телефон...»

Его рассудительность помогла – я опустила телефон, почувствовав себя взломщиком. Кем я, собственно, сейчас и была.

Итак, она в запальчивости уволилась с работы и загуляла. Вполне логично. Только перед глазами возникла и другая картинка: Элиза бежит, ее хватают, запирают где-то, откуда ее надо спасать.

Оставалось дожидаться полудня, когда откроется бар, что я и сделала. Нужно во всем удостовериться, прежде чем звонить в полицию и привлекать к себе лишнее внимание.

Я сидела в машине у «Гаверны Билла» и барабанила пальцами по рулю. Последний раз я была здесь в пятницу – перед тем, как все пошло кувырком. И в отличие от пятницы, когда машины забили даже прилегающие газоны, стоянка пустовала.

В 12:06 мое терпение иссякло. Прислонив ладонь к запертой стеклянной двери, я всмотрелась в слабо освещенное помещение. В глубине бара, за стойкой, маячила тень.

Заметив меня, человек обогнул стойку и подошел к двери, отперев и лишь едва приоткрыв ее.

– Мы открываемся через пять минут, – раздраженно сказал он. Мужчина совершенно не походил на Тревора: в возрасте, неприветливый, даже мрачный. Он мне отдаленно кого-то напомнил, как, впрочем, многие в последнее время. Может, я с ним когда-то и пересекалась, а может, не узнав Шона Колмана, теперь выискивала знакомые черты в каждом.

– Извините, я ищу Тревора, – сказала я.

– Он сегодня не работает.

Мужчина отпустил дверь и развернулся, но я придержала ее ногой и вошла за ним внутрь.

– Не подскажите, где его можно найти?

Он остановился перед стойкой, повернул голову и окинул меня взглядом, как бы прикидывая, чего можно ожидать от человека, вламывающегося в закрытое заведение. В таких случаях непритязательная внешность – большой плюс.

– Справок о подчиненных не даю.

Его голос разнесся эхом по пустому помещению, которое без привычной мне толпы казалось намного больше. Из кухни слышалось громохание посуды.

– Я по важному делу, – не сдавалась я, подходя к стойке. Поймав его пренебрежительный взгляд, я добавила: – Это касается нашей общей знакомой, моей коллеги по больнице.

Пусть думает, что речь идет о серьезных вещах и ему лучше не артачиться.

Чуть помедлив, мужчина вынул из кармана джинсов телефон.

– Ладно, позвоню, но на ответ не рассчитывайте. Тревор может отсыпаться после ночной смены.

Он набрал номер и уставился на меня из-за стойки, приложив мобильник к уху. Круглое немолодое лицо, маленькие темные глазки. Мы стояли и смотрели друг на друга, и я уже решила, что на другом конце включился автоответчик. Неожиданно мужчина заговорил:

– Тревор, прости, что беспокою. Тебя тут какая-то женщина спрашивает...

– Оливия Мейер, – подсказала я.

– Оливия Мейер, – повторил он. – Говорит, что это касается общей знакомой...

– Элизы, – вставила я. Идиотизм какой-то, нельзя просто передать мне телефон?

– Элизы, – повторил он, и, услышав ответ Тревора, медленно протянул мне мобильник.

– Лив? В чем дело?

Я отошла от стойки, хотя меня все равно было слышно.

– Элиза с тобой? – спросила я.

– С какой стати? Нет, конечно... – Хриплый и напряженный голос, как спросонья.

– Она не появлялась на работе. Машина стоит возле дома, а самой ее нет. Я просто хочу убедиться, что она в порядке. – Это то, что сделал бы

для меня Рик. И я не уверена, что кто-то кроме меня заметил бы отсутствие Элизы.

Пауза.

– Не знаю, что тебе сказать. Здесь ее нет.

– Вы не встречались? Она к тебе не заезжала в последние пару дней?

– Не встречались. Мы вообще едва знакомы.

Явный перегиб. Они еще как знакомы, она ему нравится – это же ясно как день.

– Послушай, она ни с того ни с сего уволилась, никто не ожидал...

– Уволилась? А я-то тут при чем? – Слова вылетали резко, раздраженно.

– Ты ее когда в последний раз видел?

– Да тогда же, когда и тебя, – в пятницу вечером. Слушай, Лив, мне больше нечего...

– Подожди, запиши мой номер. Чтобы ты мог набрать, если она вдруг тебе позвонит.

Тревор фыркнул.

– Это вряд ли. У нее даже нет моего номера. Прости, ничем не могу помочь.

Он отключился. Я стояла и смотрела на мужчину за стойкой. Тот не шевелился в течение всего разговора.

Разве Тревор не записал свой телефон у Элизы на руке всего пару дней назад? Или он думал, что я не заметила?

Мужчина вышел из-за стойки, протягиваясь за мобильником.

– Я вас узнал. – У меня тут же напряглись плечи. – Вы иногда заходите с той девушкой с темными волосами.

– С Элизой, – сказала я. – Ее зовут Элиза.

Почему я раньше не замечала этого человека? Или замечала, и поэтому он показался будто знакомым? Интересно, он тут хозяин или менеджер? Может, тот самый Билл, именем которого названа таверна?

Мужчина кивнул и провел рукой по редющим волосам с проседью.

– Неудивительно, что она ушла с работы. Торчала здесь столько времени... Странно даже, что не уволили.

Ничего не ответив, я направилась к выходу. Его нотации меня не интересовали. Мы приходили сюда, чтобы отключиться от работы, немного расслабиться.

Между тем я пыталась сообразить, где еще могла быть Элиза. Где-то у себя в жилом комплексе, например, в тренажерном зале, куда я не додумалась заглянуть. Это вполне объяснило бы незапертую дверь.

Наверное, из-за всей предыстории я поспешила с выводами, вообразила

себя детективом, начала копаться в чужой жизни, рискуя на пустом месте создать проблемы. Моей подруге, возможно, просто хотелось побыть одной.

И чего только не придет в голову, если наткнуться на труп посреди ночи!

– Эй, погодите, – окликнул мужчина, щелкнув пальцами. – Я вспомнил, где слышал ваше имя.

Я уже взялась за ручку стеклянной двери, но замерла и задержала дыхание. Медленно поворачиваясь к стойке, услышала:

– Оливия Мейер, ну конечно! Вас тут один тип спрашивал.

Я заморгала. В пятницу я подумала о Джоне.

– Какой тип?

– Не знаю. Заходил пару раз на неделе и каждый раз про вас спрашивал. Я только сейчас сообразил, кто вы.

Я достала мобильник и бегло пролистала фотографии, пока не нашла нас с Джоной. Таких снимков было немного – мы вечно конспирировались. Он вообще терпеть не мог фотографироваться и дал лишь пару раз себя уговорить.

Шагнув к стойке, развернула телефон бармену. На фото Джона сидел на диване в моей бывшей квартире, глядя в телевизор. Я наклонилась к нему и щелкнула нас обоих. Джона изобразил улыбку, не скрывая при этом своего недовольства.

– Этот?

Мужчина подался вперед и прищурился.

– Нет, дорогуш, не он.

И улыбнулся первый раз за весь разговор, заставив меня напрячься еще больше. В животе неприятно заныло.

– Вы помните, как он выглядел? Что говорил?

– Не-а. Пожалуй, постарше того, – ткнул в телефон. – Знаете, когда работаешь в таком месте, много чего подмечаешь. Как, например, вашу подружку Элизу.

Глаза бармена заблестели, разговор его явно забавлял. Он был очень доволен, что знает и видит больше других.

Раз тот человек старше Джоны, вариантов не оставалось. Шон Колман искал меня в пятницу, до того, как я сюда пришла. Спрашивал обо мне, называл мое имя. Мы разминулись. После чего его труп оказался у меня во дворе. Вряд ли полиция наведывалась в бар, хотя они работали быстро – успели же расспросить продавца в «Бакалее», где я в последний раз видела Шона живым.

– Несколько раз заходил? – продолжала допытываться я, не обращая внимания на заигрывающий тон бармена. Как давно Шон Колман меня уже выслеживал?

– Он очень вами интересовался, – уклончиво ответил бармен.

– Когда это было?

– Какая разница? Всех дней не упомнишь, но я догадываюсь, что ему нужно. – Мужчина вышел из-за стойки. – По-моему, вы хорошая девушка, у меня дочь примерно такого же возраста, поэтому мой вам совет. Мужчины намного старше вас...

– Спасибо, я в советах не нуждаюсь. Меня интересует Элиза. – Я схватилась за ручку двери. Две секунды, чтобы выскочить, десять – добежать до машины. Ключи в сумочке, их можно достать на ходу.

Бармен не стал приближаться.

– Что ж, в таком случае... – Он не договорил, махнув на дверь.

Перед возвращением домой я решила еще раз заскочить к Элизе. По дороге почти убедила себя, что беспорядок в квартире – обычное дело, что она вернулась поздно, возможно, пьяная, бросила сумочку, потянула из ящика вещи, завалилась спать.

Не первый раз мне доводилось видеть комнату в таком состоянии. Какое-то время я даже жила в подобном бардаке. Отсюда и неприятное чувство.

До того, как моя мать окончательно скатилась, она работала медсестрой на дому в неурочные часы. За смену обходила несколько клиентов. Заставая маму спящей днем, я волновалась и будила ее, но часто оказывалось, что она только вернулась с обхода и была свободна до следующего утра. До тех пор, пока мать вообще не перестала ходить на работу, я никогда не знала, работает она или нет.

Хаос неизменно вызывал во мне тревогу, служил предвестником опасности, приближение которой чувствовала только я.

Элизиной машины на стоянке не было. Я подождала, пока кто-то выйдет из подъезда, прошла по тому же коридору, постучала в дверь. Розовый стикер уже убрали.

Получается, Элиза возвращалась. С ней все в порядке, зря дергалась – переполошилась под влиянием событий последних дней.

На мой стук никто не ответил, я нажала на ручку – на этот раз дверь не открылась. Постучала еще – опять тишина. Набрала Элизин номер, но телефон был отключен – сразу включился автоответчик.

Сначала подруга уволилась, теперь меня избегала.

По дороге домой я позвонила Беннетту.

– Элиза окончательно ушла в подполье, – пожаловалась я, слегка удивившись, что он ответил. Обычно коллега неукоснительно придерживался правила во время работы оставлять мобильный в личном шкафчике.

– Что значит «ушла в подполье»?

– Телефон отключен, машины на стоянке нет. Тревор ее не видел. Она возвращалась к себе, наверняка знала, что я ее разыскиваю, и все равно куда-то свалила.

– Никуда она не денется, Лив. Может, поехала домой на выходные.

Упоминание о доме вечно заставляло меня врасплох. Беннетт жил здесь уже четыре года и все равно называл домом место, где вырос, в нескольких часах езды отсюда. Вот только я не помнила, чтобы Элиза упоминала о родительском доме.

– Ты думаешь? Она же уволилась.

– Она не уехала бы вот так... Вы же подруги... – Беннетт замолчал.

– Да, конечно. Ты прав.

Я не стала спорить, хотя прекрасно знала, как внезапное решение способно радикально изменить жизнь.

Мать ушла с работы вскоре после того, как меня нашли. Считала, что нам хватит пожертвований и гонорара от книги. И какое-то время нам хватало. Она не вернулась на работу, даже когда мы стали нуждаться, – разуверилась в больничной системе после моей операции и восстановления. Говорила, что меня не лечили, а выискивали предлоги для новых операций и препаратов, гоняясь за нашими денежками.

Должно быть, поэтому меня и привлекла административная работа в медицинском секторе. Я хотела исправить систему изнутри, навести порядок там, где царил хаос.

Я свернула на свою улицу, думая о том, что именно этого мне сейчас недоставало – навести порядок там, где воцарился хаос. Нужно восстановить режим дня, вновь упорядочить свою жизнь. Прийти домой, убрать, постирать, смыть следы предыдущих вечеров. Отыскать по голубому пятну канцелярский нож и убрать его на место. Повесить изнутри на двери крючок, который, будь он там раньше, избавил бы меня от всех хлопот: кто-нибудь другой обнаружил бы труп. Я предвкушала, как поужинаю и лягу спать, поставив будильник пораньше. А утром вернусь к обычному расписанию рабочей недели, к нормальному существованию.

Между моим и соседним участком стояла машина без опознавательных

знаков. Вроде полиция уже закончила и уехала? Из машины вышли двое: следователь Ригби и какой-то высокий мужчина. Женщина была в форме, зато ее спутник совсем не походил на полицейского: джинсы, кожаная куртка и солнечные очки-авиаторы.

Ригби махнула мне рукой, мужчина проводил меня взглядом, пока я заезжала во двор. Я кивнула и продолжала смотреть в зеркало заднего вида – они стояли и разговаривали у машины, не заходя на участок.

Ригби жестикулировала, собеседник никак не реагировал. В животе заныло от неприятного предчувствия. Вдруг это репортер, охотящийся за информацией, задающий вопросы. И она тут как тут, готовая выложить ему все подробности, хотя обещала сообщить мне первой.

Подъехав к дому, я потеряла их из виду. Поставила машину и вернулась – уже не могла узнать, что происходит. При звуке моих шагов голос следователя оборвался на полуслове.

– Какие новости? – спросила я, прикрывая глаза от солнца.

Ригби посмотрела в мою сторону, ее лицо по обыкновению ничего не выражало. Взгляд мужчины скрывали солнечные очки.

– Оливия, это Натан Колман, – произнесла следователь. У меня все внутри опустилось. «Мы еще не оповестили родственников», – сказала она тогда. – Он хотел бы увидеть место, где нашли его отца.

Вот уж никак не ожидала, что у него был сын. Причем моего возраста. Мужчина шагнул вперед, протягивая руку.

– Ох, простите, – пробормотала я, чувствуя его крепкое рукопожатие. – Мои соболезнования.

В нем было что-то знакомое... Впрочем, последнее время мне любой кого-то напоминал. Глаз не видно, а комплекцией он походил на Шона. Мог бы легко поднять меня одной рукой.

– Оливия нашла вашего отца, – пояснила Ригби. Рукопожатие замерло. «Как когда-то ваш отец нашел ее», – пронеслось у меня в голове. Однако она продолжать не стала, сохраняя каменное лицо. Натан Колман был не в курсе.

– В таком случае, – ответил он, делая чуть заметные паузы между словами, – примите и мои соболезнования.

Со стороны Рика что-то стукнуло – захлопнулась входная дверь.

– Это мистер Эймс, – сообщила Ригби. – Он здесь давно живет.

Мы стояли и смотрели, как Рик подметает крыльцо. Натан Колман переводил взгляд с соседа на меня, словно решая, к кому из нас имел отношение его отец.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я, чувствуя срочную потребность

удалиться. Ни к чему хорошему этот разговор привести не мог.

**УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАРОЛИНЫ – ПРИЕМНАЯ
КОМИССИЯ**

ПОСТУПАЮЩАЯ: Оливия Мейер

**Заключение школьного психолога в ответ на запрос о личном
деле.**

5 февраля 2012 года

По Вашему запросу сообщаю следующие сведения о выпускнице нашей школы Оливии Мейер, подавшей заявку о поступлении в Ваше учебное заведение. Интересующий Вас случай произошел во время ее учебы в предыдущей школе, поэтому формально у меня нет права его обсуждать. Я лишь надеюсь прояснить общую ситуацию.

Недавно Оливии исполнилось восемнадцать лет. Став совершеннолетней, она официально сменила имя, отказавшись от данного ей при рождении «Арден Оливия Мэйнон».

К настоящему письму прилагаю статью 2000 года (хотя полагаю, Вы и сами помните тот несчастный случай в Уиду-Хиллз). В прошлом году по поводу десятилетия того происшествия поднялась шумиха (см. статью 2010 года, также приложенную к письму). Насколько я понял, семье девочки пришлось переехать, чтобы избежать преследований. У нас она училась с начала текущего учебного года.

Пишу Вам конфиденциально, так как сама Оливия никогда прямо об этом не говорила. Эту информацию мы получили от ее матери, которая сослалась на инцидент в предыдущей школе, связанный с диагностированным ранее посттравматическим синдромом девочки, и попросила нас проследить за возможными отклонениями в ее поведении. Со своей стороны, могу сказать, что за все время учебы в нашей школе Оливия была самой что ни на есть примерной ученицей.

В прошлом году, когда ко мне попало ее досье, я сразу понял, о ком речь. Хорошо помню тот случай. Вы наверняка со мной согласитесь, что девочка чудом осталась жива и что не стоит заострять внимание на каких-то незначительных инцидентах.

Искренне Ваш,

Томас Вудс,

Школа округа Норфолк, Огайо

Консультант-психолог

СС: копия в досье Муниципалитета округа Норфолк

Глава 15

Воскресенье, 20:15

НАХЛЫНУВШИЙ ЗА ДЕНЬ адреналин постепенно сходил на нет. Стоя посередине кухни, я вертела в руках пузырек с выписанными мне таблетками, прикидывая, что опаснее: натворить дел во сне или в критический момент не проснуться. Убийца мог все еще быть недалеко.

После одной таблетки, по словам Беннетта, я спала как убитая. И несколько часов спустя проснулась в той же позе, что и заснула. Если бы сработала пожарная сигнализация, если бы кто-то проник в дом, смогла бы я вовремя очнуться? Сумела бы убежать или дать отпор?

Поставив пузырек рядом с микроволновкой, я занялась установлением крючка. В кабинете в одном из пластмассовых ящиков с инструментами нашла электроотвертку. Заодно проверила каждый ящик – канцелярского ножа нет. Принесла из кухни скамеечку и прикрепила крючок над дверью спальни, куда нельзя было дотянуться с пола. Теперь мне пришлось бы доставать из шкафа стремянку, залезать на нее и откидывать крючок. Сложная схема, чтобы перехитрить собственное подсознание.

На крайний случай всегда есть окно, если вдруг не смогу быстро открыть дверь. Хорошо, нет москитной сетки. Расстояние до земли здесь больше, чем в гостиной: за спальней начинался склон утрамбованной грязи с редкими островками травы – больно, зато без серьезных увечий.

Должно быть, шум шуруповерта заглушил звуки подъехавшей машины и шаги на крыльце, потому что, только-только закончив возиться с крючком, я услышала звонок в дверь. Сердце колотилось в пятках, пока я на цыпочках шла через гостиную. Взгляд в окно между занавесками – незнакомая машина рядом с моей.

Телефонные звонки и незнакомые машины будили во мне неприятные воспоминания. Десять лет назад репортеры поначалу соблюдали приличия, надеясь на фотографию или интервью, но постепенно становились все более и более настырными. Пытаясь урвать хоть что-то, фотографировали наш дом и публиковали с подписью: «Дверь нам не открыли».

Я стояла в гостиной, затаив дыхание и просчитывая пути к отступлению. Телефон в кармане, номер следователя Ригби как экстренный вызов, шуруповерт в руке.

Человек отступил на пару шагов, и я увидела его профиль. Натан Колман.

Когда я открыла дверь, он уже развернулся, чтобы уйти.

– Простите, – окликнула я.

Почему-то при виде его тянуло извиняться.

Натан неспешно повернулся, не вынимая рук из карманов джинсов, и я увидела его в свете сумерек и без солнечных очков. Те же темные круги под глазами, как у отца. То ли от недосыпа, то ли от горя. Он их больше не прятал и выглядел более открытым и незащищенным.

– Прошу прощения, если напугал, – сказал неожиданный гость, остановив взгляд на отвертке в руке. – Стучал к вашему соседу, но тот не отозвался.

– Я вас просто не слышала. – Глянув на шуруповерт, положила его на стоящий рядом столик. – Чинила кое-что.

Его взгляд смягчился, словно он был готов улыбнуться. Нерешительно переступая с ноги на ногу, Натан заговорил:

– Следователь Ригби дала понять, что без специального разрешения подходить ближе нельзя, поскольку... следственные объекты уже убрали, и теперь здесь обычная частная собственность. Я не собирался никого беспокоить и все же опять приехал, сам не знаю зачем. Меня как будто что-то притягивает, хочется проехать мимо, зайти... Понимаю, что его не вернешь... Я ведь даже не знаю, где отец умер. Не хочу вторгаться на вашу территорию, просто надеялся хоть что-то почувствовать...

До меня не сразу дошло, что Натан просит разрешения посетить мои владения. Мелькнула мысль позвонить следователю Ригби, посоветоваться, однако светиться лишний раз не хотелось. Меня больше устраивала роль стороннего наблюдателя, чем участника событий.

– Могу показать, если хотите.

Он сдержанно кивнул, и мы спустились с крыльца. Молча подошли к краю участка – я старалась не отставать, хотя едва доставала ему до плеча.

Желтую ленту полиция уже убрала, а на месте, где лежал Шон Колман, осталось свежее углубление. Видимо, здесь копали после того, как тело забрали, а потом все наспех засыпали. Я остановилась в нескольких шагах, рядом с Натаном.

Он стоял и смотрел на опустевшее место, представляя себе что-то из другого мира. Я же ощущала близость дома за спиной: окно спальни, свет внутри коридора. Делать мне здесь было нечего, я не могла разделить горе этого человека, о существовании которого пару часов назад и не догадывалась.

– Не буду вам мешать. – Я осторожно отступила назад.

Натан повернулся и посмотрел мне в глаза.

– Мы не были близки, – сказал он, пригвоздив меня к месту.

Я как никто другой понимала, насколько тяжело не чувствовать связи с безвозвратно ушедшим человеком. Глядя в печальную коробку,

оставленную у меня перед домом, я безуспешно силилась вызвать в себе ощущение близости. Возникло бы оно, отправься я туда, где умерла мать? Ведь я даже не поинтересовалась подробностями. Не спросила, где ее нашли – в больнице, в мотеле, дома? Или вообще на улице?

– Моя мать умерла в этом году, а я и понятия не имела, – пробормотала я.

Он кивнул, продолжая смотреть на меня в упор.

– Ее кремировали раньше, чем я узнала о смерти.

Странное чувство вины, перемешанное с сознанием собственной невиновности – ведь я знала, что правильно сделала, порвав с ней отношения, – вот что удерживало меня здесь, возле Натана. Он напомнил мне саму себя. Внешняя неприступность, в которой я узнала защитную оболочку, помогающую пережить потерю, помогающую выжить. Мы, словно два зеркала, бесконечно отражались друг в друге.

– Вам здесь одной не страшно? – спросил он так тихо, что мне пришлось податься вперед, чтобы разобрать слова.

– Раньше было не страшно, – ответила я.

А теперь у меня практически под окном убили человека. Теперь я знала, что в соседнем доме застрелилась или была застрелена женщина. Теперь я слышала трепыхание ленты вокруг места преступления.

По телу пробежал озноб. Мне хотелось расспросить Натана о следствии, но я боялась завести наш разговор в опасное русло. И все же, как иначе разобраться в происходящем и не дать застать себя врасплох?

Я посмотрела в сторону улицы.

– А машину его нашли?

Натан ответил не сразу, то ли обдумывая ответ, то ли изучая меня.

– Да, на другой улице недалеко отсюда. Полиция ее уже забрала.

Значит, труп не выкинули, как предполагала Элиза. Его отец приехал сам, оставил машину подальше, прошел пешком...

– А вы боитесь, – заметил Натан.

Он был прав. Я не знала, что здесь произошло той ночью. Боялась, что кто-то мог пробраться в дом и убить меня.

Натан огляделся, перевел взгляд на дом Рика, потом на мой.

– Не буду вас задерживать, Оливия. Спасибо.

Мы вернулись к его машине. Он немного помедлил, будто чего-то ждал.

– Может, зайдете? – вырвалось у меня. Несмотря на свою мнительность, мне все же хотелось чем-то помочь. Или не быть одной. – Выпьете и перекусите что-нибудь.

Здесьние отели не отличались уютом.

Какое-то время Натан смотрел на дверь, как будто борясь с желанием войти. Наконец покачал головой.

– Нет, лучше пойду. Мне надо отоспаться, привести в порядок мысли.

– Ну да, конечно. Мне тоже.

Натан достал из кармана бумажник и вынул из него визитку.

– Мой мобильный на обороте. Если вдруг понадобится. Я задержусь в городе на пару дней.

Я проводила глазами машину, стоя на крыльце. Когда он скрылся, за кустами у Рика зажегся свет.

Войдя в дом, я услышала телефон и напряглась – звонки мгновенно вызвали воспоминание о мертвце. Но тут же мелькнула надежда, что это Элиза наконец сподобилась мне перезвонить.

На самом деле звонил Джона.

Лучше разделаться с этим раз и навсегда, а не ждать, пока до него дойдет и он отстанет сам.

– Да?

Явно не заметив резкого тона, мой бывший расплылся в улыбке. Он сидел в своем излюбленном кресле, не иначе как со стаканом виски в свободной руке.

– Наконец-то я тебя застал. Теперь ты можешь говорить?

– Нет, Джона, послушай. Зря я тебе ответила. Я вообще не хочу возвращаться к прошлому...

– Так и я не хочу! Я был полным идиотом, Лив. Надеюсь, ты меня простишь.

Я закрыла глаза. Он опоздал на год, а я на год поумнела. Джона – пройденный этап. Боже, ну почему все вдруг навалилось одновременно? Как мне избавиться от этих бесконечных затягиваний в прошлое, напоминаний о том, кем я когда-то была? Как разорвать дурацкие пути?

– Заранее принимаю любые извинения и покончим с этим. Я не вернусь, Джона. К тому же тут творится черт знает что, мне не до наших разборок.

– Что-то в больнице? – спросил он, выпрямляясь. Почуял возможность зацепиться.

– Нет, у меня буквально под окном убили человека. Понятно?

Джона изменился в лице. Он терпеть не мог неожиданностей, они всегда выбивали его из колеи. Ему нравилась предсказуемость, в классе и за его пределами. Разговор пошел в неожиданном направлении, к чему профессор оказался не готов. Телефон чуть не выпал у него из рук, он поднес экран слишком близко к лицу, пропорции исказились.

– Кого убили?

– Ты его не знаешь. К тебе это не имеет никакого отношения.

– Я сейчас приеду, – засуетился Джона. – Тебе нельзя оставаться одной.

Черт, прости, я же ничего не знал.

– Джона, не надо никуда ехать. Я не одна, не грузись.

Он прищурил глаза, ухватившись за новую зацепку.

– У тебя кто-то есть? Беннетт? Ну конечно. Ты всегда хотела, чтобы о тебе заботились. – Джона заговорил тише, явно расслабившись. – Ох, не ошибись.

– Не считай, что видишь меня насквозь.

Джона поднял одну бровь.

– Да ну?

Я сжала зубы; вечно он втягивал меня в бесконечные разговоры, неизменно приводящие в нужное ему место.

– Оба варианта не могут сосуществовать, Лив. – Как будто жизнь подчинялась его логике, и можно сколько угодно исказить факты, доказывая свою правоту. – Ты либо с кем-то встречаешься, либо нет.

– Не твое дело.

В его стакане звякнул лед. Он отхлебнул, прежде чем продолжить.

– Смотри: сейчас девять вечера, ты дома, одна. Думаю, мы оба знаем ответ.

Типичная тактика Джоны – хождение по кругу. Так же, как он делал у себя на семинарах, во время наших встреч. Всегда на коне. Однако он ошибался, считая себя единственным, кто понял, что мне нужно.

Я наконец видела его таким, какой он есть. Клещ, существующий за счет чужого внимания. Самоутверждающийся за счет того, кто моложе и неопытнее.

В колледже я никогда не сближалась с однокурсниками, избегала разговоров о выходных у родителей или планах на каникулы. Я с головой уходила в учебу, записывалась на стажировки, подрабатывала, и Джоне нравилась моя целеустремленность, моя внешняя неприступность. И то, что он мог вертеть мной как хотел.

Три секунды до окончательного освобождения.

– Джона, больше не звони.

Наконец я сделала то, что следовало сделать давно, год назад, даже раньше, сразу после его первой записки: «Весь день думал над вашим замечанием». Та же эйфория – тогда и сейчас, когда я заблокировала его номер.

Сон без таблетки был чутким. Среди ночи я слышала проезжающую

машину и представляла Натана Колмана, которого непреодолимо тянуло к месту смерти отца. Нас всех вновь сталкивала судьба, и я впервые узнала в ком-то саму себя. Человека, в котором уживаются тоска и надежда. В котором, вопреки логике Джоны, уживаются две правды, две личности, и обе совершенно реальные.

В ПОИСКАХ АРДЕН

Копирайт: Лорел Мэйноу, 2002 год

Отрывок, стр. 1

Я поняла, что ее нет, еще до того, как проснулась.

Чисто интуитивно.

Свою дочь я знала, как никто другой. Когда Арден была маленькой, я чувствовала, что она заболела, еще за день до болезни. Когда она сбегала по склону за домом, я за секунду до падения понимала, что она вот-вот упадет.

Семнадцатого октября я проснулась раньше обычного от какого-то щемящего чувства внутри. Стала звать дочку по имени, даже не дойдя до ее комнаты. Помню, бешено колотилось сердце, хотя я не понимала почему.

И тогда я увидела пустую кровать. Худший из кошмаров – наяву.

Меня часто спрашивают, верила ли я в то, что Арден найдут живой, особенно на второй, на третий день поисков. Я всегда отвечала утвердительно – и не лукавила. Потому что кроме того, что дочка пропала, я знала и другое: она не из тех, кто сдается.

Во время родов она так брыкалась и кричала, что ее было слышно в соседнем округе.

Я точно знала: моя дочь не покинет этот мир без борьбы.

Глава 16

Понедельник, 08:00

ПРОСНУВШИСЬ, я с облегчением увидела, что в комнате ничего не изменилось. Стремянка на месте в шкафу, крючок закрыт, телефон рядом на тумбочке. Я даже окно предварительно заперла, чтобы сложнее было выскочить. Только вчера и обнаружила, что оно вообще запирается.

От Элизы по-прежнему ни слова. Ничего не оставалось, как заскочить к ней перед работой. То, что она меня избегает, задевало больше, чем можно было ожидать, учитывая мою историю. С другой стороны, я частично винила себя в том, что произошло между ней и Беннеттом. Думала, что смогу уговорить ее вернуться.

На этот раз у подъезда пришлось подождать; видимо, я пропустила утренний поток перед и после смены. Дверь открыл мужчина из квартиры напротив Элизы. Меня не узнал, в спешке проشمыгнув мимо.

– Простите, вы Элизу не видели?

Он обернулся, придержал дверь, силясь понять, кто я такая.

– Она съехала.

Внутри все опустилось.

– Съехала?

Мужчина пожал плечами.

– Квартира свободна, больше ничего не знаю. Можете спросить ее соседку из 121-й, как ее – Эрин, что ли? Они общались. Кажется, работали вместе в больнице. Наверно, она уже ушла на работу. Мы все обычно выходим в одно и то же время.

Он посмотрел на часы и отпустил дверь.

Никакой Эрин я не помнила; впрочем, та могла работать и в другом отделении.

Элизина квартира была заперта, даже коврик и венок исчезли. Дальше по коридору хлопнула чья-то дверь. 121, подумала я, однако оттуда никто не вышел. Возможно, мне показалось, и звук долетел из коридора за углом.

И все же, проходя по коридору, я остановилась перед квартирой 121. Обычная дверь, ничего примечательного. Я дважды постучала и явно различила внутри движение. Как будто кто-то стоял с другой стороны двери. Перед зрачком промелькнула тень.

– Простите, я ищу Элизу, – на всякий случай сказала я.

Никто не ответил. Неужели опять померещилось?

Я вдруг вспомнила: Элиза была сама не своя у меня дома, ее пугала близость места преступления. Натан тоже сразу спросил, не страшно ли мне тут. Даже он чувствовал опасность, исходящую от моего дома. Стоит

ли удивляться, что она уехала? Разве я не сделала бы того же, если мне было куда бежать?

В больнице все старательно делали вид, будто ничего не происходит. Передо мной либо мелькали нарочито приветливые лица, либо со мной избегали встречаться глазами, срочно утыкаясь в телефон.

Все знали, что возле моего дома найден труп. Все знали, что я приходила в больницу в сопровождении следователя. Нетрудно представить, какие слухи и сплетни понеслись по больнице.

Против обыкновения, я зашла в кафетерий выпить кофе и позавтракать. Надеюсь, что кофеин поможет собраться с мыслями.

В кафетерии почти никого не было. И все же я ощущала на себе взгляды, слышала перешептывания. На выходе столкнулась с медсестрой «Скорой помощи». Та отступила в коридор и чересчур громко сказала: «Доброе утро!», будто не ожидала увидеть меня на работе.

Возможно, я все напридумывала. Она могла меня вовсе не знать и заговорить громко от неожиданности, столкнувшись с кем-то в дверях.

Я поднялась по лестнице. Тридцать два шага. Точно тридцать секунд между щелчком закрывающейся двери на первом и зумом открывающейся на третьем.

Мое крыло на удивление пустовало. Сегодня я вошла сюда позже, чем в пятницу. Обычно в это время утренние обходы и административные совещания были в полном разгаре.

Беннетт, как правило, не работал по понедельникам, но я заглянула в ординаторскую – вдруг он поменял расписание из-за необычных выходных. Внутри стояла та же шатенка, что и в пятницу, так же глядя в свой телефон.

Очередное дежавю. Лучше всего я знала медсестер со своего этажа. Хотя ординаторская была открыта для всех, здесь, как правило, отдыхали именно они.

За спиной открылась дверь, и из аптеки вышел мужчина в больничном халате. При виде меня улыбнулся. «Доброе утро», – поздоровался он и, хотя я уже уходила по коридору, запер аптеку на ключ.

В животе все перевернулось от мысли о ползущих за мной слухах. Почти забытое ощущение десятилетней давности – предвестник того, что, как выяснилось впоследствии, называлось панической атакой. Я долго не знала, что у медленно нарастающей и потом резко охватывающей меня реакции есть название.

Неужели все повторится, как и десять лет назад? Комментарии, внимание – удушливая западня, из которой невозможно выбраться?

Десятилетием раньше мое напряжение достигло предела и выплеснулось однажды в школьной раздевалке. Десятилетие спустя я еще слышала те голоса.

«Живете на денежки, честно заработанные другими...»

«Мои родители тогда пожертвовали, небось вы на их деньги дом и купили...»

Меня окружила группка девочек, одна из них закрыла вход в раздевалку. Мне казалось, что надо мной смыкаются стены, голоса становились все громче. Пока я не рванула. Не вырвалась оттуда.

Школьный психолог списал мое поведение на посттравматический синдром, но меня все равно засадили домой на неделю. Хорошо еще, инцидент не попал в прессу. Получилась бы неплохая история. «Опишите ее в трех словах: озлобленная, непредсказуемая, опасная».

Мать настаивала на том, чтобы я не светились в социальных сетях, боясь личных сообщений от случайных людей в интернете. Я отучилась набирать в поисковых системах собственное имя, однако дети быстро усваивали преимущества информации – другой разменной монеты у нас тогда не было.

Прошло десять лет; появилось лишь больше источников правды и лжи.

В перерыве между совещаниями я поискала Элизу в нашей базе данных. Хотя на нынешней должности я не участвовала в отборе сотрудников, доступ к кадрам у меня сохранился.

Видела бы сейчас меня мать! Тут же причислила бы к «хозяевам мира». К той невидимой вездесущей силе, которая неумолимо определяла ее судьбу каждый раз, когда ее понижали в должности или переводили в другую смену. К силе безличной и непоколебимой, неизменно назначавшей ей самые дрянные часы или вообще отказывавшей в найме. «Роботы поганые», – отзывалась об этих людях мать. А теперь и я стала одной из них.

Но не такой, как она нас себе представляла. Я намеревалась исправить положение и изменить систему к лучшему, действуя сверху.

На экране появилась маленькая фотка с пропуска Элизы, настолько расплывчатая, что ее трудно было узнать. Элиза Ферано, двадцать пять лет, три других места работы и перерыв в несколько месяцев, по болезни. Я вспомнила, что она рассказывала мне об аварии; наверное, и у нее не обошлось без последствий. Как у меня с рукой.

И все же многовато перемен в короткий срок. Интересно, кто дал ей рекомендации. Предыдущие места работы разбросаны по всему штату.

Последним значился реабилитационный центр на побережье, как минимум в четырех часах езды отсюда.

Ничего, что можно назвать домом, я не увидела.

Повинуясь импульсу, я набрала номер человека, давшего ей рекомендацию с последней работы.

– Генри Мастерс, – ответили мне после первого же звонка.

– Здравствуйте, я звоню по поводу рекомендации для одной из ваших бывших сотрудниц.

Пока не спросит – поменьше сведений о себе.

– Минутку, – ответил служащий. Пауза – продолжительно, на поиск нужных файлов. – Я слушаю.

– Медсестра Элиза Ферано.

– В данный момент мы не располагаем информацией, – выпалил он, не раздумывая. Одна из дежурных фраз, которыми мы оперировали во избежание каких-либо неприятностей. Неосторожный комментарий мог помешать кому-то получить работу. Одни называли это честностью, другие наговорами. Поэтому мы придерживались нейтралитета, обмениваясь кодовым языком, который все прекрасно понимали.

– Вот странно. Насколько я вижу, именно вы ее рекомендовали?

– У нас сейчас ведется внутреннее расследование, так что на данный момент мы справок не даем.

Вроде бы дело не в Элизе. Однако сначала он спросил ее имя. Явно собирался ответить. Что-то не сходилось.

– Вы не могли бы рассказать поподробнее? – Понимала, что хватаюсь за соломинку.

– Не имею права, пока идет расследование.

Было слышно, как под ним скрипит кресло, будто человек ерзал туда-сюда.

– А что расследуется?

Вздых.

– Прошрое дело, случайно всплыло во время недавней инвентаризации.

Черт бы тебя побрал, Элиза.

– Большое спасибо. – Я еле различила собственный голос.

Пропажи из аптеки, о которых говорил Беннетт. Когда наехал на меня, а потом извинялся. Мимоходом упомянул о случаях пропажи лекарств, как если бы не был точно уверен. При этом он кого-то подозревал. Неужели Элизу?

Не в этом ли причина ее внезапного увольнения? Полиция вокруг моего дома, в больнице... Смерть Шона Колмана не имела к ней никакого

отношения, и все же она напряглась тогда ночью при виде следователя: явно почувствовала себя очень неудобно в присутствии полиции.

А потом еще ссора с Беннеттом. Даже сейчас я не могла поверить в причастность подруги, к которой искренне привязалась. Но таковы люди – часто их не разглядеть за внешним спокойствием или обаянием.

Хозяин бара намекнул на то, что Элиза там чересчур много околачивалась. Вдруг он намекал на какую-то другую, неизвестную мне компанию? Вдруг у них были какие-то делишки с Тревором, из-за чего тот и вилял по телефону?

Значит, она потихоньку воровала лекарства. Для собственного пользования или на продажу.

А теперь слиняла. Не возвратилась в тихую гавань, а прыгнула к следующей авантюре, не оставив ни адреса, ни записки. Как будто чувствовала, что сеть смыкается и ей надо поскорее вырваться. Выходит, мы все от чего-то бежим?

Я уставилась в экран, не зная, что делать дальше. По протоколу следовало доложить об этом Беннетту, но к чему торопиться? Теперь уже все равно. К тому же у меня оставались сомнения. Не хотелось себе признаваться, что опять ошиблась в человеке.

Одна в кафетерий я идти не отваживалась. Я села на диван, откинула голову на спинку, закрыла глаза и попыталась расслабиться.

Через пару минут в коридоре послышался шорох. Глаза распахнулись – под дверью тень. Кто-то остановился проверить телефон? В это самое мгновение ручка начала медленно и беззвучно опускаться. Я оторопела, не в силах пошевелиться.

Бешено забило сердце, мозг прорабатывал пути к отступлению: окно за спиной, но кабинет на третьем этаже. Телефон на столе, но кому звонить?

– Алло, говорит Оливия Мейер, – громко сказала я, как бы по телефону. Ручка двери вернулась в исходное положение, тень исчезла.

Я подождала и прислушалась. Потом встала, открыла дверь и выглянула в коридор – никого. Тот, кто здесь стоял, растворился.

Зазвонивший телефон вернул меня к столу.

– Оливия, это доктор Кел. Вы не зайдете сегодня после работы?

Вопрос застал меня врасплох. Сегодня? Я перепутала дни?

– А разве... мы договаривались о встрече?

Глянула мельком в календарь – ничего.

– Нет, просто нам нужно уладить пару формальностей. Я в прошлый раз забыл заполнить кое-какие бумаги. В пять тридцать устроит?

– Хорошо, – ответила я.

На этот раз, выйдя из кабинета, я заперла его на ключ.

ВЕРНУТЬ ОТПРАВИТЕЛЮ:

без обратного адреса

ПОЧТОВЫЙ ШТАМП:

ЛЕКСИНГТОН, КЕНТУККИ.

21 мая 2011 года

Во сколько тебе обошелся твой кирпичный дом, белый забор, сколько денег ушло на твою шикарную машину? Почему нынче твоя фальшивая житуха?

Сколько ты должна людям, которые заплатили за такую роскошь?

Сколько их денег у тебя еще осталось?

Я тебе скажу: больше, чем ты того заслуживаешь.

Будь осторожна, а то получишь по заслугам.

Глава 17

Понедельник, 17:30

– **ДОКТОР КЕЛ?** – позвала я, входя к нему в приемную.

По всей видимости, секретарша уже ушла. Может, он все-таки что-то напутал и никакого приема сегодня нет?

– Проходите! – донесся из приоткрытой двери кабинета вкрадчивый голос Келвина Ройса. – Присаживайтесь, – сказал он, широко улыбаясь и сверкая белыми зубами. Одна нога на колене – носки на этот раз оранжевые с какими-то тыквами. На дворе август. – Знаю, рановато для Хэллоуина. – Он пошевелил ногой. – Просто я обожаю осень.

– Э-э, я не совсем понимаю, почему я здесь, и, честно говоря, немного тороплюсь...

– Ах да.

Доктор Кел твердо уперся обеими ногами в пол. Обернулся, чтобы взять со стола папку, открыл ее и, повернув, молча протянул мне.

Передо мной был бланк дисклеймера с заранее проставленными в нем моим именем и датой рождения. Что-то насчет расстройств сна, рекомендаций по лечению, отказа от ответственности...

– Мы забыли подписать его в прошлый раз, когда вы отказались участвовать в исследовании сна.

Я наклонила голову. Отказалась? Он что-то там вякнул, я не согласилась, пояснив, что мне некогда этим заниматься. Никакого официального отказа не было.

– Чистая формальность. – Доктор протянул мне ручку.

– Понятно, – сказала я, подписав и наскоро добавив дату, которую тот оставил открытой. Все еще неясно, к чему такая срочность.

Доктор Кел закрыл папку, сделал глубокий вдох, расслабил плечи.

– Вы начали вести дневник, как мы договаривались?

– Еще нет, последние дни было не до того.

Его лицо помрачнело – он знал.

– Секретарша упомянула, что вас привозили в «Скорую». Как вы?

– Справляюсь, – сказала я.

Доктор посмотрел на мою ногу, которую я не сгибала, боясь потянуть швы. Я уже не хромала, но на всякий случай перестраховывалась.

– Это из-за... – Он выжидающе поднял глаза.

– Я упала.

Указательный палец доктора легонько забарабанил по папке.

– А вы, то есть... вы, как и в прошлый раз, проснулись снаружи?

– Нет, – твердо заявила я. – Я споткнулась в темноте о мертвое тело.

– Какой ужас, – произнес он с бесстрастным лицом. Видимо, пытался выразить сочувствие.

– Да, приятного мало.

Келвин Ройс откинулся в кресле, удерживая папку на коленях.

– Послушайте, Оливия, без изучения вашего сна очень сложно поставить диагноз. Важно определить, представляете ли вы опасность для себя или окружающих.

Я смотрела на него в упор, пока он не сдался и не опустил глаза, притворяясь, что делает какую-то пометку.

Приближалась двадцатая годовщина, а с ней страх, что меня опять выследят и выставят всем на расправу. Участились ночные кошмары... Все, что я сейчас говорила, могло попасть в мой медицинский файл. И если дойдет до того, что им заинтересуется полиция, пусть в нем останется эта запись.

– Как вы предположили, в моих проблемах со сном виноват, скорее всего, стресс, – изрекла я.

Доктор Кел медленно выдохнул.

– Отлично, отлично.

Он с явным облегчением отложил папку на стол, похлопав по ней ладонью.

Я чуть не рассмеялась. Вот оно: вся эта затея с подписью нужна ему для прикрытия задницы. Келвин Ройс вызвал меня к себе, опасаясь за свою репутацию. Услышав слухи, он, как и Беннетт, связал мой визит с происшествием. Я обратилась к нему за помощью, в которой он отказал. А теперь пытался выкрутиться.

Беннетта тревожило, что все узнают о моем визите к специалисту по расстройствам сна – начихать на неразглашение врачебной тайны. А по-настоящему забеспокоился доктор Кел. Наверное, все же не социопат, уж больно дергается и нервничает.

Нарцисс – это да. Для такого доктора пациент, проснувшийся перед трупом, – не очень лестная реклама. Оценка ниже среднего. На стенку не повесишь.

– Прискорбно, что у вас... сильный стресс. Как вы с ним справляетесь?

– Вы знаете доктора Сидни Бриттон из «Скорой»?

– Да, имя вроде знакомое.

– Она прописала мне болеутоляющее с эффектом снотворного. Оно так подействовало, что я во сне даже не пошевелилась.

Доктор моргнул.

– Отличная новость! Хорошо, что у вас нет никаких побочных эффектов. Пришлите мне название, и я пропишу вам еще, на будущее.

– Обязательно, – сказала я. Вот так бы сразу!

Сообразив, что допустил ошибку, он теперь ударился в другую крайность. Кому охота портить себе репутацию? В конце концов все мы готовы подстроиться под желания толпы.

– Я бы хотел продолжать с вами работать, – сказал доктор. – У вас очень интересный случай.

Как и многие до него, он увидел возможность воспользоваться ситуацией и что-то получить. Сколько людей сделали себе карьеру на том несчастном случае: репортеры, освещавшие тогда события; доктора, занимавшиеся моим лечением, пока мать не догадалась, что они используют меня для рекламы своих исследований, для собственных резюме; друзья и знакомые, которые делились фотографиями и историями, пытаюсь урвать свою долю славы.

Однако доктора Кела лучше иметь на своей стороне.

– Вы, кажется, назначили мне прием на четверг. Тогда и увидимся?

– Ну конечно. И помните, Оливия, вы всегда можете ко мне обращаться. Я очень серьезно отношусь к конфиденциальности. И секретаршу свою предупредил, она хорошо понимает всю деликатность ситуации.

Ага, поэтому я здесь после ее ухода. И поэтому же он позвонил, а не написал мне, не оставив таким образом никаких следов моего пребывания.

Всю правду знал только Беннетт. Знал, зачем я приходила на прием и что это может каким-то образом относиться к делу. Оставалось лишь надеяться, что друг не предаст.

Пустой коридор. Проверила телефон – ничего нового.

Я решила позвонить Беннетту и узнать, подозревал ли он Элизу. Только прислонилась к стене и ткнула его номер, как вдруг из двери своего кабинета выскочил доктор Кел.

– Не хотел вас пугать, – сказал он, глядя на часы, – но я как раз тоже ухожу.

У Беннетта включился автоответчик; пришлось плестись за доктором Келом к лифту. Вряд ли мне следовало объяснять, почему я предпочитаю спускаться пять этажей по лестнице вместо того, чтобы съехать на лифте.

Раздвижные двери звякнули и открылись, внутри никого.

– После вас, – посторонился доктор.

Захотелось сказать, что мне надо заскочить в свой офис, но у меня на

плече висела сумка, к тому же я упомянула раньше, что спешу.

Я шагнула в лифт, закрыла глаза и прижалась к холодной металлической стенке. Заскрежетали механизмы, и мы начали опускаться. Внутри все сжалось. Каждый этаж отдавался в голове.

Четвертый...

– Такая трагедия, что того человека убили...

Третий...

– Моя секретарша сказала, он нездешний. Возможно, замешаны наркотики. Статистика ужасная, они повсюду...

Второй...

– Вы собираетесь оставаться в том доме после всего случившегося?

Лифт качнулся и замер.

– Простите, что? – еле выдавила я.

– Джесси говорила, что вы живете на окраине, причем одна.

Для человека, которого я видела двадцать секунд в своей жизни, Джесси была неплохо осведомлена.

– Я там не одна, – возразила я.

Что бы ни случилось в прошлом моего соседа, я была теперь не одна.

Подъехав к дому, я затормозила у почтового ящика. Уже несколько дней не проверяла почту. Ни в пятницу, вернувшись из бара, ни в субботу утром, когда приехала с Элизой, ни потом, когда она и Беннетт по очереди за мной присматривали.

За несколько дней в ящике накопились конверты и рекламные проспекты. Обычно добрую половину я сразу выбрасывала. На дне кипы лежал конверт, подписанный от руки.

Ни марки, ни обратного адреса. Только мое имя. Письмо положили сюда лично. Почерк незнакомый.

Я разорвала конверт и достала из него листок. Руки задрожали на первом же предложении.

«Оливия!

Вряд ли вы меня помните, а если и помните, то, возможно, желали бы забыть. В любом случае вы, скорее всего, не захотите со мной общаться.

Меня зовут Шон Колман, много лет назад я участвовал в ваших поисках в Уиду-Хиллз.

Не удивлюсь, если вам не хочется вспоминать прошлое, но я чувствую по отношению к вам некоторую ответственность. Я проделал сюда долгий путь, потому что нам необходимо переговорить.

Пожалуйста, позвоните мне по этому номеру в любое время. Я

задержусь в «Хайланд Инн» до конца выходных».

Ч-черт.

Я перечитала записку во второй, в третий раз, с каждым разом пытаюсь разглядеть что-то новое.

Шон Колман побывал здесь в пятницу, чтобы положить в ящик письмо. Где оно с тех пор так и пролежало.

На долю секунды я засомневалась, не выбросить ли его вместе с остальной макулатурой. Притвориться, что его вообще не было.

Но оно было. Шон появился здесь ради меня.

И похоже, он хотел меня о чем-то предупредить.

ВЕРНУТЬ ОТПРАВИТЕЛЮ:

без обратного адреса

ПОЧТОВЫЙ ШТАМП:

ЛЕКСИНГТОН, КЕНТУККИ.

26 мая 2011 года

Пора рассказать правду. Ты знаешь, что делать.

И знаешь, что будет, если ты этого не сделаешь.

Глава 18

Понедельник, 19:15

СЛЕДОВАЛО ПОЗВОНИТЬ Ригби. И Натану – сын Шона имел право знать. Они оба, по разным причинам, имели на то право.

Ведь я прекрасно понимала, каково это – получить известие о смерти отца. Больно уже потому, что ты ни о чем не догадывался.

Достав визитную карточку, я впервые взглянула на нее внимательно: «Натан Колман, Системы безопасности».

Я легко могла представить его проверяющим окна и двери. Оценивающим, подбирающим оптимальную защиту. Неплохо было бы иметь такого знакомого на будущее.

Я глубоко вздохнула. Лучше сначала позвонить следователю. Натану я могла сообщить и лично.

Это письмо... эта записка означала конец секретам. Натан узнает, кто я и почему его отец оказался здесь.

Об этом узнают все.

Со стороны города подъехал пикап Рика, и я поспешно сунула карточку в сумку. Рик притормозил, поравнявшись со мной. В открытом багажнике лежали пластиковые пакеты из супермаркета.

– Эй, все в порядке, Лив?

– Ага, вот проверила почту, – отозвалась я, локтем прижимая к себе бумаги. – Сейчас зайду и помогу тебе разобрать покупки.

– Да ладно, не надо, – как обычно, ответил он, поворачивая к своему дому.

Лучше уж Рик услышит обо всем от меня, чем от кого-то постороннего. Живя рядом, на отшибе, мы привыкли полагаться друг на друга, и я на своем опыте убедилась, как неприятно узнавать, что человек, которому ты доверяешь, что-то скрывал. Мне хватило реакции Беннетта, его отчуждения, подозрений и домыслов. К тому же Рик видел, как я ходила во сне.

Бросив стопку бумаг из почтового ящика на столик при входе, я прошла дом насквозь и вышла через кухонную дверь. Я направилась к Рику через задний двор, подальше от места преступления, которое накануне показывала Натану.

У дома соседа располагался заброшенный огород, где когда-то росли цветы и овощи, а за ним – сарайчик-мастерская.

– Рик? – позвала я, заглядывая внутрь сарайчика, где пахло стружкой и краской.

Старик стоял ко мне спиной, наклонившись над деревянным верстаком.

– Я тут убирал инструменты. Чинил сегодня кое-что на кухне. – Он кинул отвертку в бак на полке и обернулся.

– Продукты в пикапе? – спросила я.

– Нет, я их уже занес в дом. Спасибо за заботу. – Сосед снова отвернулся к верстаку.

– Да не за что, – отмахнулась я и пошла в дом.

Раньше я часто помогала Рику разбирать покупки, решила разобрать их и сейчас, пока его жду.

Мешки из супермаркета были свалены в кухне. Там пахло бытовой химией, как после уборки. О том же свидетельствовало и содержимое одного из пакетов, полного моющих средств: хлорки, антисептика, губок и тряпок.

Я начала рассовывать еду в холодильник и морозилку – моей энергии явно требовался выход. Надо рассказать Рику о своем прошлом, объяснить ему, почему я молчала все это время. Сосед ни в коем случае не должен жалеть, что продал мне дом.

Не зная точно, куда поставить моющие средства, я заглянула в шкафчик под раковиной, – пустой, если не считать тряпок из старой порванной футболки. В нос ударил резкий и удушливый запах. Место, похоже, правильное.

Я подвинула тряпки, чтобы расчистить пространство, – и тут мне в глаза бросилось что-то голубое.

Иногда я будто предвижу происходящее. Что-то вроде интуиции, о которой писала в книге мать. Необъяснимое чутье.

«Говорят, его полоснули канцелярским ножом», – сказала тогда Элиза.

И теперь он здесь – под раковиной у Рика. Тот самый, которым я в среду открывала посылку с вещами матери и который обычно лежал в верхнем ящике у меня на кухне.

– Я же сказал, что сам разберусь.

Я вмиг развернулась, все еще сидя на корточках, – надо мной стоял Рик. Голос резкий, раздраженный. Так сосед не говорил со мной никогда, даже в ту ночь, когда я прибежала к нему с окровавленными руками. Я вдруг увидела его таким, каким видела следователь Ригби: властным и жестоким.

Наверное, мне стоило его бояться.

Только у меня в руке был канцелярский нож, направленный прямо на Рика, пусть лезвие и задвинуто. От ножа сильно пахло хлоркой.

– Откуда он у тебя? – спросила я, поднимаясь.

Рик сделал шаг назад, потом другой, шаря за спиной в поисках стула. Медленно сел, в то время как я выпрямилась во весь рост.

– Сама знаешь, – глядя в пол, сказал он.

– Нет. Не знаю.

Напряжение достигло предела. Перед глазами возник образ Рика в темноте, позади того человека, который следил за моим домом...

– Я его нашел в ту ночь. – Сосед поднял на меня взгляд; уголок левого глаза дергался.

– Где? – До меня все еще не доходило, как нож попал к Рику.

– Возле трупа, когда выходил проверить.

В наступившей тишине слышалось тиканье настенных часов в другом конце коридора.

Рик заговорил почти шепотом:

– Я узнал нож.

Правильно, он же мне его и дал.

– Нет, – еле слышно пробормотала я.

Ножа там быть не могло. Там лежал человек, в крови... Я затрясла головой, отгоняя нахлынувшие мысли.

– Почему он здесь? У тебя под раковиной?

– Лив, ты прибежала среди ночи, прося о помощи. Я старался помочь.

Пульс отдавался по всему телу. В глазах помутнело.

– Нет.

– Я его вычистил, – продолжал Рик. – Просто так же не выбросишь, мусор могут проверить. – Он взглянул на приоткрытую дверь. – За нами следят, Лив. За обоими. Выясняют, почему вдруг на границе наших участков кого-то убили.

Я закрыла глаза, собираясь с мыслями.

– Я видела у тебя в ванной пистолет.

– Говорю тебе, Лив, тут много нехороших людей... Я уже стар, реакция не та.

Можно подумать, опасность где-то еще, а не в нем самом и его доме. Я уже не могла остановиться.

– Следователь Ригби говорила, что о смерти твоей жены ходят слухи. Мол, это не самоубийство и тебе не следует доверять.

Рик напрягся, стал еще меньше, еще печальнее. Он выдохнул и как-то весь обмяк.

– Нина Ригби – хорошая девочка. А вот ее брат – от него одни беды. Втянул моего сына в свои делишки, тот связался с нехорошими людьми. – Старик провел ладонью по лицу, по его телу пробежала дрожь. – Клянусь, Лив, я был в сарае, когда услышал выстрел.

– Но следователь...

– Нине тогда исполнилось восемнадцать. Люди начали судачить, говорить, что в моей версии что-то не сходится. Что я вроде как находился близко, а в полицию позвонил не сразу. Так оно и было.

– Она сказала, что твой сын все знает. Уехал, потому что ненавидит тебя, и больше не вернется.

Из меня сыпались ужасные, злобные, жестокие слова. Страх и напряжение дошли до предела. Нужно было убедить себя, что я не виновата в смерти Шона Колмана.

Сосед сидел, уставившись в пол, затем поднял глаза.

– Хорошо, я все расскажу. Один раз. А потом ты.

Я нерешительно кивнула. Собственно, за этим я и пришла. За правдой.

– Я застал сына в комнате, и Мари лежала мертвая на полу. Несчастный случай, я никогда в этом не сомневался. Она убиралась в доме, когда он пришел, сам не свой. Совершенно невменяемый. Я увидел глаза... не моего мальчика. Он тогда посмотрел на меня так, будто... – Рик запнулся и покачал головой. – Я его выгнал. Надо было выслушать, но я не мог. Велел ему убираться, сын и ушел. Никто не знал, что он был дома, когда это случилось. Я все уладил, а он больше не вернулся. Знаешь почему? Не мог мне в глаза смотреть, так ему было стыдно. Да, мы оба лгали, но не ради меня. Не ради меня.

Мои глаза жгло так, что я боялась моргнуть. Боялась отвести взгляд. Боялась произнести хоть слово.

– Теперь ты, – сказал Рик.

– Я не убивала, – прошептала я, потому что тоже твердо в это верила.

– Может быть, все произошло случайно. Или ты оборонялась. Я же видел, как ты перед тем ходила во сне. В ту ночь тоже?

Больше скрывать не было смысла. Рик давно подозревал правду, но ничего не говорил. То же подозревал Беннетт и, скорее всего, следователь Ригби. Того же боялся Келвин Ройс. Я не стала отрицать, не стала врать Рикю.

Он поднялся, шагнул ко мне, выставив вперед руки, чтобы не испугать – как в ту ночь, когда застал меня снаружи.

– Я знаю, что с тобой такое случилось в детстве. Знаю, кто ты.

Я отступила, облокотившись на раковину.

– Тебе Ригби сказала?

Некрасиво с ее стороны настраивать нас друг против друга.

– Нет, что ты, милая. Я это выяснил, еще когда ты подала заявку на дом. Должен был проверить, откуда такая сумма наличными. – Он кивнул на мою руку. – И шрамы. Я всегда знал, кто ты.

– Я собиралась все рассказать. Для того сюда и пришла.

– Моя жена следила за твоими поисками. Мы хорошо помнили тот случай. Она тогда молилась, даже... – Рик неожиданно замолчал на полуслове и махнул мне, приглашая следовать за ним. Я пошла, зажав нож в руке.

У каждого из нас была своя история и надежда, что другой поверит.

Миновав сейф с оружием, мы подошли к комнате, где я еще ни разу не бывала. Не хотелось идти дальше – мне не нравились слишком узкие стены, отсутствие окон и выходов. Тут Рик открыл дверь, и я увидела залитую светом комнату с креслом-качалкой, старинным буфетом и выкрашенными в голубой цвет книжными шкафами, от пола до потолка заставленными книгами.

– Мой сын больше не вернется. Не может посмотреть правде в глаза. Случилось непоправимое, невысказанное, но я говорил ему, что мы с этим справимся. Больше я его не видел. А потом появилась ты. Я тебя сразу проверил, чтобы убедиться, что деньги чистые. Так я узнал твое бывшее имя и, конечно, вспомнил, кто ты.

Рик подошел к одной из полок и достал книгу, которую я не видела много лет. Бледно-розовая обложка с нашей фотографией. Мать и дочь, обе с длинными вьющимися каштановыми волосами. «В поисках Арден».

– Мари купила книгу твоей матери. Поначалу я даже не поверил, что у нас решила поселиться та самая девочка. – Рик покачал головой, ему не хватало слов, чтобы выразить нахлынувшие чувства. – Знаешь, как будто помочь тебе было моим предназначением. – Его глаза задержались на ноже у меня в руке. – Чтобы на этот раз не сплеховать.

– Рик, поверь, я никого не убивала. Если бы защищалась, остались бы какие-то ранения, следы, правда ведь?

Как же мне хотелось, чтобы он поверил!

– Ну, не знаю... – Он показал на мою ногу.

– Я упала уже потом. Правда. – Я вытянула вперед руки. – Видишь, никаких следов борьбы.

– Ладно, – сказал Рик, не соглашаясь и не возражая. – Они точно обещают либо твой дом, либо мой. Нина меня сегодня утром спрашивала, можно ли зайти. Я уже через это проходил, поэтому ответил, что только с ордером. Уверен, что они придут обыскивать. Нужно только решить, кого. Им мало догадок, им нужны основания. Вот они и вынюхивают, к кому из нас приходил убитый.

Я вспомнила о предложении Беннетта связаться с его сестрой.

– А ты не говорил с адвокатом?

– Нет, Лив. Предпочитаю с ними дела не иметь.

В доме моего соседа находилось орудие преступления. Если сюда придут с обыском, ему не поздоровится.

– Тот мужчина был здесь из-за меня, – призналась я. – Об этом я и собиралась тебе сказать. Это он нашел меня двадцать лет назад. А теперь у меня его письмо, так что придется поставить в известность полицию. И сын его тоже здесь.

Рик помолчал, потом кивнул на нож.

– Я хорошо почистил, думаю, следов больше нет. На всякий случай потру еще раз хлоркой. – Он помолчал. – Оставь его здесь.

Я покачала головой.

– Нет. – И шепотом добавила: – Я смогу от него избавиться.

В больнице полно контейнеров для колющих и режущих предметов, для биологически опасных отходов.

– А пока нам лучше не общаться.

Помолчав какое-то время, старик наконец согласился:

– Хорошо, Лив.

Все остальное я решила отложить: звонок следователю Ригби, разговор с Натаном.

Конечно, я собиралась показать письмо полиции, но только после того, как избавлюсь от канцелярского ножа. Он должен исчезнуть до того, как меня придут обыскивать.

В ПОИСКАХ АРДЕН

Копирайт: Лорел Мэйноу, 2002 год

Отрывок, стр. 19

В первый день поисков нашелся ее ботинок, застрявший в решетке одного из люков. Зелененькая кроссовка с розовым цветочком, которая превратилась в серую. Я ее сначала даже не узнала.

Но именно в это место упирался сток с нашей улицы. Мне сказали, что у люка уже очень давно не было крышки.

Первая весточка от Арден.

Раньше я еще надеялась, что она заблудилась где-то в лесу. Однако ботинок окончательно направил поиски под землю. Получается, ее смыло потоком воды практически у самого дома.

Даже теперь меня бросает в дрожь при мысли о том, что ей пришлось перенести. Боюсь думать, как темно и жутко было там, где она проснулась.

Иногда я внушаю себе, что дочка все время спала и очнулась уже в безопасности, при дневном свете. Что никогда не вспомнит тех страшных часов в темноте.

Хотя разумом я понимаю: она, конечно, проснулась намного раньше. Скорее всего, когда ее сбilo с ног и понесло – удар-то уж наверняка ее разбудил.

То есть она не спала, когда ее нога застряла в решетке, и на какой-то миг блеснула надежда, что ее не унесет в трубу, и тут кроссовка соскочила. Я знаю, что дочка не спала, потому что только так могла спастись.

Арден не любит говорить о том, что с ней происходило в те три дня. Некоторые сомневаются, что шестилетний ребенок смог бы продержаться у решетки все это время, но что они знают о моей дочери? Лучше не думать, что малышка провела часы или дни в кромешной темноте, в стоячей, грязной воде, не видя разницы между днем и ночью, не зная, найдут ли ее вообще.

На все вопросы докторов она отвечала: «Я не помню».

Их настойчивость граничила с жестокостью. Подумать только, что ей пришлось пережить!

Хотя лучше об этом не думать. Я бы многое отдала, чтобы тоже обо всем забыть.

Глава 19

Вторник, 10:30

В СУМКЕ, НЕПРИВЫЧНО оттягивавшей плечо, лежал канцелярский нож, который я завернула в салфетку – нельзя оставлять никаких следов, особенно своих отпечатков пальцев.

Я искала повод зайти в отделение с пациентами, чтобы избавиться от ножа. Еще утром я оставила сообщение следователю Ригби с просьбой встретиться после работы. Она до сих пор не перезвонила, и во мне зародилась хрупкая надежда, что полиция невероятным образом перестала интересоваться мной и Риком и их внимание переключилось на что-то другое.

Дверь моего кабинета оставалась открытой – я ловила момент, когда опустеет коридор и можно будет незаметно выйти. В худшем случае я решила воспользоваться обеденной суетой между сменами.

Голоса донеслись до меня сразу, как только открылись стеклянные двери на этаже.

– Ее кабинет справа дальше по коридору.

Незнакомый женский голос. Пульс подскочил мгновенно – организм среагировал на предчувствие.

– Спасибо, что проводили. Я и не знала, что на этажи так просто не попасть.

Я напряглась всем телом, по спине побежали мурашки. Голос ответившей не оставлял сомнений. К моей двери направлялась следователь Ригби. Сумочка с ножом внутри валялась на диване.

Я вскочила, резко отодвинув стул, как будто могла что-то предотвратить. Но следователь уже возникла в дверях.

– Простите, Оливия, надеюсь, не помешала?

Я схватила телефон, чтобы чем-то занять руки.

– Не ожидала, что вы придете. Утро выдалось напряженное, я как-то пропустила вашу записку.

– Нет-нет, – сказала она, остановившись посередине и оглядывая кабинет. – Я получила ваше сообщение как раз по дороге сюда – надо было переговорить кое с кем тут внизу. – Следователь подождала, пока я переварю эту информацию и начну гадать, на кого она намекает: сотрудники морга? Сидни Бриттон? Кто-то еще?

Мы обе стояли, нас разделял стол.

– Я присяду, если не возражаете? – спросила она, кивнув на диван.

– Да, конечно, – сказала я, опускаясь в кресло.

Следователь села настолько близко к моей сумке, что меня прошиб

холодный пот.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? Вы упомянули, что нашли что-то? Сообщение было довольно туманным.

Я закрыла глаза и кивнула. Жаль, не смогла подготовиться, как собиралась.

– Сегодня утром я проверила почту. Не проверяла ее с тех пор, как... ну, несколько дней. Наверное, с четверга, то есть там накопилась почта за пятницу, субботу, понедельник...

Следователь нетерпеливо подняла бровь.

– В самом низу лежало письмо от Шона Колмана.

Ригби вскочила на ноги.

– У вас письмо от Шона Колмана? И вы мне только сейчас об этом говорите?

Ее пальцы впились в край стола, ногти побелели от напряжения.

– Я его только обнаружила, прямо перед работой. Причем опаздывала, потому и оставила вам сообщение.

Девушка тихо выругалась, схватившись руками за голову. Первый раз я видела в ней проявление хоть каких-то эмоций и испугалась не на шутку.

Наконец она овладела собой и, развернувшись, указала на сумку:

– Оно здесь?

– Нет! Нет, я его дома при входе оставила.

– Вы сказали, что проверили почту по пути на работу.

– То есть перед работой, но не буквально по пути. Я вынула почту, занесла ее в дом, позвонила вам. Потом поехала сюда. Какое это имеет значение?

Я с удивлением заметила переход от недосказанности к прямой лжи. Меня слегка покорило, насколько естественно и плавно это случилось.

– Очень важное значение, потому что вещественное доказательство в деле об убийстве спокойно лежит у вас при входе с остальной почтой! Вы что конкретно с ним сделали?

Живот скрутило, руки сжались в кулаки.

– Я его открыла. Прочла, позвонила вам. Там говорилось...

Она жестом меня остановила:

– Нет уж, я прочту сама. Мне нужно знать точные слова. Пошли.

Женщина развернулась и шагнула к двери.

– Я на работе, – возмутилась я. Возвращаться домой с ножом, тем более в сопровождении полиции, в мои планы не входило.

Она медленно повернулась и заговорила, делая ударение на каждом слове:

– А я – следователь в деле об убийстве. Уверена, что начальник вас отпустит.

Я поняла: с Ригби лучше не спорить. Она здесь главная, и ее вывели из себя. Каждая из нас защищала свои интересы, каждая пыталась добиться своего.

– Мне нужно перед уходом кое-что уладить. Дайте мне пять минут. – Я хваталась за соломинку. – Встретимся внизу.

По-видимому, она согласилась, потому что уже выходила из кабинета, прижимая к уху телефон. Я проводила ее до лифта и дождалась, пока за ней закроются двери.

Сумка висела у меня на плече. Времени в обрез.

У дверей в палаты не было окошек, зато у каждой рядом с ящиком для обмена информацией о пациенте висела дощечка с именем лечащего врача и дежурной медсестры. С одной из таких дощечек недавно стерли надписи – еще оставались размытые следы от синего маркера. Я проверила ящичек – пустой.

Толкнув дверь, я приготовилась сказать, что ошиблась, однако оправдываться не пришлось. Комнату недавно убрали, и вряд ли кто-нибудь собирался сюда скоро заходить.

Под раковиной стоял красный ящик с надписью «Острые предметы». Я быстро достала салфетку и вытряхнула из нее нож. Потом ящик потрясла, чтобы нож провалился на дно. Содержимое таких ящиков выбрасывалось в конце дня. Я прикрыла за собой дверь и пошла к выходу.

Вот и все.

Я сделала глубокий вдох, только руки еще дрожали. Чтобы не заподозрили, надо себя вести как ни в чем не бывало. В этом-то и была моя ошибка, когда Беннетт застукал меня в аптеке.

Идя по коридору, я достала телефон и с деловым видом в него уткнулась. Завернув за угол, наскочила на Беннетта. Он тоже шел с опущенными глазами, глядя в медицинскую карту в руках.

– Эй, какие люди, – сказал он и отступил, оглядывая меня с головы до ног. – Не знал, что ты уже вышла на работу.

– Ага, и опять ухожу.

Я поправила сумку на плече и помахала телефоном. Беннетт перевел глаза на коридор, в который выходили только палаты пациентов.

– Ты что-то искала?

– Нет, просто неожиданно зазвонил телефон, и я юркнула в первую попавшуюся пустую комнату.

Он кивнул.

– Точно ничего не случилось? Ты выглядишь...

Я могла только догадываться: испуганной, виноватой? Очень хотелось с ним поговорить, но лучше не сейчас. И не в коридоре, где меня быть не должно.

Глубоко вздохнув, я сказала:

– Вообще-то я искала тебя, а теперь меня ждет следователь. Если спросят, скажи, что я буду завтра, ладно?

– Ладно. И я хотел с тобой поговорить, но у нас тут... – Беннетт махнул в сторону палат, и я поняла. Когда мы заняты, мы заняты. Каждый из нас проводил четкую грань между работой и всем остальным.

– Нет проблем, – бросила я через плечо, набирая код на дверях.

– Я позвоню, как освобожусь, – крикнул Беннетт.

Никто меня не видел. Никто не остановил. Двадцать шагов до противоположного конца коридора. Тридцать две ступеньки вниз. Выйдя с лестничной площадки, я увидела у лифта следователя Ригби.

– Простите, что пришлось подождать, – извинилась я издалека, чтобы она видела, как я подхожу. – Я готова.

Три поворота до центрального холла. Автоматические двери – и мы снаружи. От канцелярского ножа я избавилась. Все было позади.

Следователь Ригби ехала за мной на своей машине. Я вела неуклюже, как подросток, только что получивший права. Всегда нервничала при виде полицейских на дороге: снижала скорость, торопилась включать поворотники, постоянно смотрела в зеркало заднего вида, опасаясь, что вот-вот завоет сирена.

Перед домом стояли две полицейские машины. Их водители дождались, пока мы со следователем заедем и припаркуемся, и только тогда вышли из машин.

Ригби мимоходом махнула обоим рукой, и я поняла, что они приехали по ее вызову. Как-никак новая улика в расследовании убийства.

Парни были примерно ее возраста – один рыжий с коротко стриженными волосами, другой темно-русый с пробивающейся бородкой. Следователь тихо перекинулась с ними парой слов, пока я отпирала дверь.

– Не входите, – скомандовала она, как будто без ее разрешения я не могла войти в собственный дом.

Рыжеволосый отправился к почтовому ящику, держа перед собой камеру, очевидно, чтобы задокументировать место обнаружения письма. Другой полицейский поднялся за следователем на крыльцо. Парень был моложе ее – щетина пробивалась на совершенно детском веснушчатом

лице с большими голубыми глазами. Он молча следовал по пятам Ригби.

– Вон оно. – Я показала на столик при входе.

– Не трогайте, – велела следователь.

Моя рука застыла в воздухе. Перед этим я вынула письмо из ящика, открыла, зажала локтем, потом уже бросила здесь. Но спорить не стала.

Следователь Ригби натянула перчатки и развернула записку. Я наблюдала за карими глазами, бегущими по строчкам. Закончив читать, следователь протянула письмо стоящему рядом парню, который, судя по всему, отвечал за его сохранность. Крайне осторожно, будто обращался с хрупким предметом, тот опустил улику в пакет. Создавалось впечатление, что он проделывал это впервые.

– Шон собирался о чем-то меня предупредить, – сказала я.

Ригби с громким хлопком сняла перчатки, как доктор Бриттон в «Скорой».

– Почему вы так решили?

Потому что он мне об этом написал? Вечно она пытается вырвать у меня какие-то признания. Как будто мои домыслы могли пролить свет на некие тайные обстоятельства.

– Он просил с ним связаться, – сказала я. – Написал, что дело важное, что он проделал долгий путь.

Ее напарник неподвижно стоял в дверях. Двигались только глаза, которые он переводил со следователя на меня и обратно.

– Можете унести, – сказала Ригби парню.

Он кивнул и вышел, а следователь принялась расхаживать по комнате, размеренно дыша.

– Я много читала о том, что с вами случилось двадцать лет назад. – Она присвистнула. – История не для слабонервных.

– Я ничего не помню.

Мой стандартный ответ. Он всегда срабатывал безотказно и обрубал на корню всякий разговор, с которым ко мне приставали взрослые. Обычно они отвечали что-то вроде «Оно и к лучшему», с чем трудно было не согласиться. При этом все дружно кивали с глубокомысленным видом.

– Понимаю, почему вы сменили имя. Разговоров вокруг было предостаточно. – Ригби осмотрелась: сводчатый проход, стены в светлых тонах, новый диван. – Вам небось куча денег перепала?

Я поджала губы и кивнула. Не хотела распространяться о том, что большую их часть мать растранижирила, что мне еле хватило на новую жизнь, которая теперь была под угрозой. У меня остался лишь этот дом – нетрудно понять, почему я за него так держалась.

Следователь махнула в сторону пустого столика, где перед этим лежало письмо:

– Кто-нибудь еще о нем знает?

– Рик.

– Вы поделились с ним до того, как позвонить мне?

– Вас не было на месте, – напомнила я.

– Мистер Эймс... – начала она, а я подумала: ты далеко не все знаешь.

– Следователь Ригби, – перебила я, – на какой улице обнаружили машину Шона Колмана?

Она метнула на меня подозрительный взгляд – мол, откуда мне это известно. Явно была не в курсе, что Натан сюда возвращался.

Наконец она произнесла:

– На улице Хэймер.

– Та, что за нашими домами? – То есть Шон оставил там машину и пришел пешком. Улица Хэймер отходила от той же главной дороги, что и наша, но дальше от центра. – Вы думаете, он приходил, чтобы положить письмо в ящик?

Выходит, ночью он положил письмо в ящик, и что потом? Кто-то его зарезал, когда он возвращался к машине? Полный бред. Зачем ходить пешком в темноте, а не просто подъехать днем? Я не могла вообразить, какая еще причина заставила старшего Колмана околачиваться возле моего дома. Прятался от кого-то, после чего в ящике появилось письмо?

Следователь опять зашагала по комнате, и я догадалась, что это не нервозность, а способ упорядочить мысли.

– Вряд ли. Вы сказали, что письмо лежало на самом дне?

– Да, – подтвердила я, и тут до меня дошло.

Шон не опускал письма ночью, а положил его в ящик до того, как принесли пятничную почту. Например, сразу после нашей встречи на парковке у магазина. Он, должно быть, сообразил, что я не обрадуюсь, если он поедет за мной. Поэтому оставил тут письмо, а ночью вернулся, чтобы... что? Следить за мной издалека? Или у него был другой план?

Что он собирался мне сказать? И почему его убили?

– Я могу осмотреть дом? – спросила Ригби, не глядя на меня. – На предмет каких-то следов, вдруг он сюда заходил?

Небрежный тон, как будто я не знала, что ей нужно. Рик уже предупредил, что они придут обыскивать один из домов с ордером. Только зачем, если можно обойтись без ордера? Понятно, что она ничего бы не нашла, но я не собиралась облегчать ей жизнь.

– Вы дом уже осматривали, – напомнила я, – в ту ночь.

Тогда я впустила ее, показала, что мне нечего скрывать.

Девушка повернулась и посмотрела на меня в упор.

– Это до того, как я заподозрила, что тот человек за вами следил.

От ее слов мороз пробежал по коже. Чего еще она недоговаривала?

– Все равно нет, – твердо сказала я. – Я и так ушла с работы без разрешения, мне пора возвращаться.

Я придержала дверь, жестом приглашая ее вый-ти. Ригби медлила, и я испугалась, что она вдруг предъявит ордер на обыск. К моему облегчению, она вышла.

– Мой вам совет, Оливия. Не посвящайте мистера Эймса в подробности расследования.

С этими словами следователь удалилась.

Теперь я знала, каковы две главные версии, объясняющие присутствие Шона Колмана у нас на участке. Первая: что Рик заметил, как тот следил за домом, и убил его. Вторая: что его убила я. Возможно, обороняясь, возможно – нет.

Но ведь я сообщила им о письме; помогала следствию. Более того: пожертвовала ради этого своей анонимностью.

Остановить процесс уже невозможно. Мне вновь предстояло бороться за жизнь.

ЗАПИСЬ ЗВОНКА В ДИСПЕТЧЕРСКУЮ СЛУЖБУ

ДАТА: 17 октября 2000 года

ВРЕМЯ: 5:47

Диспетчер: Полиция. Слушаю вас.

Неизвестная женщина: Помогите, прошу вас, у меня пропала дочь.

Д: Что значит пропала?

НЖ: Понимаете, она ходит во сне. И ее нет в кровати. Ее нигде нет. Умоляю, помогите. Боже, Арден!

Д: Арден – ваша дочь?

НЖ: Да. Входная дверь открыта, ее нигде нет.

Д: Понятно. Вы около дома уже искали?

НЖ: Господи, конечно, искала.

Д: Назовите адрес.

НЖ: [Адрес скрыт] Помогите мне. Ради бога, помогите.

Глава 20

Вторник, 14:00

«ЭТО ДО ТОГО, как я заподозрила, что тот человек за вами следил».

Ригби намекала на то, что Шон Колман побывал здесь не раз.

Выждав какое-то время после ухода полиции, я вышла через заднюю дверь. Участок за домом зарос травой; заграждений не было – по-видимому, Рик избавился от них еще при покупке земли. В конце участка росли деревья.

Я знала, что граница проходит по ручью – мы с соседом обошли весь периметр еще в первый день, когда он показывал, где кончаются мои владения. Ручеек, скорее всего, высыхал полностью, если долго не было дождя. Спустившись к нему, я обернулась и, к своему удивлению, обнаружила, что отсюда не видно ни моего дома, ни дома соседа. Немногочисленные деревья росли так, что полностью скрывали наши участки.

Как ужасно, должно быть, заблудиться! Закрыв глаза, я представила себе маленькую девочку, которую неожиданно сбивает с ног потоком воды, как она цепляется за траву, за ветки, за все что угодно, лишь бы удержаться. Потом ее несет куда-то, маленькие пальцы соскальзывают... И вдруг кроссовка застревает в решетке – короткое мгновение надежды.

А после – тьма.

Девочка, которая выжила. Девочка, которая продержалась. Которая натерпелась столько страху, что наглухо похоронила целых три дня в самых потаенных уголках своей психики.

Я легко перешагнула ручей. Сознывая, что нахожусь на чужом участке, я двигалась тихо и осторожно.

Полусгнившие остатки старого забора были первым признаком того, что здесь когда-то жили люди. Никакого дома я не увидела. Ближе к улице – небольшой сарайчик, вроде того, что стоял у дома Рика. В него упиралась заросшая травой подъездная дорожка, на которой слабо просматривались следы от шин. На самом участке остался лишь фундамент – то ли дом давно снесли, то ли его так и не построили.

По словам следователя Ригби, машину Шона Колмана нашли где-то здесь. Я прошла по подъездной дорожке и вышла на улицу Хэймер, которая мало чем отличалась от моей: никаких тротуаров и ничего не видно за уходящим вправо поворотом.

Но в отличие от моей улицы, эта заканчивалась тупиком. Слева от меня не было даже бордюра, асфальт просто обрывался, упираясь в лес. Возможно, улицу собирались продлевать, а потом передумали.

Я представила себя на месте Шона Колмана. Человек оставляет машину в укромном месте и идет по заброшенному участку между деревьев к моему дому... И сколько же ночей он это проделывал? Сколько раз приезжал и следил за мной?

Вернувшись к сараю, я заглянула в темные окна – ничего особенного. Грязные стекла, пыльный пол. Заходил ли Шон внутрь? Дождался чего-то?

Тишину пререзал звук мотора. Быстро выглянув из-за сарая, я увидела на дороге полицейский патруль.

Развернись, развернись, развернись...

Машина остановилась, двигатель стих. Хлопнули дверцы.

Сердце ухнуло в пятки, но я рискнула выглянуть еще раз. Двое незнакомых мне полицейских. Что-то ищут или рутинно объезжают территорию вокруг места преступления?

Мой телефон зазвонил, и я лихорадочно ткнула «отбой». Звонил Беннетт. Выключив на мобильном звук, я прислушалась. Похоже, копы не услышали звонка, все-таки до сарая оставалось приличное расстояние.

Пора срочно уносить ноги, спрятаться здесь негде. Как можно осторожнее я пятилась назад, с бешено колотящимся сердцем, от одного дерева к другому, пока наконец весь участок не скрылся из виду.

Напряжение немного отпустило, когда я пересекла ручей. Я на своей территории, границ чужих владений не нарушаю, ни за кем не подсматриваю.

Вот до чего меня довели. Сначала Шон Колман, теперь полицейские. Я терпеть не могла, когда за мной следили. Когда выдумывали обо мне всякие небылицы. Приписывали мне поступки. Сплетничали за моей спиной.

К моему ужасу, на заднем крыльце дома стоял человек, всматривался в кухню, прижав ладони к стеклу. Заслышав шаги, он отпрянул от окна и обернулся.

– Лив? Ну наконец-то.

– Беннетт?

Он сбежал по ступенькам – в джинсах и футболке – и пошел мне навстречу, замедляя шаг.

– Звоню – не отвечаешь. Машина перед домом, а тебя нет. Ты говорила, что собиралась встретиться со следователем... – Он провел рукой по волосам. – Заставила меня поволноваться.

Должно быть, Беннетт звонил после работы, как обещал, а я не ответила. Вот и примчался. Только зачем? Под ложечкой противно заныло от закравшихся сомнений. Вдруг, узнав правду о моем прошлом, он тоже

решил использовать ее в своих интересах?

Нет, Беннетта просто несправедливо в чем-то подозревать. Сначала пропала Элиза, потом перестала отвечать я... Все рассыпалось на глазах, и он силится собрать разлетающиеся кусочки воедино.

– Я звонила на предыдущее место работы Элизы. – Лучше завести новую тему, чтобы не объяснять, что я делала в лесу за домом. – Они намекнули на какие-то неувязки с лекарствами.

Беннетт выругался сквозь зубы.

– Как такое упустили при приеме на работу?

– Очевидно, в ее бывшей клинике пропажи заметили не сразу. Честно говоря, я от нее такого не ожидала.

Элиза совсем не походила на мою мать, с ее резкими сменами настроения, вечной непредсказуемостью и проматыванием денег. Однако впечатление могло быть обманчиво. Особенно в сфере здравоохранения. Зависимость распространялась среди медработников так же, как и среди остального населения, просто у медиков более легкий доступ к лекарствам. Дорогие препараты могли незаметно исчезнуть по пути из медицинского учреждения к пациенту. Морфин подменялся салицилатами. Случаи утечки лекарственных средств были у всех на слуху. Насколько я понимаю, с этого начинала и моя мать.

Поэтому в нашей больнице велся строгий учет. Впрочем, уследить за всеми передвижениями невозможно, особенно когда лекарства покидают пределы больницы и не доходят до пациентов.

– По какому поводу вы тогда ругались? Здесь, на крыльце.

Если Беннетт подозревал Элизу, он мог дать ей это понять и тем самым спугнуть.

Он вздохнул.

– У нас тогда у обоих нервы были на пределе, к тому же она явно не выпалась. Настаивала на том, чтобы я не спускал глаз с окна, следил за всеми, кто проходит мимо. Я сказал, что это просто смешно. А она набросилась на меня с криками, типа: тут мертвец под окнами, а тебе смешно! В таком состоянии я не мог оставить ее присматривать за тобой и уж тем более разрешить выйти на работу. Так что предложил ей пойти домой. Больше я ее не видел.

Под моим взглядом он сдался.

– Ну, может, я ляпнул что-то вроде «убирайся». – Беннетт закрыл глаза и покачал головой. Нечто подобное он сказал, когда застал меня в больничной аптеке. – Теперь и сам понимаю, что слишком резко. Но я правда считал, что ей нельзя выходить в смену. В общем, я ее прогнал, и

она ушла. Конечно, если у человека зависимость, параноидальное поведение...

– Да не было у нее никакой паранойи!

Раньше не было. То есть я раньше не замечала. Она не казалась запуганной, не то что я. Не боялась себя подставить, флиртовала с барменом. И ведь тут же примчалась в больницу, когда узнала, что я там, приготовила мне завтрак, осталась сторожить, пока я спала. Я видела в ней альтернативную версию себя, повернись моя жизнь иначе, но что, если это было моим очередным воображением? Другая девушка с другой историей, надерганной из остатков воспоминаний.

Я поднялась по ступенькам, Беннетт шагнул в сторону, чтобы мы не соприкоснулись.

– Может, войдешь?

– Пожалуй.

Сказал неуверенно. С прошлого раза между нами остался напряг, когда мы в течение получаса неожиданно сблизились и тут же отдалились друг от друга.

Наливая воду, я краем глаза видела, что Беннетт изучает мой шрам. В голове звучали его слова: «Боль, должно быть, нестерпимая». Я отогнала эти мысли и повернулась – он сразу отвел глаза.

– Ты подозревал Элизу?

Взгляд Беннетта был устремлен куда-то за меня, вдаль, в лес за окном.

– Нет. Не подозревал.

Мне не нравилось, что он на меня не смотрит. Неужели все еще думает, что лекарства таскала я? Может, и дом обыскивал, пока я спала?

– Ты об этом хотела со мной поговорить? – спросил он. Я кивнула, и он зашагал по кухне. – А я хотел извиниться за свою реакцию в прошлый раз, за все, что я тебе наговорил.

– Да ладно, я понимаю. Слишком много всего навалилось.

– Это точно.

Слова Беннетта звучали отчужденно, как будто, узнав о событиях двадцатилетней давности, он никак не мог свыкнуться с моим новым «я».

Тогда слишком много навалилось на всех. На жителей города, на сам город, на полицию, которую донимали звонками. Одни звонили, чтобы сообщить, что я пропала, – типа еще не знали. Другие сообщали о каждом ребенке, играющем на улице. Полиции пришлось дополнительно нанимать людей для ответов на звонки.

– Как поговорили со следователем? – спросил Беннетт.

Я поставила стакан на стол. Почему он спрашивает?..

– Нормально.

– Она что-нибудь сообщила? У них уже есть версии?

Я отрицательно покачала головой. Он пришел ради меня или за информацией?

– Послушай, я виноват, неправильно среагировал. Уже не исправишь. Поэтому пришел сказать тебе, что... сожалею.

– Прости, я сама не своя. – Я глубоко вздохнула. – Шон Колман оставил мне письмо, хотел о чем-то предупредить... перед тем, как его убили.

– О боже. И ты не знаешь, о чем?

– Нет. Как раз собиралась поехать и узнать.

– Ясно. Если хочешь, я поеду с тобой. Для поддержки.

Беннетт наверняка решил, что у меня встреча в полиции. По тому, как он задержал дыхание, было видно, что на самом деле ехать ему не хотелось.

– Нет, спасибо, – сказала я.

– Тогда ладно, Лив. Если что, я на связи.

Невольно ввязавшись в происходящие события, запутанные и непредвиденные, он переоценил свои силы. Забавно, что управление чрезвычайными ситуациями было его специальностью. Он отлично справлялся с организационными вопросами, умел создавать простой и понятный план действий. Увы, что годилось для распределения людей по спискам и таблицам, совершенно не работало за пределами больницы.

Меня вдруг осенило: Беннетту именно и нужно предсказуемое упорядоченное существование, которого я ему дать не могла.

После ухода Беннетта я вспомнила о гостинице, в которой останавливался Шон Колман. Следовало точно узнать, сколько времени он там находился. Как долго за мной следил.

Новая, но незатейливая «Хайланд Инн» располагалась на окраине города. В ней, как правило, не проводили мероприятия, связанные с больницей, и по большей части останавливались любители приключений и лыжники,двигающиеся в горы. Для особо отчаянных разбили кемпинг в нескольких милях отсюда, в устье реки, а для обычных туристов «Хайланд Инн» была самым приемлемым вариантом.

Когда я подъехала, совсем стемнело. Парковка наполовину пустовала, в холле за стойкой одиноко бездельничал служащий в костюме и достоинил меня взглядом, только когда я встала прямо перед ним.

– Чем могу помочь? – спросил он с дежурной улыбкой.

– Я ищу одного из ваших постояльцев.

Напустив на себя деловой вид, решила начать с малого и уже по ходу задавать следующие вопросы.

– Имя? – спросил служащий, положив руки на клавиатуру.

– Колман, – ответила я. – К-О...

Его пальцы застыли, улыбка сошла.

– Так, можете не продолжать. Я вашим уже объяснил, что мы не даем справок о...

– Оливия?

Я обернулась – в холл входил Натан Колман.

– Привет! – сказала я как можно естественнее. По-видимому, служащему задавали вопросы журналисты. Полиции-то он наверняка все рассказал, и те велели ему не болтать.

– Вы меня ищете? – спросил Натан.

– Да, – ответила я и повернулась к мужчине за стойкой. – А вот и он.

Лицо служащего вытянулось. Похоже, бедолага, как и я, не ожидал, что в гостинице проживает еще один Колман.

Подходя к Натану, я услышала вдалеке вой сирен и напряглась, представив, что сейчас здесь появится полиция. Натан тоже повернулся, и мы оба проводили глазами «Скорую помощь», которая проследовала дальше к кемпингу в горах.

– Иногда забываешь, что несчастья случаются каждый день, – проговорил Натан. – В гостинице есть бар. Кофе приличный, а пиво еще лучше. Посидим там?

– Конечно. – Я последовала за ним. – Вы надолго в городе?

– Пробуду, сколько понадобится.

Никаких сомнений: Натан Колман приехал сюда с четкой целью. Это проявлялось во всем, делало его как-то старше. Сын искал убийцу отца. И пока не найдет, уезжать не собирался.

– А вас не хватятся дома?

Отсутствие обручального кольца не означало, что у него нет жены, детей или постоянной подруги.

– Моя собака, пожалуй, не обрадуется, – он слегка улыбнулся. – За ней присматривают соседи. К счастью, я работаю сам на себя, поэтому легко дал себе отпуск.

Мы взяли пиво, прошли через зал с несколькими разрозненными посетителями и сели за столик в дальнем углу. Никто не обратил на нас внимания.

– Хочу кое-что вам сообщить.

Важно правильно начать разговор и задать тон. Пусть Натан услышит

об этом от меня.

– Я слушаю. – Он отхлебнул пива.

– Сегодня я нашла у себя в почтовом ящике письмо от вашего отца. Сообщила о нем следователю – оно теперь у нее.

Натан ответил не сразу. В устремленном на меня взгляде было столько напряжения, что я отвела глаза.

– И что же в нем говорится? – наконец поинтересовался он.

– Ваш отец просил о встрече. Я не знала, кто он, до того, как следователь назвала имя. Натан, простите, что не сказала вам сразу, я совершенно растерялась. Я двадцать лет ничего о нем не слышала. В ту ночь ваш отец был там из-за меня.

Я выложила все: кто я, как изменила имя, как старалась разделаться с прошлым. И что понятия не имела, зачем понадобилась Шону Колману через столько лет. Натан молча слушал, не меняя ни позы, ни выражения лица.

– Я помню тот случай. Мне было девять лет, – сказал он, когда я замолчала.

Странно было представить себе их семью, следящую за событиями, за Шоном, который вдруг появился во всех новостях со мной на руках. Никогда не думала о людях по ту сторону экрана.

– Он когда-нибудь говорил... обо мне? – спросила я, прерывая тишину.

– Нет. Я уже упоминал, что мы не были близки. Он неохотно вспоминал то время. Родители вскоре после того развелись, и я уехал с матерью в Лексингтон. Рос в другом месте и почти его не навещал. А когда навещал, эта тема не всплывала. – Натан немного отпил. – Отец не любил быть в центре внимания.

Не то что моя мать.

И все же их обоих объединяло отсутствие близких людей, которые хотели с ними общаться.

– А с вашей матерью он не поддерживал отношения?

Натан усмехнулся:

– Какое там! Мама потом вышла замуж, зажила новой жизнью и назад не оглядывалась. У меня теперь два сводных брата и сестра, все в старших классах.

– Хорошо вам.

По крайней мере, у Натана была семья.

– Да, они классные. – Он улыбнулся. – Оливия, мне предстоит встреча со следователем Ригби. Она звонила, сказала, что зайдет. Наверняка по тому же поводу.

– Скорее всего. – Мне повезло, что я на него наткнулась первая. – Я тогда, пожалуй, пойду.

Встала, едва притронувшись к пиву. Натан тоже встал и, казалось, хотел пожать мне руку. Вместо этого он потер одну ладонь о другую.

– Спасибо вам. Спасибо, что сообщили мне.

Первый раз, узнав о моем прошлом, кто-то меня благодарил.

ЗАПИСЬ ЗВОНКА В ДИСПЕТЧЕРСКУЮ СЛУЖБУ

ДАТА: 17 октября 2000 года

ВРЕМЯ: 5:52

Диспетчер: Полиция. Я вас слушаю.

Неизвестный мужчина: Э-э, тут у соседей, кажется, что-то случилось.

Д: Что вы имеете в виду?

НМ: Трудно сказать. Моя соседка кричит, зовет свою дочку. Та вроде бы пропала. Не знаю, я вышел из дома и услышал ее крики.

Д: Назовите, пожалуйста, свое имя.

НМ: Стюарт. Стюарт Госс.

Д: Мистер Госс, какой у вас адрес?

НМ: [Адрес скрыт] Ну, я пойду к ней. Лорел! Лорел, в чем дело? Что там случилось?

Глава 21

Среда, 04:00

Я ПРОСНУЛАСЬ ОТ телефонного звонка. Сердце колотилось как сумасшедшее, мне представилось, что я стою снаружи в темноте, а передо мной лежит человек. Звонок повторился, я резко села на кровати, постепенно узнавая очертания своей спальни. Дверь заперта на крючок изнутри, окно закрыто. Вокруг темно – утро даже не думало начинаться.

Третий звонок, я потянулась к тумбочке. Имя на экране расплывалось в глазах.

– Алло?

– Лив, прости, что бужу среди ночи.

– Беннетт?

Он говорил тихо и отрывисто.

– Я думал, что ты предпочтешь узнать об этом от меня.

– Что? Узнать что?

Ничего не понимая, я силилась сосредоточиться.

– Новость об Элизе.

Я не отвечала, все еще плохо соображая. Что с Элизой?

– Ее нашли вчера. В кемпинге. – Молчание; до меня начал доходить смысл его слов. – Передозировка.

Я резко выдохнула, как будто получила под дых.

Машина «Скорой помощи», которую мы с Натаном видели вчера у гостиницы. Они ехали за ней?

Сколько времени прошло? Как долго сообщение гуляло по чатам, пока не достигло Беннетта? Никто, кроме него, не стал бы мне звонить.

– Но она жива?

Я уже знала ответ. Он звучал в его голосе. В звонке среди ночи. В отрывочных словах. Беннетт пытался сообщить мне страшную новость осторожно, тем самым только оттягивая ее неизбежность.

– Нет, она... – Он замолчал. – Ее нашли в одном из пустых домиков. Вчера, когда туда заселялась новая пара. Прошло слишком много времени, Лив. Было слишком поздно.

Мой мозг клинило на деталях. Почему в кемпинге? Она же уволилась, съехала... как она вообще там оказалась? Будто детали были очень важны, будто могли изменить смысл услышанного. Будто нелогичность обстоятельств отменила бы и остальное, вернула бы все на место.

– При чем тут кемпинг?

– Рядом нашли ее машину, набитую вещами. – Беннетт помолчал. – Лив, ты как?

– Что? Не знаю.

Перед глазами все поплыло. Я вскочила, бросилась к двери, дернула ее – заперта на крючок. Мне не хватало воздуха.

– Я перезвоню, – выдохнула я, отбросив телефон.

Вытащила из шкафа стремянку. Царапанье металлических ножек по полу не оставляло сомнений в реальности происходящего. Так же, как и холод пола под босыми ногами. Крючок, до которого я едва дотянулась. Хрип в горле, предупреждающий о том, что я вот-вот задохнусь, если не глотну свежего воздуха.

Паническая атака. Я ее узнала, но остановить не могла.

Наконец я распахнула дверь и выскочила в коридор. Держась за стену, я добрела до гостиной, оттуда к выходу и наружу – на крыльцо. Я стояла, схватившись за голову, заглатывая ночной воздух и уговаривая себя: «Это всего лишь паника, она пройдет, только дыши». И тут я поняла, что плачу.

Вернувшись в дом, я услышала дребезжание приборов в ящике на кухне – как обычно, когда закрывалась задняя дверь. По пути щелкая выключателями, я думала: «Элиза со своими дурацкими шуточками». В кухне никого не было, дверь заперта.

В памяти возник образ медленно поворачивающейся ручки в моем кабинете. Может, кто-то дернул дверь, пытаюсь войти с заднего крыльца?.. Я щелкнула выключателем, но свет снаружи не зажегся. Беннетт заменил лампочку на переднем крыльце, а теперь перегорела эта.

Плохо я заботилась о доме, латая по ходу дыры, вечно опаздывая с починкой. Слишком расслабилась на новом месте, в новой жизни. Потеряла бдительность. Не желала замечать опасность, даже когда та подступила к порогу, надеялась, что она улетучится сама по себе.

Я перестала искать Элизу после звонка предыдущему работодателю. Пошла у Беннетта на поводу – а следовало бы прислушаться к своей интуиции. Он меня уговорил и оказался не прав. Нечего было его слушать, нечего было ему вообще звонить. Я же чувствовала неладное, как раньше чувствовала то же в матери, и ничего не сделала.

Надо было продолжать ей названивать. Отправлять сообщения. Ехать и расспрашивать ее знакомых – ту же Эрин, например. А теперь Элиза умерла. В одиночестве, в кемпинге, в четырех смыкающихся стенах, откуда больше не выбраться.

Образ Элизы продолжал преследовать меня в собственном доме: вот она присела на край кровати, глядя в окно; вот готовит яичницу на кухне. Я

закрывала глаза и слышала ее голос: «Мне так страшно, Лив». Хотелось за что-то зацепиться, вспомнить последние сказанные ею слова. Но все путалось, таблетка затуманила тогда сознание, и последние проведенные с ней минуты канули в небытие вместе с другими недоступными мне воспоминаниями.

Повернуть бы время вспять. Повести себя иначе. Позвонить в полицию и настоять: «Она пропала. Это на нее не похоже, я беспокоюсь». Протянуть ей руку помощи, повести себя как настоящая подруга.

Действуя на автомате, я оделась, собрала сумку, заколола волосы. Все это я с таким же успехом могла проделать и во сне. Я слышала, что сомнамбулы все делают машинально, повторяют привычные действия, движимые мышечной памятью. В таком состоянии человек вполне может одеться, зашнуровать ботинки, выйти из дома на улицу. Может взять ключи и сесть в машину. Может открыть ящик и достать оттуда нож.

Вполне.

Больницу заволокло какой-то мрачной дымкой. Меня беспокоила судьба других медсестер, их пациентов. Но жизнь как будто просачивалась ко мне сквозь стену, я чувствовала себя и действовала отрешенно, как в замедленной съемке. Никак не могла стряхнуть с себя заторможенность.

Просматривая за обедом почту на телефоне, я не понимала, что читаю. И даже прочтя дважды и поняв, что от меня хотят, я не испытала должного волнения.

Журналисту требовалось подтвердить некоторые факты: что мое имя Оливия Мейер, адрес, даты учебы в колледже, текущую должность и прочее. Просил ответить до полудня. Часы показывали 12:03.

Никаких эмоций.

Из ступора меня вывел телефонный звонок: следователь Ригби. Хорошо хоть не лично заявилась.

– Хотела вам сообщить, – начала она вместо приветствия. – Мне утром звонил журналист, расспрашивал о деле.

– Сама только что прочитала. Ничего не поняла. Какое отношение это имеет к Шону Колману?

Все вопросы касались подтверждения фактов, которые можно найти в открытом доступе. Ничего связанного с событиями пятницы.

– Послушайте, Оливия. Я не дала никакой информации, но у них ее уже предостаточно. И они намеревались выведать еще больше. Все выйдет наружу, я не могу этому воспрепятствовать. Я честно пыталась.

Я не особо ей верила, потому что информация обо мне не помешала бы

расследованию.

– Что именно выйдет наружу? – спросила я, упершись локтями в стол и подперев лоб ладонью.

– Насколько я понимаю, они успели пообщаться с вашим научным руководителем в аспирантуре.

– В колледже о моем прошлом никто не знал.

Я поступила как Оливия Мейер, никакой связи с Арден.

Следователь выдержала паузу.

– Знали, Оливия. Знали.

В ушах зазвенело.

Джона. Неужели он знал? И поэтому за мной приударил? Не разглядел во мне нечто особенное, а заинтересовался моим прошлым? Запал на тайну, которую можно разгадать?

– Они копались в вашем прошлом, – продолжала следователь. – Упомянули пару инцидентов, надеялись получить в ответ информацию. – Немного выждав, она спросила: – Вы ни о чем мне не хотите сообщить?

Я молчала. Внутри все сжалось в комок.

Не дождавшись ответа, Ригби продолжала:

– Я дала им понять, что не вправе распространяться о текущем расследовании, но они совершенно точно докопаются до связи между Шоном Колманом и вами. И я не смогу вам помочь, если вы не поможете мне.

Я думала лишь о том, кто дал им эту информацию. Кто-то из коллег? Секретарша доктора Кела, на всякий случай анонимно что-то сообщившая? Сам доктор, надеющийся на прорыв в карьере, как многие до него? Или все же проболтался Беннетт?

Да кто угодно! В прошлый раз все начиналось так же, и в итоге я вообще перестала кому-либо доверять. Единственным способом выкрутиться было молчать. Молчать и переезжать.

– Понимаю, на вас много навалилось. И все же нельзя вечно отмалчиваться. – В голосе следователя послышалось нетерпение. – Журналисты упоминали о каких-то проявлениях агрессии в прошлом.

Психотерапевт называла это симптомами посттравматического расстройства. Так объяснили случай с той девочкой в раздевалке. И с тем парнем в колледже. Реакция на замкнутое пространство. Именно то, что хотела услышать следователь. Ей хотелось моего признания, но я больше в эти игры не играла. На собственном опыте знаю, что случается, когда твоя история попадает в чужие руки.

– Вчера умерла моя подруга, – процедила я сквозь зубы. – Вы в курсе?

Элиза Ферано, от передозировки. Так что извините, что мне сейчас не до случаев десятилетней давности. Людям нужны истории, им не важно, что с нами будет потом. Им даже не важно, правда все или нет, лишь бы история впечатляла.

Следователь помолчала, прежде чем ответить.

– Мне понятно, что вы не хотите разглашать свое прошлое. Может, вы и ночью в пятницу оберегали свой секрет?

Вот и мотив. Я убила его, намеренно или нет, чтобы сохранить в тайне свое прошлое.

Все резко изменилось.

– Я же сама сообщила, кто я и откуда знаю Шона Колмана. Вам это ни о чем не говорит?

– Может, не стоит по телефону?..

– Совершенно с вами согласна.

Я отключилась до того, как она успела что-либо сказать. Опустив голову на руки, я принялась считать удары сердца.

Все охотились за историей, и они ее получили. Таинственное прошлое. Чужие секреты, погребенные в темных закоулках чьих-то душ.

В конце концов я взяла телефон и нашла сообщение от Беннетта с номером его сестры Маккензи Шоу.

После нескольких гудков включился автоответчик.

– Здравствуйте, меня зовут Оливия Мейер. Я знакомая Беннетта. Похоже, я попала в переделку.

Я не выходила из кабинета до конца дня. Куда мне было идти? Сосредоточилась на работе, подскакивая от каждого нового уведомления в почте.

Внутри все опустилось при виде сообщения от босса: «Это правда?» – и ссылки на какую-то статью. Правдивая статья или нет – значения не имело. Проблема была в ее наличии.

Но я все равно прочитала. Чтобы подготовиться. Чтобы знать, как отбиваться. Больше мне ничего не оставалось. Для всех это текущая версия правды. С этой минуты любое мое действие должно быть направлено на ее опровержение.

Каждый норовит стать частью истории. Продать слова, продать друзей, продать душу.

И посмотреть, что получится.

Осторожно. Пути назад нет.

ЖУРНАЛ «ОБЗЕРВЕР» – ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЫПУСК

26 августа 2020 года, 15:47

Национальная знаменитость причастна к убийству: Спустя двадцать лет девочка из Уидоу-Хиллз в центре расследования Автор: Элис Перри

Двадцать лет назад Арден Оливию Мэйнон вытащили из водоотводных труб, проходящих под городом Уидоу-Хиллз в штате Кентукки. Нашумевший случай с шестилетней девочкой, которую во сне смыло ливневым потоком, отозвался в сердцах многих. За поисками следила вся страна, пока тридцатидвухлетний Шон Колман не увидел ее три дня спустя, уцепившуюся за решетку одного из заброшенных стоков за городом.

Почти через двадцать лет счастливая развязка закончилась трагедией.

Рано утром в субботу Шон Колман был найден мертвым на границе одного из участков в городе Централ-Вэлли, Северная Каролина. По официальным данным, земля принадлежит семидесятилетнему Риду Эймсу и граничит с участком двадцатилетней Оливии Мейер.

У Оливии Мейер и Арден Оливии Мэйнон совпадают дни рождения. Следователь по делу отказалась дать какие-либо комментарии или подтвердить, что Оливия и Арден – одно и то же лицо, как утверждают некоторые источники.

Согласно таким источникам, Арден Оливия Мэйнон прекратила существование вскоре после десятой годовщины несчастного случая и превратилась в Оливию Мейер. Несмотря на недоступность записи о смене имени, администрация Университета Центральной Каролины определила настоящую личность девушки уже при ее поступлении.

«Нас поставили в известность. В ее документах содержались некоторые проблемные моменты. Учитывая историю снохождения и несколько инцидентов в прошлом, мы были обязаны обеспечить безопасность остальных студентов, особенно в отношении проживания, – сообщила нам директор приемной комиссии Арлен Шор. – Хотя никаких инцидентов за все время учебы у нас не зарегистрировано. Согласно нашим отчетам, она была образцовой студенткой».

Однако те, кто знаком с ней лично, думают иначе. Ее научный руководитель в аспирантуре, профессор, попросивший не называть своего имени, сообщил: «Неблагополучная девушка. Очень умная. Изоцренная лгунья».

Вот уже два года как Оливия Мейер работает в администрации больницы Централ-Вэлли. Нам неясно, поддерживала ли она контакт с Шоном Колманом все эти годы. Большинство ее коллег отказываются

предоставлять информацию, но одна согласилась сделать анонимное заявление: «Слишком уж подозрительно для совпадения. Человек убит среди ночи возле дома девушки, страдающей сомнамбулизмом».

Пока у нас больше вопросов, чем ответов. На момент публикации данной статьи Оливия Мейер отказывается давать какие-либо комментарии.

Глава 22

Среда, 17:45

НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ ДЕВУШКА.

Интересно, сколько раз Джона пытался со мной связаться, пока до него не дошло, что я заблокировала номер? Разозлился, что его так отрубили? Дал интервью журналистам по пьяни, что случилось в последнее время все чаще? Или просто хотел отвертеться, пока самого не впутали в неприглядную историю?

Он тоже не дурак и, как и я, понимал, что важно изложить свою версию первым. Не дай бог я выложу нашу с ним фотографию в соцсетях с надписью: «Неблагополучная девушка и ее научный руководитель».

Ведь он понятия не имел, на что я способна.

Я представила себе, что меня ждало дома. Раз пошли мейлы, то начнут появляться и письма. А за ними и репортеры у дверей. С каждым часом все больше.

После работы я поехала в кемпинг, где нашли Элизу. Никакой конкретной цели у меня не было. Возможно, я, как Натан, надеялась что-то почувствовать из-за близости к месту действия.

На улице еще не стемнело, но из-за массивных деревьев вдоль горной дороги создавалось впечатление позднего вечера. Выйдя из машины, я почувствовала, что здесь градусов на пять холоднее, чем в долине.

Желтая лента поперек двери в один из домиков, там же табличка «Вход воспрещен». Остальные домики пустые; смерть наверняка распугала постояльцев. На воротах кемпинга знак «Закрывается».

Подходить ближе не было смысла. Того, что я искала, тут уже не найти. Внутри холод и пустота. Растущее чувство вины. Комок в горле, и некому даже сказать: «Да, мы дружили. Она была хорошей подругой, мне ее не хватает».

Я села в машину, достала карточку Натана с номером на обороте.

– Натан слушает, – ответил он. У него, должно быть, высветился незнакомый номер, так как я не давала ему своего.

– Привет, это Лив.

И что дальше? Зачем я ему позвонила? Искала повод не возвращаться домой?

– Что случилось? – Он как почувствовал неладное в моем голосе.

– У меня подруга умерла. – Слова давались с трудом, как исповедь. – Даже не знаю, зачем звоню. Я недалеко и подумала, не закончить ли нам то пиво?

Пауза.

– Хорошо, жду.

Натан встретил меня в холле гостиницы. Он расположился на диване напротив камина, над которым висел телевизор. В новостях говорили о погоде, о тепловой волне в центре страны. Никаких убийств, никаких экстренных сообщений.

На столике у дивана уже стояли две бутылки того же пива, что и накануне. Завидев меня, Натан поднялся и взял бутылки со стола.

– Я подумал, что лучше попросить навынос, – сказал он, – и выпить у меня в номере. Если не возражаешь.

Я кивнула и пошла за ним по коридору. Мне нравилась его уверенность и прямолинейность; не приходилось гадать, что у него на уме. И еще нравилось, как он спрашивал мое мнение, ненавязчиво сообщая свое.

Последний угловой номер. Мы зашли в небольшое помещение, одновременно служившее гостиной и кухней.

– Тут немного уютнее, чем в кафе. Не так удобно, как в холле, зато можно уединиться.

Телевизор показывал те же новости, почти без громкости.

– Да, отлично.

Я присела на край кушетки, Натан сел на другой, повернувшись ко мне лицом.

– Ну рассказывай, что случилось с твоей подругой.

Я отпила большой глоток пива и проглотила, надеясь протолкнуть застрявший в горле комок.

– Элиза умерла от передозировки. – Я покачала головой. – Мы работали вместе, она чуть моложе меня... Я даже не подозревала, что у нее зависимость.

– Так оно обычно и бывает.

– Но я замечала по своей матери.

Мне явно не давала покоя мысль, что, будь я поменьше занята своими проблемами, я разглядела бы их у Элизы. Она, наверное, и Тревора снабжала, раз он так увивал. Потому и дал ей тогда в баре свой номер.

– Хм, – промычал Натан, облачиваясь на твердые подушки. – Мой отец выпивал, когда я был маленьким. А я сообразил, только когда от него ушла мама. Просто у некоторых лучше получается скрывать.

Видимо, за этим я и пришла. После каждого разговора с Натаном я испытывала какое-то облегчение, чувствовала себя менее виноватой, что ли. Как если бы поделилась с ним секретом.

– Мне двадцать девять, а я при маме даже пива не могу выпить. Говорю

ей, что хуже, когда скрывают, в этом же вся суть? – Он подавил улыбку. – Мой младший брат – вот кто уж точно задаст ей хлопот.

– Тогда ему повезло, что есть ты.

– Они пару лет назад переехали, теперь мы, к сожалению, видимся нечасто. У меня вся клиентура рядом с домом – не так-то просто сняться с места.

– Понимаю.

Думать о том, что придется начинать все сначала, не хотелось. Даже если удастся выпутаться из нынешней ситуации. Я то и дело бросала взгляд в телевизор – не заговорят ли обо мне?

– Могу выключить, если мешает, – предложил Натан. – Не стоит лишний раз напоминать себе о смерти подруги.

– Вряд ли о ней расскажут в новостях. – Передозировки наркотиков – слишком частая причина смерти. Как в городах, так и в сельской местности. – А вот обо мне тем временем вышла статья. Ты уже видел?

Натан отрицательно покачал головой.

– Не важно. Сплошное вранье. Даже знакомых обо мне расспросили. И те такого наговорили!

– Тебя обвиняют?

Натан, возможно, не знал подробностей старого случая и не начал, как Беннетт, рыться в интернете сразу, как я ушла. Или не особенно доверял тому, как фабриковались подобные истории.

Я поморщилась.

– Не напрямую. В статье меня называют «причастной к делу».

– Ты не единственная, причастная к этому делу. Зато, пожалуй, самая интересная. – Полуулыбка, пальцы, отбивающие ритм на бутылке. – На мобильный отца в ту ночь поступило несколько неотвеченных звонков. С одноразового телефона. Такие невозможно отследить.

Я выпрямилась. Вот оно. Вот зачем я здесь. Я чувствовала в Натане союзника. С ним мы могли докопаться до правды, пусть и с разных сторон.

– А сообщений не было?

– Не-а. Никаких.

Меня передернуло при воспоминании о том, как я стояла над телом Шона Колмана. Ему кто-то звонил прямо перед тем, как я на него наткнулась. И тот звонок меня разбудил.

– А ты... ты тоже считал, что отца убила я?

Я не могла не спросить. Другие ведь так думали. Следователь Ригби, Рик... Вдруг Натан завел разговор про телефон, чтобы проверить мою реакцию?

Он сделал глоток, сел поглубже, не торопясь с ответом.

– Глядя на тебя, не могу представить. – Я чувствовала на себе его взгляд. – Не представляю, чтобы отец дал себя убить без сопротивления. Такой здоровяк, как он, по сравнению с тобой... Если только ты его не подкараулила, но я так понимаю, что караулил-то он. То есть по логике вещей это исключено. Ты не тянешь на убийцу.

Если я не чувствую себя в западне.

Натан провел пальцами по моим волосам и отвел их от лица – непонятно, как он вдруг оказался так близко, если по-прежнему сидел на другом краю кушетки.

– Не верю, – повторил он, – что это сделала ты.

Хорошо бы и остальные включили логику. Я смотрела на него, думая, как мне повезло, что мы встретились.

– Странно, что после всей той шумихи я даже не знала, что у Шона Колмана был сын. Никогда не слышала...

Я не закончила фразу, так как никогда и не интересовалась. Истории обычно сами догоняли меня, хотела я того или нет.

– Для нас все было иначе, чем для вас, – произнес Натан.

– Жаль, что мы не пересеклись раньше.

Рядом с Натаном мне хотелось потеряться, обо всем забыть, хотелось услышать, чего бы он хотел от меня и что мог бы предложить взамен. Он погладил меня по волосам, и я наклонилась было к нему, но замерла. Даже теперь я сомневалась в своих мотивах и намерениях. Возможно, я просто доказывала себе и другим, что если Натан Колман мне поверит, если я ему понравлюсь, то я не убийца.

– Прости, – сказала я, – можно я... отлучусь на минутку? Мне надо умыться, немного привести себя в порядок.

– Ты и так в полном порядке, – сказал он с улыбкой. Однако руку опустил. – Ванная за спальней; не обращай внимания на беспорядок.

Я вошла в спальню, прикрыв за собой дверь. Громкость на телевизоре прибавилась, и я услышала, как дикторы обсуждали нарастающую опиоидную эпидемию.

Кровать застелена, дверь в ванную – за шкафом. Никакого беспорядка, лишь полотенце на стенке душа и сумочка с туалетными принадлежностями. Умывальник в спальне, напротив зеркальной двери шкафа.

Я ополоснула лицо и повернулась, ища полотенце для рук. Единственное, которое я видела, висело на душе. Я вытерла одну руку о рукав и потянулась к шкафу, где обычно в отелях лежали полотенца и

постельное белье.

Отодвинув дверцу шкафа, я на верхней полке увидела полотенца. Натан еще не развесил одежду. Очень мило, подумала я; о человеке можно многое сказать по вещам, которые он прячет от чужих глаз.

Раскрытый чемодан лежал на полке ниже. Натан действительно собирался здесь задержаться – вещей хватало как минимум на неделю. Ноутбук в чехле поверх сложенных стопкой рубашек. Я провела по нему рукой, прикидывая, можно ли доверять парню, которого знала всего несколько дней.

Внутренний голос твердил «да». Натан меня понимал. Однако выбило из колеи, что кто-то из коллег проболтался. Кто еще что выболтает в ближайшие дни?

Беннетт наверняка порылся в моих вещах, когда наводил порядок. Хотя ума не приложу, что там искать. Элиза, возможно, тоже. Во всяком случае у меня в шкафу кто-то рылся. Я так и представляла, как она берет браслет и примеряет его на себя, не зная, что он для меня значит.

Я поднесла к лицу кожаную куртку Натана: приятный запах. Напомнил мне о том, как я увидела его в первый раз, в темных очках, рядом со следователем Ригби.

Под курткой лежала картонная папка с бумагами, перетянутая резинкой. Неприятно задрожали руки. Информация о расследовании? Факты, полученные от следователя Ригби, о которых мне не сообщили? Путь к моему освобождению?

Я заглянула в гостиную через приоткрытую дверь – Натан сидел на кушетке. Осторожно сняла резинку и открыла папку.

Сверху лежала распечатка сегодняшней статьи, которую он якобы не видел. Повернув лист другой стороной, я обомлела: запись репортажа двадцатилетней давности. Стенограмма пресс-конференции в день моей пропажи с обращением к населению по поводу розыска.

Дальше – больше: интервью с очевидцами, метеорологические сводки, информация по системе водоотвода. Дрожащими руками я переворачивала страницу за страницей. Стенограмма репортажей в прямом эфире в день, когда меня нашли, запись звонков в полицию – от моей матери и других жителей. Статьи десятилетней давности. Письма без адреса отправителя со штампами Лексингтона, Кентукки.

Натан лгал.

Он с самого начала знал, кто я.

– Оливия? – услышала я и бросила папку на чемодан. – Ты там разобралась?

– Секунду! – крикнула я, включая воду.

Я выхватила телефон и принялась один за другим фотографировать каждый листок в стопке, не понимая, что все это значит. Заглянула в конверты – угрозы и предупреждения. После десятой годовщины они посыпались на нас в таком количестве, что нам пришлось переехать. Эти вернулись, не застав адресата? Отправлены из Лексингтона, Кентукки. Где он жил с матерью?

Я ошиблась: Натан Колман был не тем, за кого я его принимала. Под письмами лежали другие статьи, фотографии нашего старого дома, карта Уидоу-Хиллз... все кричало о давней одержимости.

Моя история, сложенная из разрозненных обрывков в хронологическом порядке. На кой черт ему это понадобилось?

А вдруг Шон Колман собирался предупредить меня именно о нем, о своем сыне?

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил Натан почти у двери.

Я захлопнула папку, наспех перетянула ее резинкой и сунула обратно под куртку. Как раз закрыла дверцу шкафа, когда он вошел.

– Оливия?

– Я здесь.

Пульс отдавался в кончиках пальцев, щеки пылали. На шее, куда теперь смотрел Натан, наверняка пульсировала жилка.

– Я лучше пойду, – пробормотала я.

– Останься. – Он шагнул ближе. – Я что-то не то сказал? Не уходи.

Отсюда был только один выход – через дверь за спиной младшего Колмана. О том, что я здесь, не знал никто. Я в ловушке.

– Получила сообщение, – проговорила я, показывая на телефон в руке. – Мне нужно идти.

Я нервно сглотнула и задержала дыхание.

– От кого? Ты можешь спокойно отсидеться здесь.

Натан шагнул вперед, полностью закрывая от меня дверь. Мне стоило огромных усилий не побежать. Я старалась успокоиться. Представить, что все происходит не со мной. Вспомнить, что я три дня выживала в крошечной тьме под землей.

– Если следователь узнает, что я здесь, нам не поздоровится.

Отчаянное напоминание о том, что мы под наблюдением следователя Ригби, которая обязательно придет, что он не может мне ничего сделать, по крайней мере, пока я представляю интерес для других.

Натан улыбнулся.

– Надеюсь, ты ко мне не за информацией приходила? – Должно быть,

что-то изменилось в моем лице, потому что он легонько похлопал меня ладонью по щеке. – Я шучу.

Натан провел большим пальцем по моему подбородку, отчего по коже пошли мурашки. Не знаю, как я сдержалась, чтобы не отстраниться. А потом он отступил, освобождая проход к двери.

Три шага до гостиной. Выдох. Шесть шагов до двери.

– До скорого, – услышала я, взявшись за ручку.

– Пока, Натан, – выдохнула я, не оглядываясь.

Пристегнуться удалось только с третьей попытки. Руки дрожали, я не спускала глаз со входа в гостиницу. Натан за мной не вышел.

Выезжая с парковки, я позвонила Рику.

– Оливия, с тобой все в порядке? – сразу спросил он.

Перед этим я предложила перестать общаться, как мне советовала следователь Ригби. Но теперь мне нужна была его помощь.

– Рик, возле моего дома кто-нибудь есть?

Надо непременно попасть в дом, забрать вещи. Я знала, что нужно делать. Во всем теле пульсировала одна-единственная мысль: уезжай, уезжай, уезжай.

– Да, тут у дороги чья-то машина. Они звонили мне в дверь, но я не открыл.

– Рик, мне нужно будет ненадолго уехать из города. Ты не волнуйся, со мной все в порядке.

Молчание. Наверное, он подумал о том, как в спешке уехал его сын.

– Я вернусь, – пообещала я. – Просто кое-что выясню.

Наконец он ответил, тихо и сдержанно:

– Будь осторожна.

– Обязательно, Рик.

Я оставила машину на улице Хэймер, прошла, не включая фонаря, между деревьями. Темнота и открытое пространство не пугали. Сердце бешено колотилось от мыслей о том, что меня ждет, кто поджидает или следит за мной. Через ручей, через двор к заднему крыльцу с перегоревшей лампочкой.

Я тихо повернула ключ, тайком пробралась в собственный дом. Включив фонарик на телефоне, покидала в сумку кое-какую одежду, предметы первой необходимости и ноутбук.

Уже на полпути к двери я оглянулась и увидела созданный мной впопыхах беспорядок: сумочка с наполовину выпавшим из нее содержимым, одежда, торчащая из плохо задвинутых ящичков.

По спине пробежал озноб. Такую же картину я видела в квартире у Элизы. Она даже дверцу машины не захлопнула.

Будто от чего-то спасалась. Будто знала, что времени нет.

Что ее вот-вот кто-то настигнет.

ПАПКА: ВХОДЯЩИЕ

OLIVIA.MEYER@CENTRALVALLEYHOSPIRALNC.ORG

Тема: ВЫНУЖДЕННЫЙ ОТПУСК

Мисс Мейер!

В связи с характером текущего расследования и повышенным вниманием прессы и телевидения, вы с настоящего момента находитесь в оплачиваемом отпуске до дальнейших указаний. Пожалуйста, верните ваш пропуск и ключ как можно скорее.

Тема: ПРОСЬБА ОБ ИНТЕРВЬЮ

Мисс Мейер!

Мы крайне заинтересованы в том, чтобы услышать вашу версию происходящего. Свяжитесь с нами по указанным ниже координатам. Мы можем напечатать опровержение обвинений в ваш адрес незамедлительно. Ждем вашей реакции.

Тема: ПРОСЬБА О ЗАЯВЛЕНИИ

Привет, Оливия!

Это Элис из «Обзервера». Пишу на предмет ответного заявления на мою вчерашнюю статью.

Тема: КАКОГО ЧЕРТА?..

Я думала, мы друзья. Как ты могла держать такое в секрете?

Тема: ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОМОЩИ

Мы с Вами незнакомы лично, но я работаю здесь в больнице и тоже дружила с Элизой. Если Вам нужна поддержка, обращайтесь.

Тема: ПОМНИШЬ МЕНЯ?

Я тебя помню. Со школы. Я знала, что ты убийца, с тех пор как ты впечатала меня в стену.

Тема: ПРИВЕТ ОТ ЭММЫ ЛАЙОНС

Дорогая Оливия!

Я пыталась связаться с тобой раньше, когда работала над серией репортажей, освещающих розыски в Уидоу-Хиллз. Мы никогда не общались лично, но я была знакома с твоей матерью. Дай знать, если что-либо понадобится. Постараюсь помочь.

Глава 23

Четверг, 06:15

ЧТО, ЕСЛИ ЭЛИЗА спасалась от Натана Колмана?

Сколько времени тот провел в городе? Может, она видела его раньше у моего дома и боялась, что он вернется? Может, об этом и предупреждала Беннетта?

Шон Колман тоже хотел меня предостеречь. Значит, это Натан убил своего отца, когда тот бродил возле дома?

О сне не могло быть и речи. Вся в напряжении, я дергалась от каждого шороха, каждого отсвета фар за окном.

Накануне я остановилась на полдороге к Уидоу-Хиллз в каком-то забытом богом месте. Ехала сюда по темной горной трассе, постоянно глядя в зеркало заднего вида. Нашла малюсенький мотель, в котором меня не выследят репортеры, даже если я оставлю имя и номер кредитной карты. И Натан не найдет.

А я знала, что он будет искать.

Потому что он – маньяк, одержимый навязчивой идеей. Смог бы он убить собственного отца, чтобы тот не успел меня предупредить? Так ли неизбежна святость отношений между родителями и детьми, что я не должна рассматривать такую возможность? Он же сам говорил, что они не были близки.

К утру, поспав несколько часов, я хоть и не выспалась, но, по крайней мере, успокоилась. Сев на кровати, я открыла ноутбук и просмотрела свою рабочую почту.

Вычислить адрес моей электронной почты было несложно – все сотрудники больницы имели типовые адреса: имя, фамилия, собака, домен. И все же в животе противно заныло при виде массы писем от знакомых и незнакомых людей.

Я прочитала их все. Нужно быть готовой.

Очевидно, пресловутая статья успела за ночь широко распространиться. Журналисты просили об интервью или хотя бы о комментарии.

В глаза бросилось письмо от девочки из бывшей школы. Я хорошо помнила тот случай. Из-за нее меня отправили домой да еще потребовали пройти курс психотерапии. Можно подумать, она была не зачинщицей, а жертвой.

Жертва – стойкость – триумф. Перетасованные роли – новая история.

Хотя по прошествии стольких лет одноклассница, возможно, действительно помнила только о том, как я впечатала ее в стену, а не о том, как она заманила меня в раздевалку и издевалась надо мной, загородив

выход.

Голые бетонные стены, ряды металлических шкафчиков и никаких окон. Удушливая влажность и единственная дверь. Холодный пот и мурашки – первое предупреждение. Перед глазами все плыло, пока я не вспомнила, что я уже не шестилетняя малышка, ожидающая спасения. Я могла вырваться. Стремление к освобождению превыше всего остального, включая тех, кто стоит у меня на пути.

Я кликала «Удалить» возле каждого письма, пока не наткнулась на имя, которое давно не встречала: Эмма Лайонс.

Эмма вела репортажи о моих поисках на местном телевидении. Я нашла ее во время ее знаменитого интервью с матерью, что закрепило за ней твердое место в нашумевшей на всю страну истории. Взлет ее карьеры был стремительным. Я взяла телефон и искала ее среди фотографий из подборки Натана: интервью Эммы с матерью, когда я нашла ее; репортаж Эммы с места событий, когда меня вытаскивали; единственное интервью Эммы с Шоном Колманом.

Везде она.

В каждой статье содержалась ссылка на видеозапись с места событий. Теперь, на кровати в комнате мотеля, я решила посмотреть эти видео. Женщина в голубом платье пробирается через кусты, преодолевает какие-то препятствия, упорно идет к цели. В ней сочетались достоинство и азарт: каблук, утопающие в грязи.

После событий Эмма Лайонс начала сама давать интервью как знаток всех подробностей тех ужасающих дней. У нее был мягкий южный говор, который она не скрывала.

Разумеется, кроме нее были и другие. Разные программы, разные каналы. Но именно Эмме посчастливилось на глазах у всех сообщить новость моей матери. Именно ей досталась роль ведущей в той истории – она стала столь же популярной, сколь и сцена спасения.

Я ответила на ее мейл, решив пока не звонить. «Мне действительно нужна ваша помощь. Вы что-нибудь знаете о сыне Шона Колмана?» В конце письма я приписала номер своего мобильного и вернулась к просмотру видео.

Ее интервью с Шоном было коротким. Он выглядел молодым и неуверенным в себе. Зверь, попавший в лучи прожекторов и не понимающий, что происходит. Никаких вопросов о нем самом. Никаких упоминаний о том, что у него жена и девятилетний сын.

Наконец, запись знаменитого интервью Эммы с матерью. Я знала его наизусть, однако теперь сосредоточилась на матери, с горечью сознавая,

что больше ее не увижу.

Качество видео двадцатилетней давности оставляло желать лучшего. Мать нервно жестикулировала, теребила лямки сумки на плече. В какой-то момент она чуть повернулась, и я остановила видео. Отмотала назад, пересмотрела.

Полотняная сумка – плод усилий штаба добровольцев по сбору средств. На ней – мое школьное фото на голубом фоне с надписью «Вы меня видели?» и номером телефона. Мать держала ее перед собой, чтобы та находилась в камере.

По затылку пробежал холодок. Сумка из посылки. Обтрепанная, с голубым пятном на том месте, где когда-то была фотография. Мать хранила ее до сих пор. Так всю жизнь и не рассталась ни с ней, ни с браслетом.

Телефонный звонок, незнакомый номер.

– Алло?

– Боже мой, неужели это и в самом деле ты? – Голос глубже, более хриплый, но я безошибочно узнала говор. Я только что его слушала.

– Эмма, я знаю, что вы пытались со мной связаться, – сказала я. – Прошу прощения, что не ответила раньше. Я готова дать вам интервью в обмен на помощь.

Любую историю можно продать.

– Дорогая, мне ничего от тебя не нужно. Если честно, я надеялась, что никогда больше о тебе не услышу. Думала, что ты залегла на дно и зажила своей жизнью вдали от всего этого. От всех нас.

– Так и было. Но вы сами знаете, что сейчас происходит. Поэтому мне нужно вас кое о чем спросить...

– Разумеется, Арден... Оливия, – поправилась Эмма. – Послушай, хоть я тебе и написала, такие вещи лучше обсуждать лицом к лицу. Не пойми меня превратно, но я должна убедиться, что говорю именно с тобой.

– Понимаю.

– Ты в Северной Каролине?

– Я там живу. А прямо сейчас еду в Уидоу-Хиллз – надо кое-что выяснить.

– Если у тебя есть немного времени, я оттуда в двух часах езды. Тебе должно быть по пути. Заезжай – отвечу на твои вопросы.

По адресу, продиктованному Эммой Лайонс, я приехала в пригород Лексингтона – пейзажи из холмов и полей, навевающие мысли о далеком прошлом. Дом в колониальном стиле, перед ним – фонтан в центре небольшой ротонды, окруженной живой изгородью. Заехав в открытые

железные ворота, я увидела Эмму, босиком спускающуюся мне навстречу. У ее ног семенила беленькая собачка.

Стриженные волосы, коричневые шорты, бледно-оранжевая блузка. Совсем не телеведущая на тех видео. Хотя улыбка та же.

– Ой, ты только глянь! – воскликнула она, когда я вышла из машины. – Я бы тебя ни за что не узнала. Надо же, как ты повзрослела!

За двадцать лет она заметно постарела. Чуть более резкие черты лица, без макияжа не такие большие глаза, морщинки, придающие естественность. Ей теперь должно быть за пятьдесят.

– Не возражаешь, если я взгляну на твое удостоверение личности?

Я протянула ей права, нисколько не обидевшись на просьбу. Я приложила много усилий, чтобы не походить на Арден Мэйноу. Эмма подняла взгляд с фотографии на меня, и я закатала рукав.

– Такое не подделаешь.

Она нахмурилась при виде белого шрама поперек плеча.

– Ну, входи же, входи, – спохватилась хозяйка, жестом приглашая меня в дом.

Она проводила меня в гостиную, собачка следовала за нами. На столе стояли графин с лимонадом и тарелка с бутербродами.

– Я подумала, вдруг ты будешь голодная.

Эмма разлила лимонад по стаканам. Ее руки еле заметно дрожали, и я догадалась, что она нервничает.

Садиться я не стала, однако бутерброд взяла, просто чтобы чем-то занять руки.

– Вы, конечно, слышали о Шоне Колмане, – начала я, – и наверняка читали статью?

Она кивнула, стоя по другую сторону стола, то и дело бросая взгляд в окно.

– Ты упомянула в письме, что с тобой связался его сын?

– Вроде того. Я думаю, он... одержим. Той историей. Или мной. Я обнаружила у него целую папку с материалами, относящимися к тем событиям. Там собрано все, даже звонки в полицию.

Эмма отпила из своего стакана, и в нем зазвенел лед.

– Он приезжал ко мне накануне десятой годовщины.

– Да ну? Я же тогда еще в школе училась, ему было всего...

– Девятнадцать, – подсказала она. – Девятнадцатилетний, самоуверенный и очень целеустремленный парень. Я согласилась на разговор только из-за его отца. Надеюсь по случаю всех вас собрать – Шона Колмана, тебя с матерью – и сделать специальный выпуск о

радостной встрече.

Только ничего не вышло. Я тогда отказалась от участия, хотя мать и пыталась меня заставить. Шон тоже не согласился на интервью.

– Так вот, Натан сообщил, что у него есть сенсация. Что его отец однажды сказал по пьяни одну вещь. Насколько я поняла, Натан спросил его, почему тот не хочет давать интервью. – Она отвернулась. – Короче, по словам Натана, отец клялся, что проходил в том месте каждый день с начала поисков и что тебя там не было. В какой-то момент он якобы даже заглядывал в тот самый люк.

Я застыла, не в силах пошевелиться.

– По-вашему, это о чем-то говорит?

– Никто толком не знает, что происходило под землей. Твоя мать считала, что ты все три дня держалась за решетку, но это маловероятно. Скорее всего, ты застряла где-то в трубах, и тебя вынесло ближе к поверхности, когда вода поднялась. Все трубы связаны между собой. Утверждать что-либо однозначно нельзя. Такие заявления могли лишь дать повод разным домыслам.

– Каким домыслам?

Эмма коротко рассмеялась.

– Всегда находятся скептики, которые все отрицают. Которые во всем видят заговор. В интернете полно темных закоулков, процветающих за счет таких теорий. Тебе повезло, что эти сайты не успели появиться до того, как тебя нашли.

Помню, как мать настаивала, чтобы я не светила в интернете. Однако следователь Ригби говорила, что понимает, почему я сменила имя. Интересно, что ей удалось нарыть о событиях двадцатилетней или десятилетней давности?

– В общем, не важно, – продолжала Эмма. – Ты потерялась, он тебя нашел и стал героем.

– Вы тоже на этом сделали карьеру?

– Можно сказать, все мы с того кое-что поимели, правда?

Мое образование, мой дом. Но ведь я со всеми расплатилась, разве нет? Раздавая себя по кусочкам в угоду другим?

Эмма опять глянула в окно, сделала несколько глотков. Ее как будто знобило.

– В общем, я не стала с ним спорить. Если бы я не проявила интереса, он обратился бы к другим. Когда спросила об этом у самого Шона, тот все отрицал. Сказал, что ничего подобного не было. Так или иначе, та история закончилась ничем. – Эмма поежилась. – Слушай, Арден, то есть Оливия,

всегда можно откопать что-нибудь труднообъяснимое. Некоторым дай только повод, и они не слезут со своей версии никогда. Возможно, так заклинило и Натана. Он говорил, что у него сенсация, а на самом деле цеплялся за какие-то мелочи, которые к тому же плохо сходились. Просто уже не мог смотреть на это иначе. И раз он теперь добрался до тебя, значит, все эти годы его определенно колбасило. – Она помолчала. – Хорошего мало.

На какое-то мгновение я даже удивилась, что ему так запала какая-то мелочь, которую он услышал в девятнадцать лет. И тут же сообразила: разве я сама всю жизнь не пытаюсь отделаться от того, что произошло двадцать лет назад?

В словах Эммы я услышала намек на нечто большее – не только мое отсутствие в том месте до последнего дня.

– Какие мелочи, Эмма? О чем он еще говорил?

– Ну, например, о том, что на тебе были кроссовки, хотя ты якобы вышла, не просыпаясь. Впрочем, к тому времени доктора уже объяснили, что сомнамбулы зачастую бессознательно выполняют привычные действия, вроде одевания ботинок и даже поездок на работу. Еще говорил, мол, твоя мать заявила полиции, что искала тебя повсюду до звонка, тогда как сосед слышал ее крики уже после звонка. – Эмма закатила глаза. – Ну и что с того? Она тебя звала, потом позвонила в полицию и опять вышла во двор.

Я вспомнила стенограмму звонка из папки Натана. Стюарт Госс говорил, что вышел из дома и услышал крики.

– А не проще спросить у самого Стюарта Госса?

Я его смутно помнила – мужчина с проседью, у него еще была такая старая машина и здоровенная собака, которая постоянно лаяла.

– Мистер Госс умер от рака легких года через два после несчастного случая.

– Ох, – сочувственно выдохнула я.

Выходит, Эмма проверила. Проверила все те мелочи, которые упомянула. То есть они и ей не давали покоя.

– Послушай, главное, что у него толком ничего не было. Никакой сенсации. Уверяю тебя, мы все тщательно рассмотрели. Никому не охота быть уличенным во лжи.

– Как-то их слишком много, этих мелочей.

– Кто ищет, тот всегда найдет. Везде можно что-то выискать, если задаться целью. Думаю, Натан не поверил бы даже своим глазам, покажи мы ему видео с места твоего спасения.

К бутерброду я так и не притронулась. Сидела и вертела тарелку, не

решаясь спросить. Но раз уж я проделала такой путь...

– А что думаете вы? – наконец спросила я.

Эмма Лайонс прошла к стойке у стены и налила себе из другого графина. Будто нуждалась в подкреплении.

– Что думаю я, не имеет значения, Арден. Простите, Оливия.

– Пожалуйста, скажите. Все останется между нами.

Она тяжело вздохнула и отпила из своего стакана.

– Мне не дает покоя только одно, о чем нельзя было упоминать в репортажах по причине медицинской конфиденциальности. Один из докторов... Я брала у него интервью в баре, мы оба не очень-то правильно поступали, но я не просила его разглашать медицинские тайны. Мне просто хотелось услышать от него о том, какая ты сильная и выносливая – что-нибудь, что можно использовать в репортаже. Ничего против правил.

– Ну и?..

– Ну и, – Эмма растягивала слова, – он сказал, что ты была недостаточно обезвожена... Подумаешь! Ты же попала в наполненные водой трубы, в грозу! Могла нахлебаться – вряд ли стала бы пить такую воду.

Она забарабанила ногтями по стакану, звук эхом разлетелся по комнате.

– И это все?

– Не все. – Эмма понизила голос, опять глядя в окно. – Еще он назвал травму подозрительной. – Она помахала рукой в воздухе, словно говоря, что не придает этому особого значения. – Я ему тогда возразила, что тебя сначала помотало, потом ты застряла в трубе, непонятно, как и что при этом могло вывернуться. Мол, никто не знает, что там происходило и где тебя носило. И все-таки вокруг каждой годовщины меня гложет мысль... Даже не знаю, как тебе объяснить. Какое-то шестое чувство, что ли. Этакое журналистское чутье, когда кажется, что тут что-то есть.

– А именно?

Своими попытками умалить важность того, что собиралась сказать, Эмма добилась как раз обратного. Я натянулась как струна.

– Тот врач сказал, что травма необычная, но ему доводилось видеть такие раньше. И что она не могла быть получена при подобных обстоятельствах.

Я вспомнила слова Беннетта: «Редкая травма для ребенка. Боль, должно быть, нестерпимая». Поэтому-то я ничего и не помнила! Из-за жуткой боли.

Мы стояли и молчали, слышно было только собаку, грызущую под столом кость.

– И вы никому не говорили? – почти шепотом спросила я.

– О таких вещах? Я не могла. К тому же твоя мать тех врачей на дух не переносила. Как медработник она имела свое мнение, а те считали, что мать только мешает твоему лечению. Так что я бы не стала относиться к этому слишком серьезно.

– Точно, докторов она не жаловала. По ее словам, они не были заинтересованы в моем выздоровлении.

– Твоя мать перестала приводить тебя на осмотры. Кроме того, просочились мнения других медиков, что описания твоего снохождения не соответствуют ни одному из известных диагнозов; то есть что твоя мать – сознательно или нет – искажает правду.

В памяти всплыли слова доктора Кела о том, что лекарствами снохождение обычно не лечат. Может, это была идея матери, а не врачей? Она всегда делала, что хотела.

– Послушай, Оливия, – продолжала Эмма, – все это мелочи. Плюс, доктор тот еще подонок оказался. Он чем больше пил, тем больше расходился. В конце концов вообще заявил, что ты тоже врала. Ну не выродок? Тебе было шесть лет! Какой шестилетний ребенок способен так врать взрослому человеку?

– Врать о чем?

Эмма покачала головой.

– Да о том, что ты ничего не помнишь. Ни минуты из тех трех дней, до того, как Шон Колман не заглянул в дырку и не схватил тебя за руку.

– Я правда ничего не помню, – сказала я. Ничего, кроме темноты, холода, стен и затхлой воды. Даже теперь от одной мысли пробирал озноб.

– Вот черт, а я забыть не могу. Мгновение, когда увидела твою руку. До сих пор страшно. – Она налила себе еще. Сколько же времени все эти мысли бродили в голове Эммы Лайонс, не находя выхода? – Когда история превращается в сенсацию, люди выползают из всех щелей. Каждый норовит подсуетиться. Всем хочется из зависти тебя унижить. Натан Колман – один из тех, кто завидовал возможностям, которые посыпались на тебя, на твою семью. А ему ничего не досталось. Его отец избегал популярности, да и журналистов особо не интересовал. Мямля, говорит тихо, всех сторонится. По-моему, Натан просто хотел урвать кусок пирога, от которого отказывался отец.

При этом мне отводилась роль расхожего товара. Даже собственная мать ко мне так относилась, стремясь урвать что только можно. Натан должен радоваться, что не попал на экраны. Он не представлял себе, чего избежала их семья.

– А были и другие? – спросила я.

– При таких-то деньгах на кону? Конечно. Завидовали многие. Говорили, что твоя мать вытащила счастливый билет. А я считаю: кто перенес то, что перенесла она, тому сам бог велел. Ей это наверняка стоило немалых лет жизни.

– Она умерла.

Эмма поставила стакан.

– Мои соболезнования, я не знала. Отчего?

– Передозировка.

Женщина обошла стол и прищурилась, вглядываясь в окно. На секунду замерла, потом покачала головой:

– К сожалению, я не удивлена. Мы знали, что по этой причине она сменила несколько мест работы. У нас имелись истории, которые мы предпочитали не освещать. Не относящиеся к делу, так сказать. Например, бывшие работодатели, сообщившие нам о ее увольнении.

– За что? – Мне вдруг до боли захотелось узнать.

– По большей части слухи. Пропадавшие рецепты, подделанные подписи. Мелкие нарушения, не относящиеся ни к тебе, ни к твоему спасению.

Я почувствовала непреодолимое желание уйти. Для нее приведенные факты были, скорее, размышлениями на досуге, для меня же именно эти мелочи открывали глаза на многое. Не в связи с происшествием в Уиду-Хиллз, а в отношении моей матери. Я поняла, что она скатилась по наклонной не из-за репортеров и внимания прессы, и даже не из-за пережитого потрясения, а что она всегда была такой.

– То есть она пристрастилась еще до тех событий?

– Не могу сказать, не знаю. Возможно. Если так, то профессионально это скрывала.

– Или таскала на продажу.

Эмма пожала плечами, таким образом дав мне ответ. Мать была готова на все. Она выживала. Продавала рецепты, книгу, мою историю. Продавала наши вещи, когда закончились наличные.

– И вам никогда не хотелось копнуть глубже? – спросила я, не обвиняя, просто размышляя. – Собрав такие факты?

– Нет. Уже то, что произошло после программ в десятую годовщину, переходило все границы. Представь, если бы люди обнаружили, что все с самого начала было обманом.

Последнее слово повисло в воздухе, прозвучав громче, чем нужно. Глаза Эммы широко раскрылись, как будто она хотела забрать назад вылетевшее слово.

Первый раз телеведущая озвучила то, чего я боялась больше всего. Во что верил Натан, для чего все эти годы собирал улики.

Что несчастный случай на самом деле был фальшивкой.

– Меня уничтожат, – проговорила я, думая о людях, которые смотрели и молились о моем благополучном возвращении.

– Нас всех уничтожат, дорогая, – прошептала Эмма.

– Вы думаете, Натан Колман собирается куда-то заявлять?

– Если он возникнет, я сделаю то же, что и десять лет назад, – я его проигнорирую. У него нет никаких доказательств, так что бог с ним.

Я закрыла глаза.

– Я помню. Не все. Холод и тьму. С тех самых пор не выношу замкнутых пространств.

Эмма кивнула.

– Ну конечно! И ты выжила. Так что выкинь из головы. Тут не о чем думать.

– Кроме того, что Шон Колман мертв.

Она помрачнела.

– Убит возле моего дома. И в свете того, о чем вы рассказали, у некоторых есть основания подозревать меня.

Она подошла ближе, так близко, что я уловила запах водки.

– Дорогая моя, разве не ясно? Если уж на то пошло, то подозревать следует нас всех. – Ее холодные пальцы крепко сжали мой локоть. – И если это просочится наружу, то всем нам конец.

СООБЩЕНИЯ ГОЛОСОВОЙ ПОЧТЫ

27 августа 2020 года

Натан Колман, 9:13

Мне кажется, мы недоговорили и как-то странно расстались. Я возле твоего дома, хотел зайти и поговорить. Не вижу твоей машины. Ты на работе?

Беннетт Шоу, 10:03

Эй, я слышал про отпуск. Черт знает что. Если тебе нужно где-то отсидеться, переждать, только свистни. Seriously. Я понимаю, что друг из меня хреновый. Обиделся, что ничего не знал. Но теперь, Лив, мне все равно, кто что говорит. Не пропадай, ладно? Я на работе, телефон при мне. Не до правил.

Маккензи Шоу, 10:45

Здравствуйте, Оливия, это Маккензи Шоу. Только сейчас получила ваше сообщение. Оставляю номер своего мобильного, пожалуйста, перезвоните, когда сможете.

Келвин Ройс, 10:59

Оливия, это Кел Ройс. Вы пропустили прием. Мне звонила следователь, сказала, что зайдет. Будьте добры, перезвоните.

Натан Колман, 11:23

Я знаю, что ты видела. Я знаю, что ты знаешь. Дай мне объяснить. Ты все не так поняла.

Глава 24

Четверг, 16:30

Я ЧУТЬ НЕ ПРОСКОЧИЛА указатель поворота на Уидоу-Хиллз – невзрачный, почти сливающийся с лесом.

Проехав еще с милю и обогнув горный склон, я увидела вдалеке три одинокие вершины, утопающие в сером облаке. Живот скрутило, как на самом верху американской горки, откуда вот-вот ухнешь вниз. Миг перед падением, ужас перед криком.

Съехав с автострады, я старалась увидеть что-то знакомое. Вызвать воспоминания маленькой девочки, которая здесь когда-то жила. Увы, ничто не отзывалось в памяти. Я скорее представляла себе, чем вспоминала. Ничего знакомого при въезде в город. Я не была здесь с семи лет.

В самом городе я тоже ничего не узнавала. Даже три горы вдалеке, которым город был обязан своим названием, всплыли в памяти лишь по фотографиям.

Я хорошо помнила снимки в газетах и интервью. Бледно-желтый дом с коричневатой отделкой, мать перед входом. Сырость коридора, стук дверной москитной сетки.

В воспоминаниях сохранилось только то, что наступило потом.

Крючок на двери, лекарства, горячий шоколад. Врачи и мама у моей постели. Операция, боль, упражнения. Взгляды.

А до того – полный мрак.

Одни лишь истории, рассказанные или прочитанные. Такое впечатление, что я вообще появилась на свет как персонаж из книги матери. Девочка, которая рождалась, брыкаясь и крича. Девочка, чья мать еще до того, как открыла глаза, знала, что дочь пропала. Девочка, чья мать верила, что дочь выживет.

Мы обе из тех, кто выживает, любила повторять мать.

Интересно, узнаю ли я нашу бывшую улицу? Можно ли восстановить в памяти события двадцатилетней давности и понять, из-за чего десятилетиями позже убит человек?

В голове замелькали документы, которые собрал Натан Колман. Стенограммы интервью, звонки в полицию, отрывки из книги матери, выбранные им по какой-то причине. Он посвятил столько времени изучению моей жизни, что наверняка разглядел то, что не лежало на поверхности.

И все же собранным им кусочкам не хватало контекста. Мне предстояло заполнить этот вакуум. И самое главное – постараться хоть что-то вспомнить.

В интернете можно было найти обозначенный на карте путь от места исчезновения Арден до места ее обнаружения. Я слышала, что после спасения сюда водили туристов – почему бы не нажать на драме?

Город прекрасно справился со своей ролью. Жители организовали поисковую операцию и спасли землячку. При этом выжил и сам город. Выстоял под натиском телевидения и прессы и не потерял себя, когда все похлопали и разошлись. Когда всеобщим вниманием завладели другие места, претендующие на сенсационность.

Я ни за что не нашла бы свой старый дом без навигатора. И вряд ли бы узнала. Когда-то его перекрасили в серый цвет. Трава вокруг пожухла. Москитной сетки, стук которой отдавался у меня в голове, на двери больше не было.

Повезло, что дом вообще уцелел после стольких лет.

Поравнявшись с домом, я остановила машину. На противоположной стороне росло несколько деревьев, за которыми начинался лес. Мы жили на самой окраине. Возле соседних домов – никаких машин. В окне кто-то мелькнул, и я двинулась дальше вдоль улицы, следуя по собственным стопам в ту ночь.

В самом конце улицы – поворот налево; здесь меня предположительно смыло с дороги. Я остановилась и вышла из машины. Редкие деревья, между ними – уходящая в лес канава. Туда-то и потащил меня грязевой поток, унося все дальше и дальше по траве и корням.

Я видела запись экскурсии, во время которой людей шаг за шагом подводили к тому месту, где меня затянуло под землю.

К люку вела еле заметная тропинка. Протоптанная идущими по моим следам. Когда я подошла, люк оказался наглухо забитым. Никаких признаков того, что здесь когда-то случилось. Правильно, ведь здесь я потерялась, а не нашлась. И все же большинство туристов ходили именно сюда. Это место стало символом трагедии, самым популярным, с образом зелененькой кроссовки, застрявшей между прутьями решетки.

Я представила себе: проблеск надежды – и нога выскользывает из обуви.

Вряд ли я тогда все еще спала. Просто сознание похоронило травмирующие воспоминания. Тот кромешный ужас, когда меня несло в темноту подземных труб.

Во время поисков журналисты делали предположения о том, куда именно меня могло унести, показывая в новостях карту водоотводной сети. Вычисляли, где я могла дышать, откуда и куда двигаться.

Только та карта, насколько я знала из статей и книги матери, была

неполной. Раньше здесь находились шахты, и новые трубы проложили поверх уже существующих. В результате где-то остались старые люки. Все отмеченные на карте выходы обошли еще в первые два дня и ничего не обнаружили.

Позже высказывались предположения, что меня, должно быть, вытолкнуло в один из коллекторов со стоячей водой. Что мне, возможно, где-то даже удалось отоспаться.

Мне очень крупно повезло. Однако пришлось проявить мужество, настойчивость, не поддаваться отчаянию и не испугаться.

Случилось не иначе как чудо.

Чтобы я выжила, понадобилось столько совпадений, что мое спасение граничило с фантастикой. Потому-то всех так и цепляла эта история.

Место, где я стояла, не вызвало во мне никаких эмоций.

Меня нашли ближе к реке, у одного из люков, принадлежавших старому ливнеотводу. Мать считала, что я вцепилась в решетку и не отпускала ее несколько дней, пока Шон Колман не протянул мне руку. Может, хоть там я наконец что-нибудь вспомню.

Я вернулась к машине и объехала город, выполняя инструкции навигатора. В телефоне был указан и путь пешком. Той же тропой шла Эмма Лайонс в сопровождении своей телевизионной команды.

В листве деревьев шелестел вечерний ветер, раздавался стрекот сверчков, изредка кричали птицы; иногда в кустах прошмыгивал какой-то зверек.

Должно быть, здесь в тот вечер проходил и Шон Колман. В своем единственном интервью он сказал, что оставил машину на окраине города и возвращался туда после дневных поисков, когда заметил мою руку.

Я сразу узнала место. Поляна с люком посередине. Рядом с ним еще сохранилась мемориальная доска, теперь заросшая высокой травой. Я стояла там, где когда-то стояла Эмма, комментируя происходящее. Шон Колман держит меня за руку – значит, я жива.

Во время спасательной операции ко мне подобралась сбоку, чтобы случайно не покалечить. Никто не отважился сверлить решетку над моей головой. Вместо этого рядом вырыли яму и просверлили бетонную трубу, достав меня из-под земли.

Я вышла на поляну, больше не огороженную лентой, сдерживавшей репортеров и толпу любопытных. Теперь, двадцать лет спустя, решетка люка и вырытая яма были наглухо заделаны.

Отодвинув ногой высокие стебли травы, я увидела покрытую слоем грязи доску:

**В честь добрых жителей Уидоу-Хиллз
и в память о спасении Арден Мэйнор**

Подошла ближе, заглянула в отверстие. Внизу капала вода, слабо отдаваясь эхом в колодце. Я наклонилась так близко, что на меня пахнуло холодом. Закрыв глаза, ощутила первые предвестники паники. Головокружение, как и при взгляде в пустую коробку, когда отчаянно ищешь то, чего там нет.

Я встала на колени и схватилась за решетку. Ладони сразу похолодели. Из темного отверстия пахнуло сыростью. Посветила телефоном – ничего, кроме стен и стоячей воды. Выступ от другой ответвляющейся трубы. Я представила, как карабкаюсь вверх к свету и наконец протягиваю руку и хватаюсь за прутья.

Чуть ли не лежа на решетке, я всматривалась в темноту, вдыхая весь скопившийся там ужас. Потом закрыла глаза, пытаюсь хоть что-то вспомнить, однако ощутила лишь пустоту – притягивающая черная дыра вместо воспоминаний.

Открыв глаза, я увидела надвигающуюся тень, будто на солнце наплыло облако.

По шее и рукам побежали мурашки, прижатые к решетке легкие сдавило. За спиной хрустнула сухая трава.

– Не пугайся. – Его обычный, спокойный и уверенный голос.

Я медленно повернулась и поднялась; рука в кармане сжала ключи.

– Не можешь вспомнить, как там оказалась?

Джинсы и та же кожаная куртка, темные очки на голове, прищуренные, всматривающиеся в меня глаза.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, хотя знала ответ: он меня преследовал и выследил.

И теперь настиг, одну.

Натан осторожно шагнул вперед.

– Хочу понять, что ты на самом деле помнишь. В статье тебя назвали изощренной лгуньей.

– Ничего я не помню, – сказала я, отступая. Телефон в кармане; ключи в кулаке. Побежать можно к машине или дальше в лес...

– Как можно не помнить? Тебе же было шесть, почти семь лет. Разве такое потрясение можно забыть?

– Да, из-за травмы.

Повторила то, что слышала от других: что в такие моменты сознание как бы отключается, и мозг функционирует на самом примитивном уровне,

заботясь лишь о выживании.

Ключи больно впились в кожу.

– Я хотел сказать, что знаю, кто ты. Но ты сама об этом заговорила, и я растерялся. Ясно, что только все испортил. Ты психанула, обнаружив статьи. Понимаю.

Типа он меня прощал, будто не он преследовал меня годами.

Я попыталась как можно незаметнее повернуться, чтобы Натан не всполошился раньше времени.

– Мне все равно, – соврала я. Хотя в тот момент меня заботило лишь одно: уцелеть.

Шон Колман мертв. Элиза мертва. И такой амбал вполне мог их укокошить.

– А тебе не должно быть все равно, – наседал Натан. – Вся та история трещит по швам, в ней столько дыр, что даже смешно. И никого это, похоже, не колышет. Звонки в полицию – неувязка; хождение во сне – неувязка; кроссовки – откуда?

Я остановила его жестом. Он просто спятил. Еще бы, десять лет себя накручивать. Десять лет как на вулкане. Все это я уже слышала от Эммы Лайонс.

– Ты сам себя во всем убедил, Натан. – Стоило попробовать его уговорить. Мы даже стояли у отверстия в земле, где меня нашли. Настоящее чудо, которое он пытался извратить. – Никто твою версию не поддерживает.

Глаза Натана потемнели, мой ответ ему явно не понравился. Спустя мгновение уголок рта презрительно дернулся.

– А вот и нет.

Я уже было двинулась еще чуть в сторону, но застыла на месте. Непреодолимое желание узнать правду. Ради своего прошлого, ради самой себя.

– Что?

Вопрос прозвучал так тихо, что я даже засомневалась, произнесла ли его вслух.

– Журналисты эту версию действительно отметили, но знаешь, кто не отмахнулся? – Он сделал эффектную паузу, заставив меня подождать. – Твоя мать.

Я отпрянула, словно он наступал. Хотя Натан не двинулся.

– Ты знал мою мать?

– Не то чтоб знал. Я ей писал. Рассказал обо всем, что мне известно и я могу все доказать. Она-то думала, что единственный человек, кто кроме нее

знал правду, – мой отец. Сечешь? После ее реакции мне больше не требовалось подтверждения. – Я не стала спрашивать, не желала знать. Натан подошел вплотную. – Она-то думала, я – Шон, и спросила, мол, сколько мне надо, чтобы я молчал. Мало того, она мне заплатила!

– Так это ты? Ты нас шантажировал? – Письма с угрозами без обратного адреса со штампом Лексингтона, Кентукки.

– Шантажировал?! – заорал Натан. – По-твоему, это шантаж? Она же всем врала! Она не заслуживала тех денег. Вы обе их не заслуживали.

Я поняла, что он ни перед чем не остановится и мои представления о прошлом изменились. И так, Натан Колман шантажировал мою мать. Она не растрчивала деньги на наркотики, а откупалась от него. Он забрал наши деньги – все, что ей досталось после несчастного случая. Она продала, что могла, лишь бы от него отделаться.

– Ты не представляешь себе, каково это – быть так близко, видеть, как выживаетесь на той истории. А ведь часть этих денег принадлежала нам. Если бы мой отец тогда хотя бы почесался, поучаствовал в паре передач, дал бы интервью – хоть что-нибудь. От него требовалось лишь рассказать свою историю, делов-то. И ничего бы не было. А так, в десятую годовщину, когда поднялась новая шумиха, твоей матери пришлось раскошелиться. – Он провел языком по губам. – Ты точно уверена, что ничего не помнишь?

Натан стоял так близко, что я не видела никакой возможности его обойти, сбежать, выкрутиться. Я задыхалась, будто вокруг смыкались стены.

– У меня травма плеча и руки – ее никто не лечил несколько дней. Вот доказательство того, что я перенесла.

Его глаза скользнули на мою руку.

– А ты никогда не задумывалась, на что способны некоторые ради спасения собственной задницы?

Слова Эммы о заключении доктора, замечание Беннетта по поводу травмы... Натан видел, что меня одолевают сомнения, хоть я и пыталась их разогнать.

– За такие вещи детей отбирают у родителей.

– Я раньше ходила во сне, – упорствовала я, напирая на факты.

Он пожал плечами.

– Очень кстати, правда? Подходящее объяснение. Будучи медсестрой, твоя мать неплохо разбиралась в этих делах.

Я отказывалась верить. Не могла согласиться. Ведь мы «из тех, кто выживает».

«Надо пользоваться случаем», – говорила мне мать.

Тот звонок в полицию, когда она сказала дежурному, что я пропала, что хожу во сне. Что она уже поискала снаружи и меня нигде нет. А после выбежала во двор, зовя меня, когда ее услышал Стюарт Госс.

Причинно-следственная связь: причина уже есть, осталось устроить представление.

– Меня искали целых три дня! – закричала я. – Я застряла под землей, пришлось даже дырку в трубе сверлить, чтобы меня достать.

Я глотнула воздух, пытаюсь успокоиться. Натан видел: я вот-вот готова усомниться в том, что всю жизнь считала правдой.

– Да никто не сомневается: ты вылезла там на третий день. Но это не значит, что ты провисела там все время.

Во всем виновата мать. Запечатлела в своей книге собственные фантазии. Понятно, что я не висела там столько времени. Поначалу я не могла выбраться, но в конце концов ухитрилась доползти до решетки. Тоже мне новость, это ничего не меняет.

Я закрыла глаза и замотала головой, призывая воспоминания о холоде и темноте, о четырех смыкающихся стенах.

– Послушай. – Натан стоял теперь вплотную, практически нависая надо мной и не оставляя ни малейшей надежды сбежать. – Приближается двадцатая годовщина. Ты представляешь, какая будет сенсация? Тебе надо всего лишь вспомнить. Сказать, что ты помнишь.

Вот для чего я была ему нужна. Как всегда, расхожий товар. То, что можно продать. Часть чужой истории, на которой можно нажать.

– Представь себе, какой будет фурор! Ты и я – двадцать лет спустя оглашаем правду о случившемся. От тебя лишь требуется все подтвердить.

Только я не могла.

– Я помню, что была замурована. Действительно помню.

Инстинкт вместо воспоминаний. Страх, пустота. Они что-то значили, они доказывали реальность произошедшего.

– Арден, давай сделаем вот что. – Натан перешел на мое бывшее имя, скорее всего, привыкнув думать обо мне именно так. Глядя куда-то поверх моей головы, он прищелкнул языком. – Ты зайдешь в свой старый дом. Постучишься, представишься – тебя-то наверняка пустят.

Я почти не помнила дома. Ни внутри, ни снаружи. Заходил ли туда Натан? Рыскал, выискивал что-то?

– И вот там, – он сделал паузу, – спустись-ка по деревянной лестнице в недостроенный подвал. Зайди за печь – за ней неприметная дверка. Открой ее и загляни внутрь бетонного закуртка с протекающей трубой. А потом скажи мне, вспомнишь ли ты то место.

– Погоди, – вырвалось у меня. Я физически ощутила холодный бетон, затхлую воду, темноту и безысходность.

– Если нет – я оставлю тебя в покое. Согласна?

Дыхание перехватило, перед глазами мелькали и путались разные образы.

– Нет. Не могу.

– Да какого хрена, Арден? Ты должна вспомнить! – крикнул он, хватая меня за руку и еле сдерживая ярость. – А если не можешь, то вспомни что-нибудь еще, что твоя мать говорила. Или делала. Ты вообще представляешь, сколько нам заплатят за ток-шоу? Или за книгу? Арден, сейчас как раз самый момент!

То же самое я слышала десять лет назад – когда мать пыталась добиться моего согласия. И вот к чему это привело. Теперь меня преследуют. Требуют денег. Натан понятия не имел, что стоит за всем тем вниманием, к которому так стремился. Как его жизнь буквально разберут по кусочкам.

– Это случилось со мной, но история мне никогда не принадлежала, – сказала я.

– Это случилось со всеми нами, – прошипел Натан, сжимая мою руку выше локтя. – Ты просто не видишь дальше своего носа. Тебе помогли люди – спасатели, добровольцы и все те, кто завалил вас деньгами. Ты просто обязана со мной поделиться. – Он тряхнул меня так, что застучали кости.

Я попыталась высвободиться, и он заметил у меня в кулаке ключи.

– Замышляешь нападение, да, Арден? С этими вот ключами?

Его глаза сверкнули, и я поняла: ни уговорить, ни сбежать мне не удастся.

Натан Колман привык добиваться своего.

– Ты убил своего отца? – спросила я и опустила глаза на держащие меня руки.

– Я не изверг, – отчеканил он и отпустил меня, как бы осознав, что далеко зашел. Пересек черту, к которой опасно приближаться. – Я просил отца помочь, а он отказал. – Глубокий вздох. – Я понятия не имел, что он тебя нашел.

Так я и поверила.

– Слушай, совершенно неожиданно... ты мне понравилась, – продолжал Натан.

Я-то знала, что ему нужно. Он хотел такой жизни, как у меня. Я знала, насколько тонкая грань отделяет зависть от ненависти, запугивание от агрессии, недомолвок от лжи – грань, которую легко пересечь.

– Ведь у меня есть и другая версия, Арден. И тоже стоящая. История о том, как к тебе за правдой пришел мой отец. И ты его убила.

– Я не убивала.

Канцелярский нож в ящичке; руки в крови.

– Ой, давай не будем. Мне-то ты можешь рассказать.

Теперь я увидела, что он не просто в ярости, но и в отчаянии. А отчаявшиеся люди способны на все. Я и сама была на грани – как всегда, когда меня зажимали, когда я попадала в замкнутое пространство.

Я закрыла глаза, представив себе, как хватаю нож – первое, что попало под руку. Что, если Шон приходил за помощью; если уговаривал, наседали на меня, загородил выход? Вдруг я вырвалась и выбежала из дома, а тот за мной погнался? Вдруг схватил меня за руку, а я неожиданно развернулась и полоснула его?

– Что за черт, Арден, ты прям как призрак увидела. А ну пошли.

Натан взял меня за локоть и начал подталкивать, прижимая к себе.

– Куда ты...

– К реке. Покажу тебе другой люк. И то, что с тобой произошло на самом деле.

Я выдернула руку и твердо уперлась ногами в землю. Я не собиралась никуда с ним идти – ни в лес, ни к реке. Именно так люди и пропадают.

– Не подходи ко мне, – сказала я, держа руки перед собой.

Наплевать, что он кому скажет, пусть хоть во все горло вопит о своей правде.

После десяти лет слезки и выжидания Натан был близок к цели. Ни один из нас уже не мог вернуться к прошлой жизни.

– Не делай того, о чем потом пожалеешь, – предупредил он.

В стороне послышался какой-то шорох. Натан на долю секунды повернул голову, и я рванула.

Он выругался и побежал за мной.

– Я не собираюсь за тобой бегать! – крикнул он, не останавливаясь. – Черт, да ничего я тебе не сделаю!

Ложь.

Я не остановилась, потому что знала то, чего не знал Натан. По не связанным с физикой причинам никто не мог за мной угнаться. Я опережала всех, потому что бежала, движимая страхом.

На бегу я просчитывала: время до машины, время на то, чтобы открыть дверь и включить мотор. Время на спасение.

Но подвели швы на ноге.

Красивой сказки о том, как он меня не догнал и я спаслась, не

получилось. Он нагнал меня уже на полпути к дороге. Схватил за руку, рванул ее назад – что-то вывернулось и разорвалось в плече. Я вскрикнула от внезапной боли, сложилась пополам, ноги подкосились.

Вспышка света, пронзительная боль, темная комната. Держись, ты только держись...

– Что еще за фигня? – пробормотал Натан, поднимая меня с земли. – Ты чего изображаешь?

Я дышала в его куртку, вцепившись в нее здоровой рукой, не понимая толком, где я.

– Эй!

Голос из-за деревьев, со стороны дороги.

Натан мгновенно зажал мне рот и нос, другой рукой крепко прижимая к себе, голова запрокинулась. Теперь ясно, как он это сделал – как мог это сделать. Канцелярский нож, одно четкое движение по шее. Бросит меня потом на землю и оставит, чтобы кто-нибудь когда-нибудь нашел.

Я вообразила ссору Натана с отцом, как тот пытался его остановить, умолял его, и как...

– Тихо, – шепнул он.

Приближающиеся шаги, Натан, не дающий мне ни пошевелиться, ни крикнуть – рука так сильно зажала нос и рот, что я уже начала терять сознание, не в силах вдохнуть.

– Приди в себя, парень, – другой голос слева от нас. – Отпусти девушку и подними руки.

Боковым зрением я различила полицейскую форму.

– Минуточку. – Натан поднял руки, и я рухнула перед ним, откашливаясь и хватая воздух ртом. – Мы просто разговаривали. Вы нас напугали, только и всего.

Но я уже отползала к полицейскому слева, державшему Натана под прицелом.

– Ребята, тут какое-то недоразумение, – продолжал Натан. – Арден, скажи им. Скажи, кто ты и что мы здесь делаем.

– Руки за спину, – приказал полицейский. Он уже подошел к Натану с наручниками, обыскал его, вынул что-то из кармана куртки. – Следил за машиной этой дамы? – спросил его напарник.

Лишь тогда Натан перестал возражать. Полицейский рядом со мной вызвал по рации подкрепление, и мы все вместе молча двинулись из леса.

Машина Натана стояла вплотную к моей. Сразу за ним припарковался полицейский патруль, и еще один подъехал, как раз когда мы выходили.

Я надеялась, что почувствую облегчение оттого, что избежала

опасности, однако из головы не выходили слова Натана и его уверенность в своей правоте.

Все время, пока ему задавали вопросы и обыскивали машину, Натан не спускал с меня глаз, будто по собственной воле не освобождался от наручников и полицейских. Будто делал одолжение, что не тянет меня с собой на дно.

Я сидела боком на пассажирском сиденье, ноги на земле, и не слышала их разговора, пока Натан не крикнул:

– Скажи им сама, Арден. Скажи правду!

Вновь прибывший полицейский присел передо мной на корточки.

– Арден?

– Оливия.

Он кивнул и протянул руку.

– Ну что ж, Оливия. Пройдемте со мной, и вы нам все расскажете.

Отпустили только под вечер. У меня брали показания, связывались со следователем Ригби. Солнце уже село, и мне предложили остановиться в мотеле неподалеку. Но я просто не могла оставаться.

В полиции, разумеется, знали, кто я: девушка из их города. Фактор, сделавший их заметным местом на карте.

Полицейские выглядели моими ровесниками. Они тоже выросли с той историей. Их родители меня искали. Их дяди и тети давали интервью. Их соседи расчерчивали карту местности на квадраты. Их школы одалживали фонари и оборудование.

У старшеклассников даже возник ритуал: дойти ночью до люка с мемориальной дощечкой, не заблудиться, придумать свои истории. Занавес.

Имя Шона Колмана в полиции знали. Его сына никто не помнил.

– Я еду домой, – сообщила я следователю Ригби по телефону. Мне не терпелось убраться подальше от Натана Колмана и всего, что здесь произошло.

– Встретимся по возвращении, – сказала она. – Вас будет ждать патруль. На всякий случай.

Я надеялась избавиться от внимания вокруг моего дома, а опасность догнала меня здесь.

Пора заново закупорить прошлое и закопать его там, где ему место – в темноте глубоко под землей. Иначе хорошего не жди.

Здесь каждый был уверен, что все знает.

«Я поняла, что ее нет, еще до того, как проснулась». Первая строчка в

книге матери.

Теперь эти слова казались пустыми. Мертвыми и лживыми.
До того, как проснулась. Еще бы, ведь она сама все и подстроила.

ЗАПИСЬ ЗВОНКА В ДИСПЕТЧЕРСКУЮ СЛУЖБУ

ДАТА: 27 августа 2020 года

ВРЕМЯ: 18:17

ДИСПЕТЧЕР: Полиция. Слушаю вас.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА: Я на улице Деверо, Уидоу-Хиллз. Только что видела, как мужчина проследовал за девушкой в лес.

Д: Пожалуйста, назовите свое имя и местонахождение.

НЖ: Примерно посередине улицы Деверо. Вы сразу увидите – там две машины. Девушка приехала сюда первой, а он припарковался и что-то вынул из-под ее машины.

Д: Что вынул?

НЖ: Откуда мне знать. Он явно шел за ней. По-моему, следил за ней...

Д: Это прогулочная тропа?

НЖ: Слушайте, это добром не кончится. У меня на такие вещи чутье.

Д: Хорошо, один из наших сотрудников проедет и посмотрит.

НЖ: Что значит проедет? Срочно выезжайте, черт возьми!

Глава 25

Пятница, 09:30

Я БЫЛА ДЕВОЧКОЙ, которая уехала. Которая не оглядывалась назад. Стучаться и просить зайти в мой бывший дом я не стала. Не стала заглядывать в окна и высматривать дверь в подвал. Выйдя из полицейского участка, я села в машину и уехала. И не останавливалась до тех пор, пока Уидоу-Хиллз не остался далеко позади.

Я унаследовала здоровый инстинкт самосохранения, ему и последовала, как советовала Эмма Лайонс. Пусть все остается в прошлом.

Заночевала в том же мотеле, что и накануне, и с первыми лучами солнца была уже в пути.

Плечо нестерпимо болело. Вчерашний адреналин, должно быть, притупил боль после рывка Натана. С обычным болеутоляющим я кое-как могла вести машину, держа левую руку под рулем.

Не доставая телефона, я позвонила Беннетту. Знала, что застану его на работе. Он тут же ответил, и я услышала объявление по громкой связи в больнице.

– Эй, привет, – сказал он. – Я вчера заезжал к тебе. Волновался.

– Да, я потому и звоню. Возвращаюсь домой из Уидоу-Хиллз.

Молчание.

– Откуда?

– Я просто хотела сказать, что жива-здорова. – Давно пора было это сделать. – Хотя не совсем. На меня напали. Рука повреждена. Болит немного. Долгая история, зато я почти дома.

Я рассказывала Беннетту о распечатках в чемодане Натана, о журналистке из Кентукки, о том, как Натан меня выследил. Тут он не выдержал:

– Кто такой Натан?

Боже, столько же всего я еще не рассказала.

– Сын Шона Колмана. Парень уже несколько лет мной одержим.

– Ничего себе.

– Да черт с ним, я ведь уцелела.

Беннетт молча дышал в трубку.

– Я слышал, ты звонила сестре, – наконец сказал он.

– Ага, спасибо, кстати. Правда, ее помощь теперь вряд ли понадобится.

Натан арестован.

– Так это он убил своего отца?

– Похоже на то. Сегодня узнаю у следователя.

Обещав позвонить сразу как приеду, я нажала на газ. Мне не терпелось поскорее добраться домой. Покончить с расследованием. И еще: я поняла, что соскучилась по своему дому, людям, постоянству. Что у меня теперь было, куда возвращаться.

При виде чужой машины перед домом внутри все опустилось. Я тут же представила себе караулящих меня журналистов. Девочка из Уидоу-Хиллз, замешанная в деле об убийстве. Сколько времени понадобится на этот раз, чтобы ажиотаж стих?

Подъехав ближе, я узнала машину – и человека, сидящего на ступеньках крыльца.

Завидев меня, Беннетт поднялся.

– Не мог не убедиться, что ты действительно цела и невредима.

– Более-менее, – поморщилась я, поправляя дорожную сумку на правом плече. Я оглянулась на пустую дорогу. – Больше никто не появлялся?

– Только твой сосед. Искал тебя. – Беннетт оглянулся на дом Рика за деревьями. – Я ввел его в курс дела. В общих чертах.

Проходя мимо Беннетта, я заметила темные круги у него под глазами, напряжение в плечах. Я открыла дверь и пропустила его в дом, тут же скинув сумку на пол. Беннетт как-то сдержанно улыбался, и я забеспокоилась, что дело во мне, что я опять упустила какой-то нюанс наших с ним отношений.

– Все нормально? – спросила я.

– Да-да, извини. Сегодня в больницу приходила Элизина семья, я не мог сообщить тебе раньше. Мрачный день. Никак не отойду.

– Ох, очень жаль, что пропустила.

Как бы я хотела сказать им, что Элиза была моей подругой, что в короткое время нашего знакомства мне легче жилось, что я скучаю по ней и прошу у них прощения.

– Там целая история. Они боялись возобновления зависимости. После предыдущей работы ее отправили на восстановительную терапию, думали, она больше не употребляла... но, видимо...

Беннетт вздрогнул, мы все-таки многое не замечали друг в друге.

– Что именно она таскала?

– Из больницы? Опиоиды, бензодиазепины. Как обычно. Ее родственники сказали, что она пристрастилась к опиоидам после аварии в юности.

Как и моя мать. Черт, как же я все проглядела? Ведь Элиза даже

рассказала мне про свою аварию, про свое пребывание в больнице, из-за которого и выбрала эту профессию. Предостаточно информации, чтобы понять, в чем дело, а я лажанулась.

– Возможно, излишки она продавала, – добавил Беннетт.

А я-то считала, что знаю ее вдоль и поперек. Да, секреты есть у всех.

Беннетт потянулся и со стоном размял шею.

– Сейчас меня подменяют, однако вечером придется выйти в смену.

– Ты в состоянии работать? – спросила я.

– А куда деваться? Ребята из «Скорой» пообещали замену на место Элизы, а та сотрудница ни с того ни с сего вдруг уволилась. Они вроде бы дружили... Сейчас всем в больнице фигово.

– Да уж.

На меня накатила печаль, перемешанная с чувством вины.

– Ты тут одна справишься? – Беннетт оглядел дом.

Натан под арестом в Кентукки, Рик у себя – рядом и бдит.

– Справлюсь.

– Я рад, что все позади. Что все обошлось.

Под ложечкой засосало.

– Боюсь, заваруха только начинается.

Натана нет, но за мной продолжала следить масса людей. Девочка из Уидоу-Хиллз – сначала жертва, потом свидетель. Не будь договоренности, меня могли заставить давать показания в суде. Надо бы уточнить у Ригби. В любом случае ясно: проблемы не закончились.

Беннетт помрачнел.

– Я имел в виду тех, кто тебя выслеживал. До сих пор не пойму, как тебя одну оставил.

Я взглянула на него.

– Кто ж знал.

Кто бы мог подумать, что та история аукнется через столько времени и на таком расстоянии. Через целое поколение. У таких историй нет конца, они только разрастаются.

Беннетт улыбнулся на прощание. Обещал приехать в выходные, обменяться новостями, как будто все вернулось на круги своя. Разубеждать друга не хотелось. Его оптимизм заражал.

Рик не появлялся, хотя я ожидала, что он зайдет сразу после ухода Беннетта.

Я пересекла границу наших участков, обойдя стороной черное пятно притяжения, где был убит Шон Колман. В доме Рика слышалось движение,

что-то тащили по деревянному полу.

Я постучала.

– Рик, это Лив.

– Минутку, – отозвался старик, прежде чем открыть дверь.

Сосед выглядел как обычно, однако на полу за ним стояла брезентовая спортивная сумка. Подняв было руки для объятия, он передумал и опустил их.

– Я ждал твоего возвращения. Твой приятель все мне рассказал. Да и Нина тоже. Но я хотел услышать от тебя, что все обошлось.

Я оперлась о косяк. Здесь можно говорить правду.

– Было очень страшно.

Слова царапали горло. Рик кивнул и жестом пригласил войти.

– Его арестовали, да?

Я прошла в гостиную и опустилась на диван, уставившись на сумку посреди пола и пытаюсь понять, на что смотрю.

– Ага, задержали в Кентукки. – Я махнула в сторону сумки. – А ты куда собрался?

– Да вот, – сказал Рик, глядя куда-то вдаль, в окно, – решил съездить поговорить с сыном. – Он сглотнул, переминаясь с ноги на ногу. – Джаред в Атланте, не так уж и далеко.

– Что, прямо сейчас? – обалдела я. – Сегодня?

– Я думал, раз ты вернулась... Я тебя дожидался.

События последних дней, похоже, отозвались в каждом из нас. Мы все почувствовали разрушительную силу прошлого, снежным комом способного перекрыть настоящее. Вместе с тем каждый момент, который и сам тут же неминуемо отходил в прошлое, запускал новую череду событий.

– Ну что ж, отличная идея.

Рик шагнул ко мне и, понизив голос, спросил:

– А нож? Ты от него избавилась?

Я решительно кивнула.

– Не уверен, правильно ли мы поступили, – сказал он.

Уезжает именно теперь, чтобы избежать вопросов? Отдалиться от маячащего расследования, которое так усложнилось из-за нашего недоверия друг к другу – и к самим себе?

– Что сделано, то сделано, – твердо сказала я. – Ножа больше нет.

Оставлен в больничной палате, стерильный и неприметный. А мог бы теперь послужить уликой против Натана.

– Лив, ведь он, получается, проник к тебе в дом.

Я остолбенела, неожиданно осознав смысл его слов: Натан находился в

доме, пока я спала. Он же занимался системами безопасности, знал, как что открывается. Я содрогнулась, вспомнив ощущение постороннего присутствия в доме по возвращении из больницы. Дребезжание приборов на кухне после смерти Элизы. Сколько раз он там побывал, сколько раз наблюдал за мной?

Сколько раз я была на волоске от совершенно другого развития событий? Возможно, еще до приезда Шона Колмана?

– Больше он не появится, – сказала я. – Во всяком случае, мне он уже не навредит.

Ну, почти. Натан мог попробовать раскрутить свою версию, найти тех, кто станет слушать. Но теперь он – маньяк и убийца, которому нельзя доверять. К тому же, по словам Эммы Лайонс, никаких доказательств у него нет.

– Поезжай, Рик. А то скоро придется вести машину ночью.

– Я только хочу знать наверняка, что ты... Не дай бог, что случится, если ты вдруг выйдешь во сне. Тебя ж никто не услышит.

Снохождение больше не повторялось с той ночи, когда я наткнулась на труп Шона. И вряд ли повторится, потому что глубоко засевшая во мне травма теперь успешно извлечена. А на крайний случай имелся рецепт доктора Кела.

– Да нет, не беспокойся, – сказала я, поднимаясь с дивана.

– Тогда ладно, – кивнул Рик и потащил свою сумку к выходу.

Выйдя за мной из дома, он запер дверь.

Не знаю, зачем ему вдруг понадобилось так срочно ехать. То ли не хотел врать насчет канцелярского ножа, то ли не мог дольше откладывать. Знакомое чувство неотложности, когда уже на что-то решился и хочется тут же все сделать. Я точно так же рвалась домой, так же не сомневалась, кому позвонить с дороги.

Рик дошел до машины, бросил сумку на заднее сиденье.

– Запасной ключ в сарае, Лив. Если что, бери.

– Ну и место ты выбрал для ключа, – улыбнулась я.

Он тоже улыбнулся, залезая на водительское сиденье.

– Слушай, Рик. Давно хотела тебя спросить. А что я кричала тогда во дворе? Ты говорил, что услышал ночью мои крики.

Я все гадала, что же такое я выкрикивала в ту ночь? Звала мать, как во время кошмаров, когда мне казалось, что я в западне под землей?.. Чертова посылка.

Рик повернулся к рулю, и я увидела, что он сглотнул.

– Ты кричала: «Не трогай меня».

Ночной кошмар. Ужасный сон. Как будто на меня что-то надвигается.

– Счастливого пути, Рик, – сказала я, поевшись.

Сосед махнул на прощанье и скрылся из виду.

Наверняка привиделся очередной кошмар. Иначе зачем бы я кричала такое, в одиночестве, посреди ночи?

И все же из головы не выходил образ Натана Колмана у меня под домом – уже тогда, в четверг ночью накануне убийства. Что еще он обо мне знал? Чем из этого желал поделиться?

И насколько ему готовы были поверить?

ЖУРНАЛ «ОБЗЕРВЕР» – ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЫПУСК

28 августа 2020 года, 14:33

*В Уидоу-Хиллз арестован сын Шона Колмана: новые факты
нашумевшей истории*

Автор: Элис Перри

В предыдущем выпуске «Обзервера» мы делились подробностями о недавнем убийстве Шона Колмана в Централ-Вэлли, штат Северная Каролина. Его обнаружили возле участка Оливии Мейер, которая была ранее широко известна как Арден Мэйнон – девочка из Уидоу-Хиллз (ссылка: см. предыдущую статью).

Двадцать лет назад Шон Колман нашел Арден Мэйнон в ливнеотводном люке. Теперь Арден/Оливия считалась причастной к его убийству.

Однако источники в департаменте полиции проинформировали нас, что в Уидоу-Хиллз арестован двадцатидевятилетний сын Шона Колмана Натан. Он обвиняется в преследовании и нападении. Обвинителем выступает Оливия Мейер.

Связь с текущим расследованием убийства Шона Колмана правоохранительные органы пока не прокомментировали, но доверенные источники сообщают, что Натану могут быть предъявлены новые обвинения.

Глава 26

Пятница, 16:30

СЛЕДОВАТЕЛЮ РИГБИ я позвонила сама.

Она просила связаться, как только я вернусь в город, а мне не терпелось узнать, чем закончится дело Натана. Вернее, есть ли надежда на какое-то завершение расследования в ближайшем будущем или нам предстоят новые напасти.

Наступил переломный момент, мы балансировали на грани очередной катастрофы. Мое прошлое уже не утаить, – однако избежать полного хаоса было еще в наших силах.

Шаги следователя Ригби гулко отдавались на деревянном крыльце. Я ждала в дверях, внимательно к ней присматриваясь: как она вбирала в себя каждую деталь, все подмечала, оценивала, в то же время ничего не выдавая.

– Как вы себя чувствуете, Оливия?

– Неплохо, – ответила я, придерживая перед ней дверь. – Вам что-нибудь налить? Воды или сока?

– Воды, пожалуйста. – Она проследовала за мной на кухню.

– Какие новости по делу Натана?

Затаив дыхание, я достала из шкафчика стакан.

– Пока что его держат в Кентукки по обвинению в нападении и преследовании. – Следователь присела к столу. – Мы можем попробовать завести на него новое дело. Хотя времени на это уйдет немало.

– Мне казалось, что все и так ясно.

Чего им не хватает? Орудия убийства, бесследно затерявшегося в одном из мусорных контейнеров больницы?

– Проблема в том, что, по словам Натана, его не было в городе в момент смерти отца. И у нас нет никаких доказательств обратного.

– Но ведь у меня за домом заброшенный сарай. На участке, выходящем на улицу Хэймер, – я кивнула в направлении деревьев. – Он же мог там отсиживаться, правда?

Ригби бросила на меня быстрый взгляд, и я поняла, что сболтнула лишнего. Она прощупывала меня, как и я ее. Каждая пыталась доказать свое.

Я открыла локтем кран и поднесла к нему стакан.

– Что у вас с рукой?

– Да ничего. – Я протянула ей воду. – Просто болит. Вчера еще не так болела, а сегодня я ею пошевелить не могу.

– Последствия нападения?

Я кивнула.

– Натан меня догнал и схватил. В плече что-то хрустнуло или порвалось, не знаю. До сегодняшнего утра было вполне терпимо.

Ригби поднялась, подошла ближе.

– Вы к врачу обращались?

– Нет. Подумала, приму болеутоляющие, потом видно будет.

Она поставила стакан в раковину.

– Это может нам пригодиться, Оливия. Если во время нападения Натан причинил вам увечье, об этом следует заявить в суде. Травму нужно задокументировать.

– Хорошо, – сказала я. – Заеду в больницу.

Она достала ключи из кармана брюк.

– Вы не можете в таком состоянии вести машину. Идемте, я вас подвезу.

Когда мы выехали на улицу, Ригби вернулась к прерванному разговору:

– Если у вас есть что сообщить, Оливия, то сейчас самое время.

Вот так, без церемоний. Ее манера поведения начинала мне нравиться. При других обстоятельствах мы могли бы стать друзьями. Жаль, я не знала, что ей на самом деле известно, а о чем она лишь догадывается.

– Вы нашли бумаги в гостинице? Натан их годами собирал.

– Нашли, – подтвердила она. – И как я уже сказала, ребята из Уиду-Хиллз предъявили ему обвинения в преследовании. Поэтому я и спрашиваю, нет ли у вас за душой чего-то еще.

Разубедить Ригби было нелегко, несмотря на то что она словно и сама того хотела. Не так-то просто изменить точку зрения, допустить вероятность иной правды. Ей следовало показать, что убийца – не я и не Рик, а озлобленный Натан.

– Думаю, Шон Колман пытался меня предостеречь. Поэтому Натан его и убил.

Пожалуйста: мотив, цель, годы накопленной досады, жажда мести, погоня за тем, что, как он считал, принадлежало ему по праву.

– Шона Колмана убили на месте. Никаких следов борьбы. Его явно застали врасплох, – не сдавалась Ригби.

– Вы Натана видели?

Такой кого хочешь одолеет.

– Хм, – произнесла она, взглянув при этом на меня.

В моем понимании все сходилось, причем на одном человеке. Однако Ригби упиралась. Появление Натана объясняло буквально все. Он мог проникнуть в мой дом, знал местность, шлялся вокруг. Мог взять из ящика

нож, пригрозить отцу, потребовать от того содействия – и свалить потом все на меня, в чем он сам и признался. Якобы у него своя версия. В которой он выступал жертвой и которую мог использовать в личных интересах.

И все же следователя больше цепляли иные фрагменты происшествия. Прямо как Натана, которому не давали покоя неувязки двадцатилетней давности.

– Меня вот что напрягает, Оливия. Вы заявили, что проснулись от телефонного звонка, – опять заговорила она. – В результате чего обнаружили труп.

– Ну да.

Мне не нравилось ее топтание на одном месте, копание в каких-то мелочах, как в первый день.

– Звонки поступили с одноразового телефона. Такие нельзя отследить.

Девушка перехватила руль.

– Натан, – подсказала я.

– Вы думаете, он звонил отцу, чтобы того кто-нибудь обнаружил?

– Да.

Я вполне могла представить себе противоречивые чувства сына к отцу, с которым тот не общался. Запоздалый укор совести или даже слабая надежда, что того еще можно спасти.

– Натан утверждал, что они не были близки, однако в мобильном старшего Колмана мы обнаружили несколько недавних звонков от сына.

Я кивнула, как бы подбадривая ее. Натан сам упоминал, что обращался к отцу за помощью, в которой тот отказал. Видимо, тогда-то Шон и решил приехать и предупредить меня. А сын выследил отца.

Ригби повернула на главную дорогу.

– Он считает случившееся с вами двадцать лет назад неправдой, – выдала она, не глядя на меня.

Значит, парень не молчал. Поделится-таки своей версией, чтобы разбудить вулкан. История грозила взорваться.

– Знаю, – не растерялась я. – И что из того?

Одержимый единственной целью, он пошел на убийство. Сам признался, что шантажировал мою мать, о чем я вряд ли могла поведать следователю, не вдаваясь в подробности. Хотя она и так о многом догадывалась. Она же видела в той пачке письма с угрозами.

«Твоей матери пришлось раскошелиться», – отдавались эхом слова Натана. Мать откупилась, думая, что письма от Шона Колмана, моего спасителя. Надо найти этому объяснение. Возможно, Натан просто запудрил мне мозги, и я пошла у него на поводу. Все, что он наговорил о

моей матери, звонках в полицию, травме руки, подвальном закутке, – я отогнала наплывшее видение, – все могло быть изощренным враньем. Манипуляцией.

Скорее всего, мать заплатила потому, что последствия подобных заявлений могли сильно навредить нам обеим. Даже теперь они грозили все пустить под откос.

Единственным непреложным фактом оставалось мое хождение во сне. Раз это случилось сейчас, могло случаться и раньше.

– В конце концов мы и с этим разберемся, – обнадежила следователь Ригби.

Вряд ли у нее было много опыта в подобных делах. Но если невыясненные вопросы не давали ей покоя так же, как Натану, она могла прийти к каким-то новым выводам. Неужели я больше никогда не выпутаюсь из этого кошмара?

– Вам повезло, – продолжала Ригби, – что кто-то увидел, как Натан пошел за вами в лес, и почувствовал неладное. – Она свернула к больнице, следуя по пути, которым я обычно ездила на работу. – Звонок, кстати, был анонимным.

– Да, мне сказали в полиции.

Ничего удивительного. Жители Уидоу-Хиллз всегда подстраховывали своих и понимали, кто свой, а кто чужой. Почти сверхъестественное чутье, если не знать, как свято они уважали свое личное пространство.

Я подозревала, что звонила Эмма Лайонс. Она знала, куда я еду, знала, что за мной следят – настоящий ангел-хранитель. Наверное, Натан беспокоил ее больше, чем она признавалась. Надо будет у нее как-нибудь спросить.

– Можете высадить меня прямо здесь. – Я указала въезд на парковку «Скорой помощи». Не дай бог Ригби опять придет в голову сопровождать меня внутри в поисках очередных зацепок, которые я случайно оставлю.

Она остановила машину и, когда я уже собиралась выйти, удержала меня рукой.

– Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы мне прислали медицинское заключение. Мы его передадим коллегам из Уидоу-Хиллз. Найдете, кому подвезти вас домой?

– Ага, – кивнула я, открывая дверцу.

Ригби наклонила голову, пока я выходила из машины, и ободряюще улыбнулась. Надеюсь, мы виделись в последний раз.

Я спросила доктора Сидни Бриттон и с облегчением услышала, что та

как раз заступила в смену.

Без сопровождения полиции или оттого, что я попросилась к определенному доктору, ждать пришлось дольше. Мне сделали рентген и осмотрели, прежде чем пригласить в отдельный отсек.

Сидни Бриттон появилась из-за занавески: очки на голове, губы сжаты.

– Пора бы нам перестать встречаться при подобных обстоятельствах. – Она закрепила рентгеновский снимок на панели и уперла руки в боки. – Я уже в курсе. Сама-то ничего?

Я кивнула. Она тоже. Мы друг друга поняли.

– Перелома нет, вывиха тоже. – Доктор попыталась подвигать моей рукой, но я скорчилась от боли. – Повреждены связки. Слишком толстый слой рубцовой ткани.

Интересно, что вообще можно разглядеть в моем рентгеновском снимке?

– А ты можешь определить причину повреждения в детстве?

Для этого мне и нужна была доктор Бриттон. Чтобы ненавязчиво выяснить, что со мной случилось двадцать лет назад.

Сидни взяла мою руку и отвела ее в другом направлении, осторожно проверяя предел растяжки.

– Не особо. Двадцать лет – долгий срок, Лив. Кости слишком отличаются от тех, что у тебя были в детстве. На снимке я вижу лишь недавние повреждения, а прошлые скрыты за давностью лет.

Значит, я так никогда и не узнаю.

– Отдых и болеутоляющие, больше ничего посоветовать не могу. Впрочем, можно попробовать кое-что еще. – Сидни кивнула на снимок. – Процесс нудный и долгий, но многим помогает лечебная физкультура.

Мать перестала водить меня на повторные осмотры и процедуры. Я тоже боялась посещать врачей, чтобы они чего не заподозрили.

– Может быть, – сказала я, соскочив с кушетки.

Я решила подождать Беннетта перед входом в больницу. С одной стороны, я позвонила ему, потому что хотела его видеть. А с другой стороны, чтобы рассказать ему обо всем, не дожидаясь, пока он узнает от других.

– И каков же вердикт? – спросил Беннетт, перекладывая сумку на заднее сиденье, чтобы я могла сесть впереди.

– Растяжение. – Рентгеновский снимок и заключение для следователя Ригби и полиции Уиду-Хиллз зажаты под мышкой. – Прописали отдых.

– Вот и славно. Хорошо, что ты мне позвонила.

Как на заказ, в его сумке зазвонил телефон. Я извернулась, чтобы дотянуться до нее правой рукой.

– Да ладно, не надо, – остановил меня Беннетт. – Небось с работы.

Я уже открывала молнию на сумке.

– Лив, не надо.

Телефон застыл в руке – да, звонок с работы, однако отвечать я не стала. Из сумки на меня смотрел формуляр с моим именем. Отсюда и напряжение в голосе Беннетта. Он вцепился в руль, пока я вынимала бумажку.

Лучше бы видеть его глаза, чтобы понять, что происходит.

– Лив, я сейчас все объясню, – заговорил он, пока я пробежала глазами заголовок. – Я забрал заявление из больницы, чтобы от него избавиться...

– Что за фигня? – тупо спросила я, ничего не понимая.

Больничный формуляр о нарушениях. В обязанности Беннетта входило сообщать о них начальству.

На бланке – мое имя и несколько нарушений: несанкционированное нахождение в больничной аптеке, несанкционированное нахождение в палате пациента...

Подпись сообщившего: Эрин Миллз.

Под ней – подпись Беннетта и дата.

– Какого черта, Беннетт?

– Я собирался от него избавиться, – повторил он. Совсем не в его духе. – Послушай, кто-то на тебя настучал. Нахождение в аптеке, нахождение в палате. Я не знал, что делать. Клянусь, я никуда не сообщал.

Кто-то за мной шпионил. Замечал все, что я делала. Я думала, Беннетт был единственным, кто знал. И что за имя? Не помню такого.

– Что за Эрин Миллз?

– Медсестра в «Скорой». Она часто заходила в ординаторскую. Старше нас, они вроде с Элизой дружили. – Теперь я вспомнила: соседка из 121-й квартиры. – Та, что должна была заменить Элизу, но неожиданно уволилась сама. Короче, не важно. Она свалила, и, кроме меня, больше никто не знает. А я никуда не передавал. Заявление забрал, чтобы от него избавиться.

Типа как я с ножом, только наоборот.

Руки дрожали. Кто-то видел, как я входила в палату. А про нож она тоже знала? Вдруг и в полицию донесла?

В день, когда я пробралась в аптеку, в ординаторской стояла какая-то медсестра с каштановыми волосами. Интересно, что еще она видела? Что еще замечала?

– Лив, не молчи, пожалуйста.

– Почему ты ничего мне не сказал?

У Беннетта напряглись желваки, и я догадалась. Потому что он не мог решить, что с этим делать. А теперь решение пришло само собой.

– На тебя и так столько всего навалилось, – вздохнул он. – Я хотел помочь.

Когда мы свернули на мою улицу, я все еще переваривала новую информацию. Беннетт застал меня в аптеке; слышал мой разговор со следователем в первый день; знал про прием у доктора Кела; наводил порядок в моих вещах, пока я была в отключке. Уговорил прекратить розыски Элизы.

– Возьми и уничтожь его сама. – Он посмотрел на меня в упор, прежде чем завернуть к моему дому. – Это единственный экземпляр.

Беннетт дал мне телефон адвоката, прибегал по каждому звонку. Пора уже доверять ему и его словам.

– Хорошо, – согласилась я.

Он поставил машину перед домом рядом с моей.

– Я могу зайти на секунду? Проверить обстановку.

Я поняла, о чем он: убедиться, что между нами нет напрягов.

Беннетту скоро на работу. Следователь ушла. Я представила себе Элизу – одну в кемпинге. Что поджидает любого из нас? И кто заметит, если возникнут проблемы?

– Ладно, заходи. Сколько у тебя времени?

Он глянул на телефон и поморщился.

– Совсем мало.

Мы поднялись по ступенькам, я отперла дверь, бросила рентгеновский снимок на столик при входе и сразу пошла на кухню. Обернувшись, увидела, как Беннетт зевнул.

– Тебе бы не мешало отдохнуть.

Как, впрочем, и всем нам. Как советовал доктор Кел: не забывать об отдыхе и в первую очередь позаботиться о себе.

– Обязательно. – Беннетт провел рукой по волосам. – У меня столько отгулов скопилось, что их девать уже некуда. Не умею я отдыхать.

– Я заметила, – улыбнулась я.

– Я планирую взять на какое-то время отпуск. Со следующей недели. Так что можешь на меня рассчитывать.

Мы молча стояли в кухне и улыбались.

– Так, я могу еще чем-то помочь? – спросил он.

Я потянулась правой рукой к шкафчику за бокалом.

– Можешь открыть вино – оно в холодильнике.

Не пила вино с тех пор, как закончила предыдущую бутылку – в ночь,

когда нашла Шона Колмана. Пора возвращаться к обычной жизни. Расслабиться под телевизор, выспаться, проснуться поутру свежей и полной энергии.

Беннетт взял новую бутылку вина с дверцы холодильника. Открутил крышку и налил в мой протянутый бокал немного больше, чем я наливала себе сама. При этом поморщился.

– Не понимаю, как ты пьешь эту дрянь из бутылок с крышками. Серьезно, Лив.

Он шагнул ближе, и я подняла бокал. Пульс немного участился.

– Сам попробуй, – поддразнила я, протягивая ему вино.

– Мне ж на работу, – возразил он, однако отпил. Тут же сморщил нос и высунул язык. – Честное слово, Лив, гадость ужасная! – Я засмеялась, он тоже улыбнулся. – Мне правда пора.

– Вот и иди, – сказала я. – Дай мне спокойно посидеть с вином и телевизором.

Я проводила Беннетта до крыльца и подождала, пока свет фар его машины не исчез в наступивших сумерках. Остались лишь сверчки и светлячки. Темный дом Рика. Слабый свет в кухне за спиной. И все же я чувствовала себя в спокойствии и безопасности.

Вернувшись в дом, я взяла бокал и села на диване в гостиной. Включила телевизор, отпивая вино.

Подавилась и закашлялась от первого же глотка – Беннетт был прав, это пить невозможно. Только не в том смысле, как думала я.

Вино прогоркло.

Но бутылка новая, не начатая. Моя вечерняя рутина нарушилась, когда все пошло кувырком.

Я вернулась на кухню, вылила вино из бокала в раковину, взяла бутылку. Трещин нет – непонятно, отчего испортилось вино. Бутылку явно открывали.

Пальцы задрожали.

Беннетт говорил, что из аптеки пропадали лекарства: опиоиды, бензодиазепины. Они действовали как успокоительное. Некоторые применялись как анестетики, чтобы уменьшить тревожность, например, после пережитой травмы или операции. Я помню даже, что в детстве плохо реагировала на одно из таких лекарств.

Я понюхала горлышко, поболтала жидкость, всмотрелась в темное стекло. Осторожно поставив бутылку обратно, отступила назад и оглянулась на темное окно.

Возможно, ничего в бутылке и не было, а вино прогоркло само по себе.

Однако меня смущало совпадение по времени. Каждый вечер с того дня, как Рик нашел меня во дворе: бокал вина, сумбурная ночь, пробуждение снаружи... пропажа канцелярского ножа.

Не иначе, мне что-то подсыпали.

Кто-то здесь побывал.

Я закрыла рот рукой, отступила еще на шаг, перебирая в уме варианты.

Элиза, которая слишком быстро появилась в «Скорой» – откуда узнала, что я там? Потом оставалась здесь со мной, а ведь у нее был доступ к лекарствам! И в баре она была в ту ночь.

Беннетт тоже. Принес мне кофе, налил сок, приготовил еду. Постоянно околачивался в моем кабинете. Мог взять и сделать копию с ключа...

Хватит! Это не Беннетт.

Вот уж кто действительно понятия не имел о моем прошлом. Обиделся, как от предательства, когда узнал, – у него на лице было написано. И все же в голове продолжали вертеться вопросы: почему он отговорил меня от поисков Элизы, почему у него в машине оказался тот формуляр...

Господи, когда же это кончится? Когда я перестану видеть в каждом врага, подозревать окружающих в каких-то кознях? Неужели я больше неспособна воспринимать людей иначе как отпетых злодеев?

Остается Натан. Не иначе как покупал у Элизы наркотики, заходил сюда и взял из ящика нож.

Только зачем кому-то понадобилось стучать на меня по поводу лекарств? С какой стати эта медсестра написала донос? Чем я ей насолила? Может, таблетки таскала не Элиза, а та, которая сбежала, поняв, что из-за расследования начнут копать?

Эрин. Которая жила в соседней квартире номер 121 и не открыла мне, хотя точно была у себя.

По словам Беннетта, она заходила в ординаторскую на нашем этаже, напротив аптеки. Может, я ничего не замечала в Элизе, потому что и замечать было нечего? Может, Элиза засекла Эрин, и та ее преследовала? Беспорядок в квартире... она явно от кого-то удирала.

А теперь та же женщина пытается повесить все на меня.

Ее срочно надо проверить. Передать информацию следователю Ригби – а бутылка вина могла послужить уликой, последним доказательством, чтобы упечь Натана за решетку. Если он меня накачивал, то все еще хуже, чем я думала. И если тут замешана эта Эрин Миллз, то ее можно использовать для дачи показаний против Натана.

Никто, кроме меня, не видел состояние Элизиной квартиры – единственного доказательства того, что она в панике от кого-то спасалась.

«Не трогай меня», – кричала я в темноте. Отбивалась от Натана или кого-то другого?

Я открыла рабочий ноутбук. Вбила имя. Уменьшенное фото с пропуска – такого же ужасного качества, как у всех. Доктора могли позволить себе развернутые биографии и приличные фото. Остальные довольствовались маленькими копиями с пропусков, которые при увеличении расплывались.

Длинные каштановые волосы – да, та же женщина, которую я видела со спины в ординаторской. Наконец я смогла разглядеть и остальное: узкое лицо, большие очки, искажающие пропорции лица. Я всмотрелась пристальнее, пытаюсь добиться четкого изображения, и уловила что-то знакомое. Возможно, я все же встречала ее на этаже. Или в кафетерии, или внизу в сувенирном киоске.

В ее улыбке было что-то еще очень знакомое. По спине поползли мурашки. В сознании зазвучали слова Беннетта: «старше нас».

Я потрясла головой, чтобы сосредоточиться. Отогнать прошлое, не дать ему вновь перемешаться с реальностью.

До нашей больницы в ее файле значилось единственное предыдущее место работы несколько лет назад. В Огайо.

К горлу подкатила тошнота. В глазах потемнело.

Дрожащими руками я схватила телефон и прокрутила историю звонков. Посылка пришла неделю назад. Перед этим – единственный незнакомый номер. Тот неожиданный звонок, как гром среди ясного неба: «Это Арден Мэйнон, дочь Лорел Мэйнон? Мисс Мэйнон, боюсь, у нас плохие новости».

Нервы готовы были взорваться, когда я ткнула в номер.

От потрясения я тогда даже не спросила имени звонившего. Ни на минуту не усомнилась в словах: «Обо всем позаботились, остались только личные вещи». Мать была частью прошлого, которое ворошить не хотелось. Ничего уже не изменишь – к чему продолжать разговор?

Я задержала дыхание: до соединения секунда, еще одна. Время позднее, я ожидала услышать автоответчик. Ну и пусть, главное – узнать, кто звонил.

Первый же гудок отозвался эхом.

Прислушалась – нервы натянуты до предела, рука с телефоном медленно опустилась, сердце готово вырваться из груди. Второй гудок явственно раздался в дальнем конце коридора.

Спотыкаясь, я выбежала из комнаты, ворвалась в спальню, судорожно озираясь в поисках источника звука. Еще звонок – в шкафу, на полке. В той коробке!

Телефон, на который я и внимания-то не обратила. Никчемное

раскладное старье – вряд ли даже заряжен.

Теперь он включился и звонил.

Я опустила на пол, чувствуя, как надо мной смыкаются стены и как мне все равно. Абсолютно все равно. Я открыла телефон, просмотрела список исходящих номеров. Ничего, кроме нескольких звонков – в последнюю ночь Шона Колмана.

Значит, кто-то стоял прямо здесь, у открытого окна, наблюдая за мной. Надеюсь, что я проснусь или что кто-то найдет меня рядом с мертвым телом. Продолжая звонить, пока я не услышала. Пока я не проснулась.

И это был не Натан, а женщина. С длинными каштановыми волосами, слишком пышными для ее комплекции, и чересчур широкой улыбкой. Она возникла, как воскресшая из мертвых.

Произошло то, чего я страшилась годами.

Не знаю, как долго я просидела на полу, пока не услышала шаги. Мимолетное движение под окном спальни.

Я встала, беззвучно прошла через комнату к окну. Шорох снаружи дома; слабый свет внутри. Меня не видно.

Скрип ступенек на заднем крыльце.

Я вспомнила, как сидела на диване у Рика в ожидании полиции. Как растягивалось и сжималось время, и он сказал: «Долго же сюда добирается помощь».

ЗАПИСЬ ЗВОНКА ИЗ ДИСПЕТЧЕРСКОЙ СЛУЖБЫ В ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕНТРАЛ-ВЭЛЛИ

ДАТА: 28 августа 2020 года

ВРЕМЯ: 21:21

ДИСПЕТЧЕР: К нам поступил звонок о вторжении в дом номер 23 по улице Олд-Харт. От неизвестной женщины. Звонок прервался, повторно связаться нам не удалось.

СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ: Вас поняли. Сама звонящая еще в доме?

Д: Да, одна в доме. Она сказала, что ей не выбраться.

СП: Высылаем наряд к дому 23 по Олд-Харт. Есть какая-нибудь дополнительная информация?

Д: Это все, что она успела сообщить до того, как прервалась связь.

Глава 27

Пятница, 21:20

Я ДОСТАЛА ИЗ ШКАФА стремянку и закрыла спальню на крючок.

Замерла в полной готовности – ухо прижато к деревянной двери в ожидании звука открывающегося замка или разбитого стекла.

Но было тихо.

Я откинула крючок и вышла из спальни в почти темный коридор. Слабый свет от оставленной в кухне лампочки и телевизора в гостиной. Босиком по холодному полу, взгляд за угол в кухню, в темное окно. Ничего не видно – заднее крыльцо все еще без света.

И тут я услышала, как повернулся ключ в замке и заскрипела задняя дверь.

Я затаила дыхание. Восемь шагов до двери, ключи от машины на столике при входе. Три шага по крыльцу, семнадцать шагов до машины.

Подсвеченный силуэт в дверном проеме – и вот она внутри. Я увидела ее прежде, чем она меня. Длинные волосы убраны назад, никаких очков. Еще мельче, чем я помнила, вся какая-то заостренная. Взглянула на открытую бутылку с вином, взяла бокал, посмотрела в него.

– Мам? – Я шагнула на свет.

Галлюцинация, кошмар, спровоцированный вином и лекарствами? Для чего ей понадобилось отправлять мне посылку, подговаривать кого-то звонить, убеждать меня в собственной смерти?

Она подскочила, отставив пустой бокал.

Вот от кого я отбивалась ночью, кричала, чтобы меня не трогали. Знакомый смех в больнице, голос, подсказавший следователю мой кабинет. Момент, которого я подсознательно ожидала все эти годы.

– Привет, дочка. – Ее лицо расплылось в чересчур широкую улыбку.

– Мам, – повторила я, – что ты сделала?

Многослойный вопрос. Что произошло с Элизой, с Шоном Колманом, со мной – двадцать лет назад.

– Я тебя оберегала, – сказала она, приближаясь ко мне. – Теперь ты в безопасности, все скоро закончится. Иди сюда, – она жестом показала на стол, ожидая моего повиновения. – Сядь-ка здесь.

Думала, я допила вино и теперь под влиянием того, что она туда подсыпала.

Она давно наблюдала, изучала мои привычки. Пробралась в мой кабинет в больнице и сняла копию с ключа от дома? Запросто. Я не запирала кабинет. Слишком расслабилась, почувствовала себя в безопасности.

Я попятилась.

– Арден, подойди сюда, садись. – Мать подошла ко мне и, приобняв, подтолкнула к столу.

Ноги плохо слушались. Я опустилась на придвинутый ею стул. Она взяла у меня из рук телефон и положила себе в задний карман.

– Мам, я думала, ты умерла.

– Правда?

– Ты прислала мне посылку.

Она печально улыбнулась.

– Я надеялась, ты станешь меня искать. Расстроишься. А ты... поставила ее в шкаф и продолжала жить своей жизнью. Я думала, ты узнаешь эти вещи, ну и... – Она покачала головой. – Ты всегда меня удивляла.

– Ты изменила имя, – промолвила я.

– Не одной же тебе начинать все сначала. – Мать провела рукой по моим волосам. – Ты из тех, кто выживает, дочка.

В голове все перемешалось. Но не от лекарств. От ее вида, от настигшего меня прошлого.

Мать прошла к столешнице, достала из шкафчика чашку, как у себя дома.

– Скажи, – опять заговорила я, – это ты их убила?

– Что? – удивилась она. – Кого?

Она налила в чашку воды из-под крана. У меня пересохло в горле.

– Шона Колмана.

Ее лицо изменилось, налилось яростью. Я вспомнила резкие смены настроения, ее гнев.

– Колман шантажировал нас годами. Кровопийца. Ненасытный клещ. Требовал того, что ему не принадлежало. Знаешь, где я его видела на прошлой неделе? В холле больницы. Решил одним махом двух зайцев убить. Окликнул меня по имени – бывшему имени. Он приехал за нами, дочка. Он бы тебя в покое не оставил.

Она ошибалась. Шон Колман искал меня, чтобы предупредить о своем сыне, который приставал к нему и к ней десять лет назад. Шон хотел мне помочь, а напоролся на мою мать.

И потом наблюдал за ней? Смотрел, что она делает?

Вот. Вот от чего он хотел меня предостеречь. Не от своего сына, а от моей матери. А теперь она здесь.

– Шон тут ни при чем.

Она обернулась и в упор посмотрела на меня.

– Не будь такой наивной, милая. – Она отвернулась и поставила чашку в микроволновку. – Я всегда, всегда была рядом, чтобы тебя защитить. Кто, по-твоему, позвонил в полицию, когда тебя преследовал Натан?

Анонимный звонок в полицию – это она меня оберегала. И теперь Натан Колман за решеткой, и все расследование крутится вокруг него, а не меня.

– Его отец шантажировал нас годами. Ясное дело, яблочко от яблоньки...

– Отец ни при чем. Все эти годы, письма, шантаж – все дело рук сына. Натана.

Она непонимающе смотрела на меня, потом сделала глубокий вдох, расправила плечи.

– Арден, за тобой и твоим домом следил отец.

– Да нет же! – Я невольно повысила голос. – Он хотел меня предостеречь. И даже не по поводу сына. Все совсем не так, как ты думаешь. Он хотел предупредить меня о тебе.

Я слишком резко вскочила, чуть не опрокинув стул.

Мать дернула головой, не понимая.

– Арден, успокойся. Ты не в себе.

Правильно. Надо успокоиться. Нельзя впадать в панику, иначе от меня не будет толку. Я просто сбегу.

Шесть шагов до двери кухни, тринадцать – до входной. Успею ли добежать до Рика? До его сарая? До сейфа с оружием? При незажившей коленке и поврежденной руке?

Вокруг никого, помочь некому.

Микроволновка запищала, и я увидела, как мать потянулась за стоящим рядом пузырьком с таблетками от доктора Кела. Прочитала этикетку, быстро поставила обратно.

– Мам, мне нужно знать, что произошло со мной на самом деле.

Вздых.

– Иди ляг, Арден. Отдохни, я сделаю тебе горячий шоколад.

Она махнула в сторону спальни. Я подчинилась и вышла в коридор.

За спиной послышался перестук таблеток во встряхиваемом пузырьке. Помню... Мать, готовящая ночью горячий шоколад, чтобы меня успокоить. Таблетки, чтобы меня остановить.

По телу пробежал озноб. Получается, она травила меня всю жизнь – даже в детстве? То есть Эмма Лайонс была права? Она подсыпала мне эту гадость еще до хождения во сне? Доктор Кел сказал, что снохождение – побочный эффект снотворных.

С каким же чудовищем я жила?

Я прошла босиком в гостиную – экран по-прежнему горел. Может ли тут что-нибудь пригодиться?

– Арден, – прозвучал мамин голос за спиной. – Ты куда?

Скрип шарнира, щелчок – и весь свет погас.

Она вырубилась электричество. Сомнений не оставалось: мать знала, что делает. Мы очутились в полной темноте, и вокруг меня начали смыкаться стены. Бежать некуда; я никогда отсюда не выберусь.

Я застыла на месте, ничего не видя в темноте, слыша лишь собственное учащенное дыхание и удары сердца, – пока холодные пальцы не схватили мой локоть.

Мать рванула локоть на себя, и я вскрикнула. В памяти возникло другое событие, другое время.

– Это он повредил тебе руку? – Ее шепот у меня над ухом.

– Да, – так же шепотом ответила я.

– Ладно, – сказала она, – я знаю, как тебе помочь. Пошли.

Пока мы шли по темному коридору, я вела свободной рукой по стене. Почувствовала, как открылась дверь, и меня обдало холодным воздухом.

– Сюда. – Мать подтолкнула меня к ступенькам. Единственный путь наверх, единственный выход. – Стой здесь, я сейчас.

И она закрыла за мной дверь.

Лестница в темноте. Сужающиеся стены, запах дерева. Я задрожала всем телом.

Мое единственное четкое воспоминание тех лет: стены, затхлая вода и ни единого выхода. И сейчас я сделала, вероятно, то же, что и тогда. Не повернула назад, а двинулась вперед. Поднялась наверх.

Я стояла посреди чердачной комнаты с единственным выходом – окном. Паника нарастала. Ограниченное пространство, один-единственный выход. Я бесшумно опустилась в кресло-качалку, уставившись в рифленое окно, пока глаза не привыкли к темноте.

Я выжидала.

Мне нужно было узнать правду. Выяснить все до конца у матери и разобраться с самой собой.

Дверь распахнулась, комнату наполнил аромат шоколада. Мать обошла кресло и встала между мной и окном. Ее силуэт выделялся на фоне слабого света луны. Я вдруг поняла, что лампочку выкрутила она. Она давно здесь хозяйничала.

– Вот, возьми. – Протянула мне чашку. – Снимет боль.

– Не надо. Я хочу услышать от тебя, что произошло двадцать лет назад.

Она поджала губы, потом ухмыльнулась.

– Ну что ж. Пей и поговорим.

Я взяла у нее из рук чашку и отхлебнула обжигающей жидкости.

Маленькая уступка в обмен на правду. Сколько мать рассчитывала в меня влить, чтобы я ничего не помнила? Чтобы не сопротивлялась? Что она собиралась со мной сделать?

– Что у меня с рукой? – спросила я, кивнув на левое плечо.

Беннетт имел на этот счет свое мнение, врачи – свое; своя версия была даже у Натана. Однако никто из них не знал точно.

Мать задрала голову.

– Ты правда ничего не помнишь?

Эмма Лайонс говорила, что доктор считал меня врушкой. Что в шесть лет я врала, потому что мать стояла рядом.

– Как это произошло?

– Несчастный случай. Ты неадекватно реагировала на одно из лекарств, заводилась... становилась неуправляемой. Арден, клянусь, у меня не было другого выхода. – Мать взмахнула рукой. – Мы стояли на лестнице – честно, ты бы погубила нас обеих, поэтому мне пришлось... Все случилось очень быстро: я хотела втянуть тебя обратно, но ты завопила, и я отпустила руку. Ты покатишься вниз. – Она покачала головой. – Я не хотела делать тебе больно, поверь. Я не виновата, что у детей такие хрупкие кости.

Вспышка. Меня хватают за руку – что-то хрустит, рвется. Я сжимаюсь в комок и падаю.

Ступени. Единственные ступени в доме вели в подвал.

И потом – боль; такая жуткая, что у меня перехватывает дыхание.

Ее лицо. Ее слова. «Ничего, ничего, спокойно, вот возьми...»

Все она. Всегда она.

Когда же мои недомолвки превратились в ложь? В шесть лет, в больнице, когда мать стояла рядом? Неужели она уже тогда подумала, что я все поняла и ей подыгрываю? Научилась выживать, как она?

Лекарства, которые она давала на ночь, провоцировали хождение во сне. Мать накачивала меня, чтобы я была спокойной и послушной, чтобы не мешала ей жить своей жизнью. Однако дети реагируют на такие вещи иначе, чем взрослые. У них возникает повышенная возбудимость, начинается снохождение.

– А мое исчезновение ты инсценировала?

Вся та история – обман.

Мать не спускала глаз с чашки, пока я не отпила еще глоток.

– Нет, все получилось само собой. По идее ты потерялась бы на пару

часов, на короткое время. Твой кроссовок должен был направить поиски в лес, где ты якобы заблудилась и повредила руку. Но все повернулось иначе. Пошел ливень, кроссовок застрял в решетке, ну, ты знаешь. – Она передернула плечами. – История зажила своей жизнью, нам оставалось лишь не упустить момент.

Подвал. Четыре стены. Затхлая вода и камни. Невыносимый мрак и боль, от которой она меня якобы лечила. Провалы в памяти, когда я теряла сознание. Болеутоляющие в немереных количествах, чтобы поддерживать меня в том состоянии.

– Как я оказалась в трубе?

Мать выждала, пока я отхлебну еще, и я заметила в чашке белые гранулы снотворного. Сколько их достаточно для передозировки? Она знала? Ее это заботило?

– При таком внимании со всех сторон тебя обязательно бы нашли. Они раздобыли инфракрасные бинокли, так что я отвела тебя к одному из старых люков у реки. – Мать усмехнулась. – Боже мой, Арден. У меня чуть сердце не остановилось, когда тебя там не оказалось. Ты пропала! Я велела сидеть и не двигаться, но ты ж не послушалась.

Ее реакция во время интервью была подлинной. Я действительно пропала. Проползла по темным трубам к собственному спасению.

– Я понимаю, ты прошла через ужасное испытание... Зато мы столько с того поимели! Столько всего! И теперь можем поиметь.

Я больше не хотела ее слушать, не хотела терпеть ее присутствие. Я представляла для нее лишь возможность что-то урвать, дать истории новый виток, в очередной раз кинуть меня на расправу.

– Люди тебя послушают. Нас послушают. Тот парень хотел тебя подставить, а ты выжила – опять выжила.

– Хватит!

Я закрыла глаза, поняв, что каждую ночь, еще до Шона Колмана, мать накачивала меня этой мерзостью. Отсидживалась здесь наверху, пока я бродила в темноте, запирала меня снаружи. Хотела меня запугать, чтобы я сбежала или позвала на помощь? Выталкивала меня по ночам из дома, чтобы привлечь ко мне внимание? Рисковала моей жизнью, чтобы возродить историю? Чтобы люди заметили?

А однажды она увидела Шона Колмана, и дело приняло совершенно иной оборот...

Я была для нее лишь товаром. То, на чем можно заработать. Она покалечила меня. Убила Шона. И...

– Что ты сделала с Элизой?

– Успокойся, пожалуйста, – сказала мать. – Выпей и успокойся.

Чего она добивалась? Того же, что с Элизой?

Ну уж нет. Я встала. Чашка упала на пол, разбилась, брызги горячего шоколада разлетелись во все стороны. Мать отпрыгнула от неожиданности.

– Что ты с ней сделала? – повторила я.

Мать отступила, но тут же вновь завладела разговором.

– Некоторым много не надо. Они сами готовы себя подставить, – сказала она. – Элиза в первый же день сказала мне, что только вышла из реабилитационного центра. О таких вещах не распространяются, это чревато.

Господи, значит, Элизу убила она. Сердце бешено заколотилось, стены начали смыкаться.

– Нет, – выговорила я. – Неужели?..

– Что ты так всполошилась, дочка? Элиза не была наивной дурочкой. Она и за тобой приглядывала. Помогала мне воровать из больницы. И, кстати, не отказывалась от денег.

В тот день Элиза постоянно посматривала на окно. Уже тогда знала больше, чем я. И попыталась убежать. Но мать ее опередила.

И теперь я стояла на пути ее нового плана. Если не соглашусь ей помочь, кем я стану на этот раз? Несчастной жертвой передоза? Девушкой, не выдержавшей чрезмерного внимания полиции, журналистов, не справившейся с молвой?

Если я не соглашусь действовать с ней заодно, что она сделает? Пожертвует дочерью для собственной выгоды? Без сомнения. Не впервой. Она ни перед чем не остановится.

– Ты чудовище. – Слова больно царапали горло.

Вдалеке послышался вой сирен. Мать повернулась к окну, лицо напряглось.

– Что ты сделала?

Отсветы на стекле – она потянулась к заднему карману, где лежал мой телефон.

– Я позвонила в полицию, – ответила я.

Мать закрыла глаза, руки перед собой – она уже соображала, как выкрутиться. Как можно все будет повернуть, чтобы оказаться на коне. Шагнула ближе.

– Так, милая, ты наглоталась лишнего. – Типа, она появилась как раз вовремя, чтобы меня спасти. – Ты не в себе.

– А вот и нет, – возразила я. – Я ничего не пила.

Мать подошла ко мне вплотную. Стены начали смыкаться, выхода нет.

Схватила меня за руку, вне себя от ярости, не зная, что предпринять.

– Мы сейчас сделаем вот что...

В глазах холодный расчет. Она просчитывала выходы – а выход был только один.

Вой сирен слышался все ближе, все настойчивее. В этот миг я почувствовала холод и мрак, прикосновение к каменным стенам.

Я оттолкнула ее. Оттолкнула изо всех сил, так что она врезалась в стекло, разбив его вдребезги.

Она упала на декоративный балкон, неспособный выдержать значительный вес. Я думала, он сразу же рухнет, однако балкон устоял. Вся в осколках и крови, мать, шатаясь, поднялась на ноги.

Сирены совсем близко, мигание красных и синих огней, их отсвет на куске стекла, зажатом у нее в руке. Я шагнула к ней и услышала:

– Арден...

Мне вдруг стало все равно. Она была готова меня убить.

За мной – ступени, передо мной – окно. Порыв холодного ночного ветра подтвердил: я больше не в западне. У меня есть выход.

Я сосредоточила все внимание на куске стекла, зажатом у нее в руке, на том, что нужно сделать, чтобы вырваться. Пока она не обрела равновесия, пока не бросилась на меня, я толкнула еще раз, и перила деревянного балкона треснули. На долю секунды наши глаза встретились, я попяtilась от протянутой ко мне руки – и она исчезла.

Первая машина уже заворачивала к дому, озаряя участок светом фар. Везде разбитое стекло – здесь наверху и на земле. Осколки, кровь и в самом центре – моя мать.

Бутылку с вином полицейские забрали с собой.

Как и покрытые липким шоколадом осколки чашки.

Вскоре забрали и мою мать – на носилках, под простыней. Я так и не узнала, отчего наступила смерть: от многочисленных порезов или от удара о землю. Мне было все равно. Я давно свыклась с мыслью, что ее нет.

Я стояла и безучастно наблюдала за всем из разбитого окна.

– Вам не следует оставаться наверху. Здесь кругом осколки.

Возникшая рядом Ригби всматривалась в темноту. Пора уходить. Выйти на воздух. Хотя я больше не чувствовала себя взаперти.

– Переживу как-нибудь, – сказала я.

Чистая правда: я пережила свою мать. Двадцать лет я пыталась вырваться из ее пут, из сочиненных ею историй, которые затмили собой реальность.

– Как вы себя чувствуете?

Следователь знала о лекарствах, о таблетках, но толком вопроса я не поняла. Отмахнулась, показав ей порезы на ладонях.

– Я ничего не чувствую, даже этого.

Ригби понимающе кивнула.

– Пусть вас внизу обязательно осмотрят, хорошо? – Она протянула мне телефон. – Кстати, вот: нашли у нее в кармане. По-моему, ваш.

– Да, – сказала я, протягивая руку. – Мать у меня его забрала.

Ригби не выпускала телефон.

– Хорошо, что вам вовремя удалось позвонить.

– Я помнила, как долго сюда добирается помощь. Позвонила сразу, как услышала снаружи шаги.

– Правильно сделали, – кивнула она. – Вы знали, что это ваша мать?

– Я считала ее умершей, – не соврала я.

Несколько секунд Ригби вглядывалась в меня и наконец отпустила телефон.

Мы стояли рядом и смотрели на отъезжающую «Скорую». Мелькнула мысль выложить все начистоту: что Натан прав и та история вовсе не такая, как представляется. Что мать всегда рисковала моей жизнью ради наживы. Что она уже однажды покалечила меня и пыталась замести следы и что, не задумываясь, сделала бы это снова.

Но эта история принадлежала только мне.

– Жуткая сцена, – промолвила Ригби, выглядывая из разбитого окна. – Вы могли бы упасть. Вам крупно повезло.

– У меня не было другого выхода, – сказала я.

– Я знаю. Слышала ваш звонок в диспетчерскую. – Она повернулась ко мне. – Могла бы получиться крутая история.

– Нет уж, спасибо.

Натана арестовали за то, что он совершил, и я собиралась добиваться, чтобы его посадили за решетку или хотя бы запретили ко мне приближаться. Кроме него, Шона Колмана и моей матери, я была единственной, кто знал о случившемся двадцать лет назад. Эта история принадлежала мне одной, и я не собиралась ею ни с кем делиться.

Будь на то моя воля, после дачи показаний о последних событиях я больше никогда бы о ней не упоминала.

Я твердо усвоила материнский урок. Самая правдивая история – та, что ты рассказываешь самой себе в полном одиночестве.

ЗАПИСЬ ЗВОНКА В ДИСПЕТЧЕРСКУЮ СЛУЖБУ

ДАТА: 28 августа 2020 года

ВРЕМЯ: 21:19

ДИСПЕТЧЕР: Полиция. Слушаю вас.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖЕНЩИНА: У меня в доме посторонние.

Д: По какому адресу?

НЖ: Улица Олд-Харт, дом 23. Сентрал-Вэлли. Пожалуйста, поспешите.

Д: Вы можете выйти?

НЖ: Не могу. Я спряталась. Шаги приближаются.

Д: Хорошо, высылаю сотрудников. Найдите окна или двери.
Постарайтесь себя не обнаружить и как-то выбраться.

НЖ: Она знает, что я здесь. Мне не выбраться.

Связь прервана.

Время: 21:20

Благодарности

Спасибо всем, кто помог созданию этой книги, от ее задумки до публикации:

моему агенту Саре Дэйвис – за ее содействие и поддержку в каждом моем проекте;

моему редактору Мэриью Руччи – за блестящие идеи, отзывы и поддержку от изначальной идеи до окончательной версии, а также целой команде издательства «Саймон и Шустер», включающей Ричарда Ропера, Джонатана Карпа, Зака Кнолла, Аманду Ланг, Элизабет Бриден, Хану Парк, Мари Флорио и множество других, кто помог книге выйти в свет. Работать с вами – одно удовольствие!

Я очень благодарна доктору Пэм Хойт и следователю сержанту Ли Энн Улер за то, что не пожалели времени, давая ответы на мои многочисленные гипотетические вопросы и проясняя для меня некоторые детали.

Спасибо моим взыскательным партнерам Меган Шеперд, Эшли Элстон и Эль Косимано за проверку, мозговые штурмы и рекомендации на ранней стадии работы над книгой. Спасибо Меган С., Бет Ревис, Кэрри Райан и Гвенде Бонд, которые выслушивали мои еще сырые идеи, обсуждали их и убеждали меня написать этот роман. Я благодарна всем вам за дружбу и поддержку.

И как всегда, отдельная благодарность моей семье.

Об авторе

МЕГАН МИРАНДА – автор таких бестселлеров «Нью-Йорк таймс», как «Все пропавшие девушки», «Идеальная незнакомка» и «Последний гость», вышедших в издательстве «Риз Бук Клаб». Она также написала несколько романов для молодежи, таких как «Найди меня, если сможешь», «Фрагменты прошлого» и «Опасная ложь». Меган выросла в Нью-Джерси, окончила Массачусетский технологический институт и живет в Северной Каролине с мужем и двумя детьми. Подпишитесь на @MeganLMiranda в Твиттере и Инстаграме или посетите сайт MeganMiranda.com.

Примечания

1

Widow Hills – Вдовьи Холмы (*англ.*).